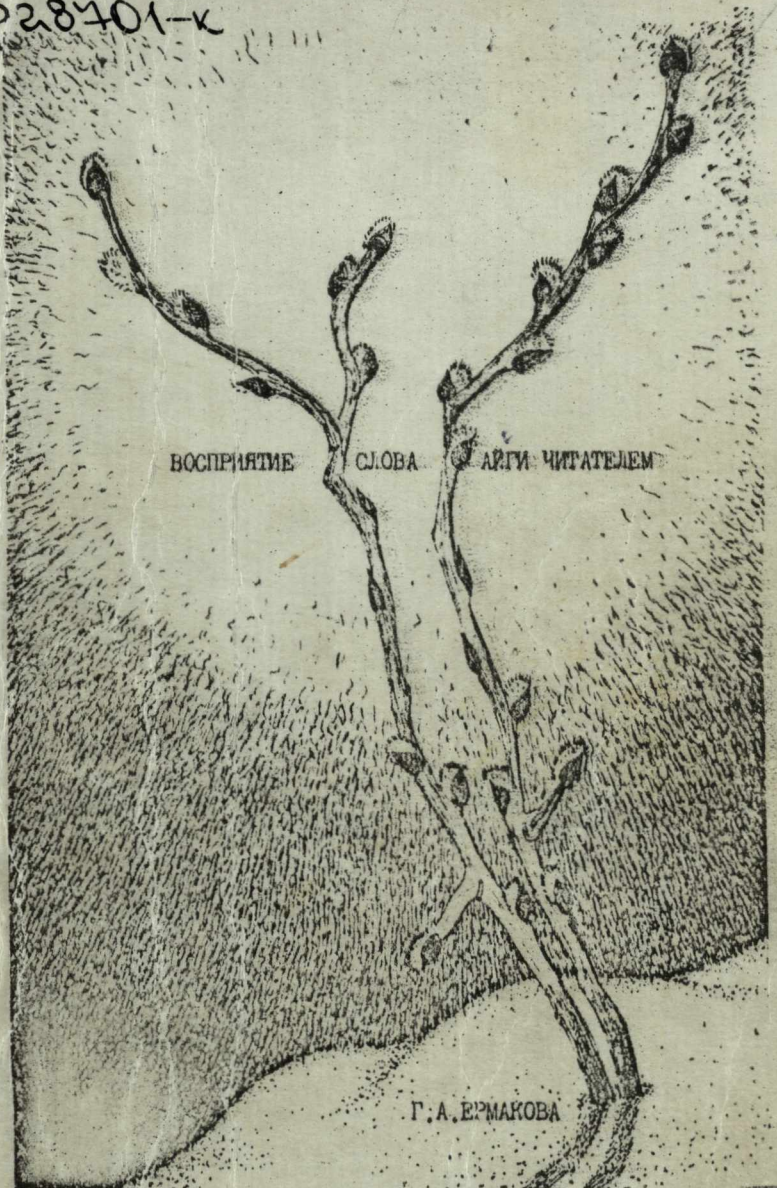

к 83.3
Б42

ЧУВАШСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
КАФЕДРА ЭТНОПЕДАГОГИКИ КАФЕДРА МНОГОЯЗЫЧИЯ

Р28401-к

ВОСПРИЯТИЕ СЛОВА АРТИ ЧИТАТЕЛЕМ

Г. А. ЕРМАКОВА

г. ЧЕБОКСАРЫ
1996

k-028701

ЧР

1 экз. авт.-еств. в рр

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

833 28701-к
Е72

Брянское
Библиотечное

23.03.2009. 51 04238
25.03.09. 04278 1л

2009
2009

ЧР

к

к 83.3

Е 72

ЧУВАШСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
КАТЕДРА МНОГОЯЗЫЧИЯ, КАФЕДРА ЭТНОПЕДАГОГИКИ

Г. А. ЕРМАКОВА

ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ СЛОВА АЯГИ

ЧЕБОКСАРЫ
1996

С. И. МАРИЯ
МАР 2 1996

К8 3.39 (= 498) / 63-8 < Г.Н. Айги > 491

83.3 (2 PDS = 498) / 63-8 < Г.Н. Айги > 491

Галина Алексеевна Ермакова

"Восприятие читателем слова Г.Н. Айги".

В пособии, подготовленном старшим преподавателем Чувашского республиканского института образования Ермаковой Г.А., представлен материал эксперимента по восприятию читателем слова Г.Н. Айги.

Эксперимент проводился в средней школе №16 г. Новочебоксарска Чувашской Республики. Пособие адресовано учителям-словесникам, работающим по новым программам, преподавателям вузов, студентам-филологам.

Рецензенты - Родионов В.Г., доктор филологических наук, профессор.

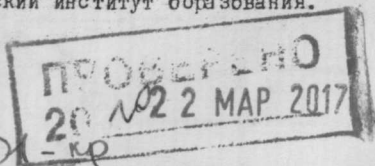
- Нушина Л.Д., учитель высшей категории школы-гимназии №46 г. Чебоксары.
- кафедра этнопедагогики ЧРИО.

Рукопись рассмотрена на заседании кафедры этнопедагогики, одобрена и рекомендована в печать.

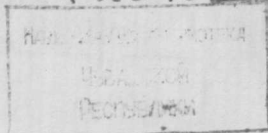
Научный консультант - Волков Г.Н., академик Российской академии образования, профессор.

С

Чебоксарский институт образования.

P 28701-14

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время Г. Айги — один из наиболее издаваемых и наиболее почитаемых поэтов во всём мире. Издано на разных языках более ста его книг.

Родился Геннадий Айги в 1934 году в деревне Шаймурзино Батиревского района Чувашской Республики. В 1949—53 годах учился в Батиревском педагогическом училище, в 1953—1959 годах — в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве, именно в эти ^{годы} завязывается ^{его} личное знакомство с Б. Пастернаком, который стал для Айги учителем, духовным наставником. По совету Б. Пастернака Айги стал писать на русском языке, но и родной, чувашский, ни в чём не пострадал, материнский язык не ущемлён.

Геннадий Айги не перестаёт быть Геннадием Айги, сыном чувашского народа, он поэт, несущий в себе "национальную субстанцию духовного сознания" (Гегель). Эта субстанция определяет природу поэзии Айги, при чтении его произведений ощущаешь какие-то магические действия.

Поэзия Айги — это обнажённо-экзистенциальная поэзия, поэзия боли. Поэзия и боль для него одно и то же, такая поэзия была у классика чувашской литературы, у М. Сеспеля. Страдание Г. Айги, как и страдание М. Сеспеля, очищает душу, восстанавливает гармонию, несёт свет.

Приобщаясь к творениям Айги, вступаешь с ним в диалог, начинаешь "читать" себя. Выстраданное слово поэта нам сегодня необходимо, ибо оно учит нас понимать и принимать этот неоднозначный мир.

Его поэзия — это сама жизнь. Как говорит сам Айги: "Творчество — это не символы, не метафоры, не аллегории. Творчество — это пробуждение тем ослепительным светом, где духовное высшее человеческое начало — СЛОВО — становится той заветной сферой, сферой слияния человека с природой, с мирозданием".

Исследование восприятия Слова Айги читателями — дело нужное, своевременное.

Геннадий Волков, академик Российской академии образования, профессор.

ФИЛОСОФСКИЙ РАЗУМ ТВОРЧЕСТВА Г. АЙГИ
(ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ)

Творчество Геннадия Айги имеет "философский разум", ему дана "философская интуиция", ему видны прошлое, настоящее и будущее, он соединяет их во времени и пространстве, заставляя и нас, читателей, думать о "идее начала" бытия. Вчитаемся в строки:

сидишь в качалке: о тоска невыразимая!

укачиваешь
сам себя
себе выдумывая мать...

теперь уже- саму Вселенную (Э, С. 80).

О чём эти строки? О начале бытия, о самом бытии? Матерью для поэта стала сама Вселенная, там начало бытия. Можно ли согласиться с этим тезисом? Начало всех нас- во Вселенной, ибо сама планета Земля- дочь Вселенной, значит, наша прапраматерь- Вселенная, значит, поэт прав, говоря, что сама Вселенная является ему матерью-то есть началом всех начал.

Ведь понятие бытие означает понятие мир. По мнению С. Бирюкова, поэзия Г. Айги восходит к сущему, насколько вообще поэзия: может быть "божественным глаголом", и- как уже частный случай - к экзистенциальному". Мы также считаем, что поэзия Г. Айги восходит к сущему, то есть к разгадке начала бытия.

Как же воспринимает эти строки сегодняшний читатель? Степанов Алексей, ученик экспериментального класса, рассуждает следующим образом: "Качалка- это ладья, ладья скользит по времени в определенном пространстве, несется по виткам жизни, от начала к концу, а кормчий наблюдает за временем и пространством, он видит сущее- мироздание, а в этом мироздании всему есть начало и конец, ладья, скользя по виткам жизни, идет к концу, то есть к смерти, но к той смерти, где обретается новое начало, так как матерью кормчего является сама Вселенная. О чем думаешь ты, идущий к началу? Айги вызвал меня к диалогу с ним, я его спрашиваю:

-Вселенная есть ли моя прапраматерь?

Слышу ответ:

-Да.

Значит, и моя жизнь есть подготовка к неизбежному новому бытию? Доплыву-узнаю. Но все дело в том, что, как плыть, куда плыть, я теперь знаю. Мне объяснил Айги!

Понял ли читатель суть этих строк? По нашему мнению, да, ибо прапраматерь всего, как и Айги, он читает вселенную.

Айги познает мир, вселенную, бытие. В. С. Библиер, говоря о познающем мышлении, пишет следующее: "Для познающего мышления Нового времени /пафос которого в том, чтобы все глубже и точнее познавать единую бесконечную и бесконечно открытую природу вещей/ необходимо все прошлые формы понимания выпрямить и вытянуть в одну сплошную/хотя и узловатую/ линию единого, восходящего образования. Культура, новое-временного мышления - это культура "втягивания" всех прошлых и будущих культур в единую цивилизованную лестницу. Диалог различных разумов осуществляется в Новое время в форме диалога нововременного разума с самим собой/разум, рассудок, интуиция, здравый смысл/. Но с другой стороны, именно в форме Познающего разума/в форме внутреннего микродиалога/ только и возможна решающая трансформация в разум диалогический, в разум культуры"/23, С. 9/. Диалог "нововременного разума" а таким "нововременным разумом", мы считаем, является Айги, разговаривающий сам с собой/

мы и увидели в вышеуказанных строках:

укачиваешь сам себя

себе выдумывая мать...

теперь уже - саму Вселенную.

Мы здесь видим внутренний диалог поэта со всей Вселенной, и этот диалог включает в себя весь разум прошлого и будущего. Айги мыслит. Его мыслящий разум включает в себя весь разум прошлого и будущего. Его мыслящее "я" находится по ту сторону бесконечной реальности мира, отделено от него пропастью незнания, иноприродности"/23, С. 6/. Но он заставляет мыслить и нас, читателей, в этом сила его творчества, ее пафос. Она, поэзия, несет такой заряд, что заставляет работать наш разум-разум читателя. Лена К. рассуждает: "О чем тоскует поэт, укачивая... себя? Что он потерял, выдумывая мать- Вселенную? Вселенная - это музыка молчания и ритмический всплеск наших мыслей. Самая горькая потеря - это потеря самого близкого человека - матери. С ее уходом теряется незримая связь между поколениями. Каждый человек - это маленькая вселенная, которая несет в себе и опыт прошлых поколений, и мечты о будущем, и реальное воплощение настоящего. Отсюда такая вселенская тоска об умершей, об ушедшем согласии, мире, спокойствии..."

В Античности было тождество микрокосмоса и макрокосмоса. Она имела свой разум, "свои идеи актуализации одной из возможностей бесконечного бытия"/23, С. 94/. Это был разум, для которого понять бытие отнюдь не означало познать, каково оно есть. Для эллинского духа понять мир и самого себя означало всей силой разума, мышления определить хаос мира в космос, мысленно устроить беспредельное, вместишь его в пределы образа внутренней формы.

Для Айги понять бытие— это познать его суть, но в это познание включено и античное понятие: "определить хаос мира в космос".

Вчитаемся в одно из произведений поэта:

Все так же с тех пор:
посредником было окно слуховое
между душой и небом!

...И тогда зафиксировались
беспмятством мысли...

"ХАОС МИРА" посещал поэта, он приходил к нему через слуховое окно, душа устремлялась к небу, в космическое пространство, стремилась к вечной гармонии— к космосу. Интересно то, что читатель в лице Наташи М., прикоснувшись к этому творению, сам испытал на себе дыхание космоса, в нем, в читателе, "Ородилось желание" определить хаос в космос":

" Так одиноко плыть по течению реки...

НО ВИДЕТЬ ТО, что на земле
невзримо испить БЛАГЕНСТВО!
Коснуться пальцами РЕКИ-

ВЕЧНОСТИ,

УВИДЕТЬ ИСТИНУ!

Пусть лунный свет прольется в ночь:
так было...

Был ХАОС— праматерь всего.

Был ВЕТЕР ВСЕЛЕННОЙ...

МЫСЛЬ была ...

Тьма,

кружится выга,

но я вижу СВЕТ.

Хочу познать суть тьмы и света,

Наташа М., одна из читателей экспериментального класса, мысленно видит хаос, как видит его и Айги, но она этот хаос, как и поэт, желает превратить в космос: она видит свет. Она желает познать суть мироздания.

Каким же был разум в средние века? Средние века обладали своим, совершенно особым разумом. Для средневекового человека понять мир — принять его как творение БОГА. "Я действительно "Я", предмет-действительно предмет — только в своей причастности богу" 23, С. 6/.

Есть ли такой подход у Айги? Да. Прочтем "Поле старинное" :

о Божий

в творении Облика из Ничего

зримо пробивший

и неумолкавший

РАЗ

в образе Поля

Айги принимает мир как творение Бога. Его лик он видит повсюду, в том числе и в Поле. Образ Поля для Айги — это образ Бога. Знает, его творение включает в себя Античный разум, разум средневековья, разум Нового времени.

Каков же разум Нового времени? Это разум, познавший всё сущее. "В Новое время — другая максима: знать вещи и самого себя — означает обнаружить в вещах нечто независимое от моих знаний о вещах и от самого моего бытия. Означает обнаружить в вещах то, что они есть, очищенные от всех посторонних влияний и искажений, есть сами по себе, "в себе", от — лично от меня и других вещей" (23, С. 6). Знать — значит познать мир и себя в этом мире, познать других людей, бытие. Айги познаёт:

были: в лицо Простоте попытался взглянуть я однажды
понял одно: что лишился я Слова как зренья (8, С. 170).

(Страничка с признанием)

Айги наводит свой ум на истинное знание, даётся оно не — легко, порою он лишается звука — Слова, но от познания не отказывается.

"Не сущее (античность),
не присуще (средние века), но

именно, сущность вещей и моя собственная сущность — вот что ставит под вопрошающее ударение мысль Нового времени" (23, С. 7). Этот вопрос интересует и философов — экзистенциалистов, и поэта Нового времени Геннадия Айги, и читателей Нового времени. Одна из них, Катя В., читая вышеуказанное произведение, пишет:

" — Истина всегда проста —

(„в лицо Простоте попытался взглянуть я
однажды“)

И видел я истину:
Нет, не в величии неба,
а в боли земли.

— И дом содрогнулся!

(„Понял одно: что лишился я Слова как зренья“)

Видеть мне дано теперь лишь глазами
души.

Сердцем сказать всем о боли земли —

О истине вечной —

Рай в небесах безлик и прозрачен

Человек творит лишь на Земле —

в страданиях, в боли.

И сын, и отец, и Бог — в нас!

Я это узнал ("в лицо Простоте
попытался взглянуть я однажды")".

"Познавший разум" поэта и читателя хочет дойти до сущности человека. В чём его сущность? Н. Бердяев- философ экзистенциалист- говорил, что его сущность- в творчестве, Айги согласен с этим тезисом философа, а вот читатель, в данном случае В. Катя, говорит, что сущее в нас самих, не надо его искать, что "сын, отец, бог" в каждом из нас- надо только это увидеть- т.е. познать. "Это новое представление разума, что начинается в XX веке (многоместное множество различных форм разумения) может быть наиболее адекватно определено как сдвиг, трансформация логики мышления в форму разума культуры, как актуализация бесконечно- возможного бытия в план произведения" (23, С. 7).

Что мы и видим в творчестве Айги. Поэт "бесконечно- возможное бытие" показывает нам в своём творчестве: бытие в детстве, в начале, в радости, в муках поиска истины, бытие- как лес, поле, небо, бог, бытие- как принятие мира без "мира объективации, как голос скворца, поющего свои трели даже в промозглый осенний день..."

"Разум индивида Нового времени, - пишет В. С. Библер, - направлен на актуализацию мира как предмета познания, на актуализацию личности автора, способного и мучительно каждого познать мир и самого себя, то есть понимать веки в их одиноком, само- по- себе значимом бытии. Способность- в действии и мысли своей- актуализировать ситуацию паскалевского, мыслящего тростника" (23, С. 355).

Айги, как паскалевский "мыслящий тростник"- сознаёт свою конечность, но он сознаёт и силу- мысль, эта мысль передаваема во времени, он как связующее звено от прошлого к бесконечному будущему, его слова могут остановить даже солнце на миг, чтоб на время самому стать солнцем:

Солнце

Остановленное

Словом (8, С. 161).

Айги- индивид нашего времени, индивид мыслящий, его разум- это разум грядущего XXI века, он направлен на актуализацию мира как предмета познания, поэт в муках и радости познаёт мир, это познание дарит читателю:

и
будто Работает Миря твоя голова
звёзды- ум вырывающие ввесь
ветры за звёздами- свет вырывающие
(всё шире- Туманность)

Айги считает себя частицей этой "Туманности", то есть мироздания, созвездия "и" выполняет здесь роль лестницы, по которой можно подняться до звёзд, встретиться с ветрами и отдать всего себя Пространству и Времени. Один из глубоких интерпретаторов - чувашский филолог Агнер Хузангай - пишет: "Постоянный эллипсис, безличность глагольных предиктов, употребление только прилагательных вместо синтагмы сущ. + прил., инкорпорация/предложение сокращено до одного слова / - эти синтаксические категории создают впечатление чистого действия, потому что источник его не назван. Текст - это проекция глубин невидимого мира, игры тайных его сил, которые, порождая многократность смысловых соответствий, уводят в "бездну - меры не имеем" /27, С. 47/.

Ощущение бездны не покидает при чтении стихов Айги. Эту бездну ощущают и читатели. Катерина В. рассуждает: "Когда я прикасаюсь к стихам Айги, я чувствую, как уносит меня ветер вселенной куда-то к звёздам, я порыв забываю, что я на земле, у столба; всё играет, какая-то волна света подхватывает меня и уносит к звёздам, я лечу, мне комфортно в том свете, ибо я впереди вижу храм в виде чистого поля." Читатель говорит о своём ощущении, стихи Айги его уносят в "бездну мироздания". Какая же энергия должна исходить от строк, чтобы вызвать такие ощущения. И эту энергию ощущает читатель. Но у каждого читателя своё восприятие.

Г. Оля К.: "Это стихотворение очень сложно для восприятия, но всё сложное красиво, надо только в этой сложности увидеть закодированную простоту, я попыталась увидеть. Поэта волнуется "мир", слово "мир" я воспринимаю как Вселенную. Айги думает о Вселенной."

И

будто работая миру твоей голова

Его голова, то есть его мысли устремлены к звёздам - к мирам иным. Его мысли - связующие нити между Землёй и другими мирами. Ветры, бушующие в мироздании, на своих крылах уносят эти мысли к "Туманности". В этих мыслях я вижу Чувашия, моя Россия, наша земля". Оля К. также ощущает эту бездну, она "видит" мысли Айги, видит в этих мыслях себя, свою родину, планету.

"Язык Галинадия Айги "звёздный" - говорит А. Хузангай. Говоря о "звёздном" языке, Хузангай напоминает о том, что этот язык несёт в себе мысли предков, этику предков, что это важная ценность, что относиться к нему надо бережно, только понимая закодированные в словах знаки-понятия. Айги ведомы эти "знаки-понятия". Целью нашего исследования является понять эти слова-понятия. Пытается расшифровать эти слова и Оксана: "Айги, мне так кажется, думает за всех нас. Его мысли устремляются к звёздам, они выше нашей морали, они несут

в себе что-то вечное, ещё не доступное нам, землянам". Оксана увидела в этих словах заботу поэта о всех землянах, почувствовала иное мировосприятие-мировосприятие Нового времени-желание проникнуть в сущность всего. Как бы обобщением мысли учащихся является суждение филолога А. Хузангая: "Голова, как место рождения... мыслей, работает в мире, его со-творяя. Но мир обволакивается разряжённой туманностью, где сверкает так высоко и по-своему ослепительно наши звёзды."

По Канту наш ум устремлён к этому миру-небу. Как будто он бежит от здешнего призрачного существования. Широко известна чеканная максима кёнигсбергского мыслителя: "Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне" /ИЗ, С. 3/. У Катерины В. после прочтения вышележащего произведения родились свои строки: "И-как вечность без начала, будто Работав-творю: обретаю свободу. Звёзды-ум, Солнце-душа-соединитесь! "Ветр за звёздами".

Тихий шест:

И: стремись!

НО к чему? Свет вырываешь из зыбких ладошек сомнения, Но "всё шире туманность": чем больше мы познаём, тем меньше знаем. Чем больше мы прием, тем больше уподобимся Солнцу.

И РАСТОПИМ ТУМАН-ОСОЗНАЕМ СЕБЯ= ПРОЧТЕМ ЗНАКИ ВСЕЛЕННОЙ!

Произведения Айги рассчитаны на суггестивный эффект, прямые значения слов отсутствуют, но каждое слово весьма сильно воздействует на читателя, вызывая ассоциации, читателя порою бывает весьма трудно изложить свои мысли, ибо одна ассоциация, завершаясь, вызывает другую, таким образом, возникает цепь ассоциаций. Обратимся к произведению Айги "Снова-поле-Россия":

Словно-после видения воздуха-неба-икон:

Покров Пресвятой Богородицы: волным осталось-златистосмягчённое духом народа-сиянье: Покоя/В, С. 201/.

Прямые значения слов /воздуха, неба, иконы/ здесь отсутствуют, но в них заложен глубокий подтекст: перед поэтом поле, но это не простое поле, это поле-Россия. Перед нами возникает целостный образ России. Родина уподобляется иконе. Как замирает русский человек перед иконой, так замирает и Айги перед полем России. Схематично это можно изобразить следующим образом: ПОЛЕ=РОССИЯ==ИКОНА. Ст поля исходит сиянье "златосмягчённое духом народа". Подтекстом поэт нам как бы говорит: "Россия подобна иконе Божьей Матери, от неё, РОССИИ, исходит сиянье ПОКОЯ".

Чтобы выявить, что слово Айги вызывает у читателей ассоциации, автор исследования проводила и такой эксперимент: предлагала работникам АО "ХИМПРОМ", никогда не читавшим произведения Айги, высказать свои ассоциации после прочтения отдельных произведений поэта. Так, Иванов Николай Аркадьевич (инженер по образованию) после прочтения произведения Айги "Снова - поле - Россия" сказал, что у него возникла следующая ассоциация: "Я мысленно перенёсся на кладбище, на могилу отца". Далее он продолжил: "Меня это произведение отвлекло от суеты, Я ещё больше задумался о том, для чего же мы живём?" Через некоторое время он попросил книгу со стихами Айги.

Васильева Екатерина (ученица II класса) по поводу вышеуказанного произведения высказала следующее суждение: "Я вижу поле, оно бескрайнее, из недр земли появляются струи дрожащего воздуха. Застывает глаза. Звон над полем России - ангелов хор".

Андреева И.Н. (учитель школы) мыслит следующим образом: "Я вижу облака, они имеют образ Храма, чувствую благодать, ощущаю тишину, такое бывает после благодатного дождя".

Автор представил три суждения на одно и то же произведение: (работница АО "Химпром"; ученица II класса, учителя). У авторов возникли разные ассоциации: Иванов Н.А. в ходе прочтения произведения мысленно посетил могилу отца, задумался над вечными вопросами бытия, ученица представила поле, над ним увидела дрожащий воздух, услышала ангелов Хор, учительница увидела облака и услышала тишину. Хотя семантика произведения усложнена и всё произведение насыщено философскими фонем, всё же диалог с тестом состоялся.

Несмотря на присутствие эллипсисов (семантических конструкций с пропуском букв), анафоров (нарушений синтаксической правильности, согласования членов предложения) всё же тема произведения читателями понята правильно: они все указали на любовь поэта к своей земле. Слово Айги было воспринято читателями. Поэт чувствует, что слово часто лишь приблизительно определяет понятие, поэтому иносказание Айги порою оказывается точнее автологической речи. Смысл слов в произведениях Айги глубже их словарного значения.

В данном случае значение слова (поле) шире его словарного значения, Айги имеет в виду не поле, а поле-икону-символ России, не воздух в его прямом значении, а воздух-сияние, воздух, исходящий из поля-России, поэтому Катерина слышит хор ангелов.

Катя В. понимает Айги, принимает, энергия его творчества передаётся ей, она, подражая поэту, создаёт свой храм. Её ум, устремленный в XXI век, мучительно ищет ответа на те же вопросы, что и человек "Нового времени". Она хочет дойти также до сути мироздания, читатель, она ещё молодой, делает свой вывод: Чем больше познаешь, тем меньше знаешь, тем больше хочется познать. Этот вывод философичен, ибо ещё мыслители Древней Греции сделали подобное открытие: "Я знаю, что я ничего не знаю". Но Айги и его читатели хотят знать, хотят постичь философию Вселенной, её бездну. Бездна поэзии Айги познаваема, постижима. Эта бездна не становится мельче или уже даже когда знаешь биографическую или иную фактическую основу стихотворения, сам текст предстаёт как бы уже "выпаренным", как бы последним, но в то же время и началом чего-то нового. Едва ли не впервые, под впечатлением от чтения Айги, физически ощущаешь одновременно бедность и богатство того материала, — из которого строится стихотворение¹¹ /27, С.47/.

Вернёмся к строкам Айги:

И

будто Работав Мира твоя голова...

Данное стихотворение начинается с союза "И". В данном случае слово "И" вырастает в "И" — это супрематическое слово, предложения там "выпарились" (выражение С. Бирюкова), осталось одно слово: "И", но оно, по нашему мнению, равно тезису Паскаля: "Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я. Я в ужасной и полнейшей неведени. Я не знаю, что такое моё тело, что такое мои чувства, что такое моя душа, что такое та часть тела моего я, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всём и о самой себе и всё-таки знает себя не больше, чем все остальное. Я вижу угасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себя, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещён именно в этом, а не другом месте, почему то короткое время, которое дано мне жить, назначено именно в этом, а не в другом пункте целой вечности, которая мне предшествовала и которая за мной следует. Я вижу со всех сторон только бесконечности, которые заключают меня в себя, как атом; я как тень, которая продолжается только момент и никогда не возвращается. ¹²Всё, что я сознаю, — это только то, что я должен скоро умереть; но ничего я больше всего не знаю, это смерть, которую я не умею избежать. Как я не знаю, откуда я пришел, так же точно не знаю, куда иду...

Вот ~~то~~ положение; оно полно ничтожности, слабости, мрака". И вместе с тем: "Главное величие человека заключается в том, что он сознаёт себя ничтожным... Всё наше достоинство заключено в мысли" /Ю6, 3. 301-302/.

Позволим себе поставить знак= (равенство) между тезисом Паскаля и словом "и" Айти в стихотворении "И будто Работал Мира твоя голова".

Тезис Паскаля = "И" Айти.

Всё "наше достоинство" заключено в мысли, Айти мыслит, его суждения глубоки, заставляют читателя философствовать, вникать в суть призрачно-го слова, наше исследование вывело нас на знак равенства между словом "И" Айти и тезисом Паскаля в вышеуказанном произведении. Еиблер говорит: "Мысль- это речь, обращенная к самому себе" /23, 3. 241/.

И

Слово Айти: будто Работал Мира твоя голова
звёзды- уи вырвавшие ввысь
ветры за звёздами- свет вырывающие
(всё шире- Туманность).-Эта речь , обращенная к себе самому :

Я мысля, значит, знак о своём существовании, следовательно , существую (не только в себе, но и...), я осознаю себя. И дело не просто в знании о своём бытии . Практика- особая форма бытия для бытия (если использовать терминологию Хайдеггера), это бытие не только наличное, но и пред- полагаемое, изображаемое мной " /23, 3. 241/.

Этот бытием Айти внутри его самого выступает речь. Он слышит себя, он слышит даже своё молчание. Нам надо только это молчание и понять. Ведь "философское мышление есть логически выявленное и логически осмысленное обращение к самому себе, преобразование своего разума, то есть своей возможности быть и мыслить" /23, 3. 248/.

Если представить, что звуки человеческой речи- это ещё не обнаруженные действия по отношению к предметам внешнего мира (йех- удара, ввв- вращения, кошения- "коси коса, пока роса...") то можно подойти и к разгадке слов- мыслей Айти. Сергей Бирюков (р. 1950)- тамбовский поэт, исследователь русского поэтического авангарда и нетрадиционной поэзии, анализируя творчество Айти, пишет: "Долго размышлял над тем, почему Геннадий Айти называет себя малевишанцем, пришел к выводу о значении для супрематизма первоэлементов. В живописном или архитектурном супрематизме- это простейшие, но в то же время сильно обобщающие фигуры- квадрат, прямоугольник, треугольник, крест. В поэтическом- такие коренные в философском смысле слова как "нет", "и", "ещё", "есть" преобразуются в "есмь", а так же элементы слова..." /27, 3. 49/

Первоэлемент "И" в анализируемом произведении равен значению слова "есть", то есть предвечному бытию. В первоэлементе, в его звучании мы видим и "сопротивление материала— дерева, земли, камня; движения сразу меняются, становятся более напряжёнными, туговыми, более мягкими, погружающимися, пластичными, преобразуются и звуковое— внутреннее наполнение этих движений:

р- ить, л- ить, п- ить (погружать в себя), б- ить (бить— от себя), бить (в себя)" (23, 242).

Звучания сливаются, соединяются, становятся поэмой внутренней речи. Речь эта обращена к себе самому, происходит общение индивида со своей мыслью, нам, общаясь с творением поэта, надо уметь общаться с его речью— мыслью и с его пропусками— молчанием.

Позволим себе сравнить: строится здание, воздвигаются колонны, лестницы, стены. Они— средства. "Это— то, что молчит, но главное— само молчание. Архитектор проектирует пустоту, движение людей в пустоте дома, улицу— пустоту, связывающую дома. Город— особый тип общения. Общение как возможность, как пропуск, как эллипсис: в поэтике— значимый пропуск, зияние в тенете, в движении киноленты, заполняемой воображением слушателя, зрителя" (23, 243).

У Айги эллипсис обязателен. Эллипсис— это возможность быть заполненным. "Мысль я есть эллипсис, пустота, пропуск — всегда— подразумевание", — пишет В. С. Библер. В стихотворении "И будто Работав Мира твоя голова" мы видим пропуски, первая строка состоит всего лишь из одного звука "и" :

и

Далее— пустота, но эта пустота— молчание значима для читателя, надо только это молчание— пустоту услышать, поэт слышит и видит... пустоту. Это пустота— подразумевание: она рождает нашу мысль. Айги пропускает, оставляет места, он рассчитывает на активность читателя. Читатель, прикасаясь к творениям поэта, начинает думать, у него возникают ассоциации (связи, которые возникают между образами, мыслями).

У Айги мы видим почти в каждом его стихотворении эллипсис. Это пустота культурная, там заложена мысль, но её надо познать. В. С. Библер пишет: "Чем ближе я к самому себе, тем больше зияний в моей внутренней речи, тем больше пустот, молчания, не заполненного словами, тем больше мысли" (23, 249).

Ведь каждый пропуск у Айги— это возможность заполнения, варьирования, подразумевания. У Айги— есть произведения, состоящие всего из одной строчки, двух, трёх строк, из пяти, шести слов:

1. "Поддень":

Роз
сияние-
как долгое вытирание
слёз. (8, С. 248.)

2. "Чисте чем смысл":

о
Прозрачность! однако
Войди и Расширься
стихотворенниси. 1982 (8, С. 234.)

Здесь пропуск целой строки. О чём говорит этот пропуск? Поэт даёт нам возможность заполнения этой строки.

3. "Ходы: Сосны: Поддень":

Солнце
Остановленное
Словом. 1977 (8, С. 161.)

4. "Сосны-с-Берёзой":

сквозь Бота Сосен
тень-излученье:
берёза- дитя. 1976 (8, С. 150.)

5. "Образ Клён":

Двухлетнему клёну
сентябрьскому
в воздухе
каракули бота- дитяти
вздрагивая
от Дуновения. 1976 (8, С. 148.)

6. "Ласка полни"

а поле: больница- мельница!
и словно в углу
ветка полни:
будто в день зимний
пальцы
отдельно-
в муке. 1964 (8, С. 42.)

7. "Тюксы- после "всего":

А Белизны- в?
(нет- меня)-
а Бели- нана... (9, С. 41.)

Есть стихотворения без текста - пустая страница под заголовком: "Белая бабочка, перелетающая через сжатое поле". Есть стихотворения, где текст или звуковой образ - сведён к одному единственному гласному: "а" (Спокойствие гласного. 1982). Агнер Хузангай, говоря о первоэлементах в поэзии Айги, пишет: "Для того, чтобы понять "мета-грамматику" и "мета-поэтику" (в конце концов: и мета-физику) Геннадия Айги, мне нужно было обнаружить в его текстах некий первоэлемент. Некое подобие "белого квадрата" Казимира Малевича, который, по его определению, есть "чистое действие", "несёт белый мир (миростроение), утверждая знак чистоты человеческой творческой жизни" (Супрематизм¹⁴, 1920).

Таким первоэлементом безусловно для Айги является фонема и буква А. Его пристрастие к значку А на уровне архетипа, вероятно, отталкивается от начальной буквы его родового имени (Айхи - Айги) (ИПЗ, С. 39).

Агнер Хузангай первоэлементом в поэзии Айги считает знак А. Мы соглашаемся с его трактовкой, в доказательство приводим названия стихотворений, которые включают данный звук:

- "А тот котогор."
- "А они притихли во время болезни."
- "А где-то этот костёл."
- "Идуний к стаду А, - через поле."
- "А тот орешник давний."

Далее Агнер Хузангай продолжает: "А - это сияющая световая точка - знак в поэзии Айги. В А присутствует полнота дыхания, открытость, ослепительность мира, как при "вздрого ребёнка". В даэзи это состояние именуется *Евассота* (санск.) - "вневременная однокоичность мысли, когда дзенский монах не испытывает раздвоения, состояние до того, когда одно станет многим, момент до-рождения мысли самой". Нам всем знакомо это ощущение - мир и я ещё в нём, "я" неотделимо от мира.

Это а - а колеблющее
(перводстаждж)
как первотворениям)
(в месяце четвёртом: проби напева" (ИПЗ, С. 39).

Вокализм человека начинается со звука А. Первый звук, который произносит ребёнок, есть звук А. Значит, уже названия стихотворения ("А где-то этот костёл") говорят о восторге поэта:

строгая игра

вверх

восхождение белых полей и полей

не торопилось

в мгновеньи блеснув завершиться

зыбко-трагичным собранием в светлом движеньи широком:

перекликались

спокойно

поля световые-скользя и колеблясь совместно и вольно

в огненном тумане...- как будто-так- не торопится вечность

в Бога собраться...- в соседстве со "временем"

всё ещё что-то имея

от того и Другого 1984 (В.С.285)

Поэт лобзует костьялок, его возглас-восхищение сливается
с голосом Вселенной: а-а-а-

И я сказал: а-а-а-, ГОСПОДИ!

Я, как дитя, не умею говорить.

[Библия. Книга пророка Иеремии I,6 (Вульгата).]

Перед истинной красотой уходят слова, остаётся лишь восклицание:
а-а-а-. Костьялок-олицетворение вечности, он в соседстве со "вре-
менем", как Бог, и поэт зачарованно смотрит вверх на "вос-
хождение белых полей и полей". Не колонны восходят, а поляны и
поля, а поэт, по Айги, сам Бог:

...что за места в лесу? поёт их- Бог... (2,С.89).

Но не только восторг и удивление выражает звук А, он выражает
и нашу безмерную печаль. Печаль ощущается в стихотворении "А тот
косогор":

Памяти В.И.

чтоб голову склонить

мой косогор печальный!

и волосы по ветру

как будто темь в воздух: всё вдалеке-падением!

по ветру до могилы

(душа лишь одинокая-душа!)

и шевелением-шёпот (с остатками рыдания)

с полынью-будто с явью

(как в-крохах-осяземо!)

единственного в мире
как будто вот: душа!- и руку будто в воду!)
и очень моего
сырого одиночества /8,3.205/.

Здесь звук А равен "остатку рыдания: а-а-а-, когда проплакано, когда горе вылито в плаче-рыдание, все же "остаётся ещё "остаток рыдания", он то и выливается в звук: а-а-а-. И опять соединяется со Вселенной, уходит в Мироздание первоэлемент Айги: а-а-а-. Но нельзя забывать, что со звука А начинается человек, что это первый звук, произнесённый ребёнком.

Анализируя звук А в творчестве Айги, Хузангай продолжает: "Дитя и а-это не случайная тема. Наиболее полно, может быть, она сказалась в трепетном состоянии тишины "Тетради Воронина" (1983-1984). В беззвучном, бессловесном общении дочери и её отца. Лепет, улыбка, шевеление ручонкой или ножкой, просто младенческий взгляд- всё это мимолётное и возвышенное ощущение, предшествовавшее а. Согласно звуковым законам детского языка, соответствующим закономерностям общей фонологии, вокализм начинается с А. Освоение ребёнком системы гласных открывается А. При расстройствах речи (лингвистических афазиях) гласный А исчезает последним, последняя фонема, которая сопротивляется распаду. То есть, А - это и первоэлемент в самом строгом (фонологическом) смысле слова, и, одновременно, конечный элемент, или, если выражаться по-молдавчанински, элемент, предшествующий концу белого мира /115,3.39/.

Если мы обратимся к произведениям о детстве, то увидим и услышим этот первоэлемент а. В качестве доказательства приведём ряд произведений:

1. "Мама в малиннике".

а собирала малину!
чтоб помнил (и плакал) тебя
и чтоб через день через четверть какого-то века
сведешь как ангел (всё тот же: движения
не было вовсе)
всё прибывала!... /1,3.210/.

С первоэлемента, со звука а начинается данное стихотворение, этим поэт подчеркивает, что мать- есть воплощение образа "белого мира", она, как ангел, несёт в себе чистоту мира, поэтому, вероятно, произведение начинается со звука а, этот приём напоминает нам "белый квадрат" Казимира Малевича.

2. "Думанья в вечернем малиннике"

Безьяне счастья
когда из малинника

голову кружит!...-

догадка:

что это было- близенство?

дом?

(на поверку: в семье это было
и в детстве- когда окружались:

родными)-

родиной было

(и только вклятая

забывшийся дом)!...-

далее- друг- разрушенье(и, жизнь" называя нам продолжали
и мы(-

а- оставалось(и голову кружит

счастье- как- дальняя память)!...-

Здесь наше внимание останавливается

вновь на первоэлементе, на звуке а: а-оставалось.

Айги хочет сказать нам, что в жизни были разрушенья, что жизнь была антижизнь, ибо слово "жизнь" поэт берет в кавычки, значит, это была не настоящая жизнь, а жизнь- разрушение, но, несмотря ни на что, несмотря на разрушенья, "а- оставалось", то есть поэт нам говорит, что, как бы ни старались его разрушить, он смог сохранить чистоту этого мира в себе, смог сохранить изначальное совершенство мира в себе: "а- оставалось".

И не судьба дважды в 1994 году подарила встречу с Айги, в нём притягательная чистота, выражающаяся в простоте общения, в неподдельной любви к мирянам, в желании раствориться в людях.

"Как перво- элемент а изначальное, но по своему смысловому весу оно предконечно. Оно- предшествует тишине, предстоит самой смерти, указывает на неё, свидетельствует о ней" /ИИ2, С.41/.

Мы соглашаемся с этим тезисом Хузантая, и в качестве доказательства приведём ряд произведений, где а "предстоит смерти", указывает на неё:

"Прогулка: Гвоздики на могиле Владимира Соловьёва":

а ясность!-

Из боли: одной в этом мире:

была:

а "Вд" называя:

я знал эту боль

как единственную!-

в её однородности?-

голубого три острова

словно воронки

для холода утреннего!-

и содержали они драгоценность незримо- пространственную:

как детские трубы!-

И-как - они- за оградой трубили прощаясь:

все а по-очереди:

в "глас хлада тонка" /8, С. 96/- 1969

"а ясность".

Айги говорит читатель, что а как первоэлемент, содержащий в себе первожданную чистоту, боль, крик, белизну, известен автору.

Здесь первое а равняется боли, но гвоздики на могиле В. Соловьёв-трубят все а "по-очереди". Какие а? Если первое а равно по смыслу содержанию боли, то последнее

(...как они- за оградой трубили прощаясь:

все а по-очереди:

в "глас хлада тонка")

а соделлит все "смысловые конфигурации: чистоту, первожданность, белизну, свет, боль, смерть...

В книге А. Клизовского "Основы миропонимания новой эпохи" говорится также о звуке А в сочетании со звуками У, М; А У М есть молитва. Это древнее священное сочетание понятий, которое созвучно с музыкой сфер, которое приводит организм, произносящего молитву, в гармоническое звучание с вибрациями Высшего Мира и способствует притоку в него Психической Энергии. В созвучии АУМ - триединное сочетание высших понятий, в котором А есть Мысль - Основа, У есть Свет - Начало и М есть Тайна - Божественное. В этом сочетании тонкость вибрации, которые звучат для настроения Психической Энергии. Таким образом, понятие АУМ есть символ сочетания высших энергий, а так как Психическая Энергия есть высшая энергия, то молитва АУМ сочетает высшую человеческую энергию с высшей космической энергией" /62, С. 77/.

Если исходить из данного тезиса А. Клизовского, то в звуке А концентрируется высшая космическая энергия, если это взять за основу, то тогда, вероятно, можно объяснить, почему читатели экспериментального класса становились светоносными, они без особого труда, анализируя произведения Айги, испытывали наслаждение. Исходя из тезиса А. Клизовского можно сказать, что на них исходила космическая энергия, переданная через творчество Г. Айги. С этим выводом можно и поспорить, но в течение трех лет мы наблюдали одну и ту же картину: читатель (любой; будь то слушатель курсов или учащийся средней школы, ПУ) становился, как мы уже сказали, светоносным, он преображался, лицо просветлялось, он уподоблялся лику святых.

Далее А. Клизовский продолжает: "Индусский философ Вивеканада в своей книге "Бхакта-Йога" говорит: "АУМ (АОУМ, произносимое как Ом) есть самое священное из всех священных слов, этим словом создана Вселенная, и оно является матерью всех имён и форм. Для создания Вселенной и приведения хаотического состояния материи в проявленную форму необходимы два фактора - имя и форма. Так как вся Вселенная построена по одному и тому же плану, то всё, что существует во Вселенной, имеет имя

и форму.

Айги видит сначала свои стихи в пространстве в виде света, а потом лишь их записывает.

Имя или идея, есть внутренняя сущность, а форма есть видимая сущность. Объединяющий их символ есть АУМ. Сначала он проявляется в виде мысли и слова, а потом - речи и действия. Таким образом, Вселенная есть форма, за которой находится идея "Слово" - или "Логос". Поэтому АУМ есть символ не только Вселенной и творца её, но является единственным возможным символом, обнимающим всю область всех возможных идей, и нет другого, ему подобного. "АУМ есть стрела, и брама есть цель для стрелы. В эту цель старайся попасть", - говорится в одном индусском священном гимне /62,3.7/.

Христианское "Атея" и "Аминь" есть тот же изменённый "АУМ" /62,3.7/ С данными тезиса можно не согласиться, но сам поэт, то есть Айги, говорит, что сначала в пространстве он видит слова в виде светящегося храма; то есть, если исходить из тезиса А.Клизовского, он сначала видит внутреннюю сущность, а потом мысли - то есть внутренней сущности - придаёт форму произведения, то есть создаёт свои творения.

Психическая Энергия есть всеначальная Энергия. П.Э. есть та энергия, которая лежит в основании проявления мира. П.Э. есть любовь и устремление, есть синтез всех нервных излучений. П.Э. есть великий АУМ. Поэтому выработка в себе постоянного, ничем не сложенного устремления к свету во всех его проявлениях и будет именно развитием этой энергии". Айги обладает этой Энергией, его творения также обладают защитной Энергией, иначе чем объяснить то, что он не сломился, несмотря на великие трудности, что преподносила ему судьба - бытие.

Творчество Айги духовно. "П.Э. есть также то, что в обычном понимании значит как духовность, и развитие П.Э. есть в сущности, развитие духовности, но не той духовности, которая у современного человека выражается в исполнении обрядов, в хождении в храмы, но той истинной, высшей духовности, которая состоит в приобщении к Высшему Миру; в раскрытии в себе высшего сознания, в развитии в себе, в овладении и в сознательном использовании той огромной высшей силы, которая присуща каждому из нас для пользы эволюции и для блага всего человечества" (62,3.9)

Айги удалось раскрыть в себе "высшее сознание", передать его читателю - задача времени. Наши читатели Экспериментальных классов и групп, прикасаясь к высшему сознанию Айги через его творения, напол-

P 28701-6p

Национальная библиотека

Чувашской
Республики

нялись той духовностью, что несёт в себе указанная Клизовским
Психическая Энергия.

Что происходит в переживаемое нами переходное время? Это
один из вопросов, на который даёт ответ философы, Айги, мы считаем,
является философом, значит, его творчество может дать ответ на
данный вопрос. Поэт советует нам почаще обращаться к своим истокам.
В качестве доказательства обратимся к произведению " ИВЫ" :

ивы такие: уснуть! окружиться
живым будто вздох серебром
вздогнуть и листья узнать словно шёпот в блистании
линий/ вновь-воскрешаемый солнцем/
о мягком тумане-призранье-слезами в миру
детства бесстрастного!- ивы такие: уснуть!
серым рассеяться в ртутном по верху и нежность
прокатывать: ту что не знали
что Духом расписывают
смерть туманят

1979 /8, с. 202/.

Ивы напоминают поэту детство:
детства бесстрастного!- ивы такие: уснуть!

Какие же ассоциации возникают у читателя при чтении данного
произведения? Например, учительница средней школы №16 г.Новочебоксар-
ска мыслит следующим образом: "Мне вспоминается безмятежное детство:
ивы у пруда, лица близких, односельчане... Всё начинается с истоков!
Но если в начале стихотворения ивы безмятежны, то в конце они
"смерть туманят", вероятно, поэту многое пришлось испытать, но
детства истоки с ним-там начало всего: мудрости, силы душевной.

А следующий читатель/ Иванов Г.А./ рассуждает так: "Сразу
вспомнилось детство: родное село Туршаи Янтиковского района, дед
Ярмук, дом, милая улыбка бабушки/пожилые люди в нашей деревне до сих
пор улыбаются/ ивы за огородом, они для нас были родными... Дед
любил смотреть, как мы играли, радовался внукам. Давно нет деда, ушли
и его внуки, но живы внуки/мы/, живы ивы, они, как люди, помнят все:
"белое и чёрное", как сказал поэт. Ивы растут, Успокаивают, благо-
словляют продолжателей рода. Придёт и наша очередь, а ивы будут!
Айги своими творениями учит нас мудрости жизни.

Айги малословен, но каждое слово имеет свою смысловую нагрузку, свой философский смысл.

Развитие философского мышления может осуществляться как процесс вовлечения читателя в вынесенное в текст движение мысли. Мысль движется в тексте, она заложена в текст, надо только её обнаружить. Но что представляет также интерес: читатель, прикасаясь к мысли Айги, может выйти к собственной мысли. Внутренняя речь поэта передаётся философским текстом; одна мысль рождает вторую мысль, они могут совпасть, а могут быть совершенно разными.

В доказательство данного вывода приведём несколько суждений читателей на одно и то же произведение Айги, эксперимент проходил в училище

в 15 и школе в 16 г. Новочебоксарска. Для прочтения учащимся было предложено несколько произведений из сборников "Здесь", "Теперь всегда снега". Первым было предложено стихотворение "О этот лес (А напомнила кухонная утварь: лишь это ночами - вокруг):

О

как дружи

вы бедные вещи: о сколько мы были

вместе- безмолвными (знаю:

не слыша:

поддержку):

будто

и я

и разрозненно- скрытые- вы

где- то- в лесу!..-

а ведь лучшие это

были мне годы: там выне липы- богами раскрылись:

словно незримостью в глубях молчали! - и ясным

слухом- я высился!- так вечеряли:

ясные- ясному!..- лес очищался:

смысл- раскрывался!- блаженство общения:

дальше- всё дальше!- прозрачность без вида- таким углублением:

будто я в этом- давно отменённый: а что-

зная не помнить- просветляться разгадкой:

где будешь равно что не будешь 1982/8, С. 252/.

Тансия П.: "Ясные- ясному!??- лес очищался." Без сомнения, стихотворение философично, оно заставляет думать, но я думаю о поэте, я никогда не видела этого поэта, но после прослушанья данного произведения представила себе его красивым, отшлифованным, без шероховатостей, каким бывают морские камни, долгое время лежащие на морском берегу, их морс-

кие волны выталкивают на берег, они, шлифуясь, приобретают свои формы-единственные. Вот кто Геннадий Айги! Он, отшлифованный морскими волнами, валун, приобретший уникальную форму".
(училище в И5. 1994)

Автор суждения не углубился в текст Айги, он представил самого поэта. Мысль, заложенная в произведение Айги, родила другую мысль. Здесь мы видим, как философия Айги действует на читателя своим эстетическим началом, у читателя рождается сравнение: она сравнивает поэта с морскими валунами. А если смотреть в корень, то с первого чтения, с первого восприятия Айги понят читателем верно и точно.

2. Оля В: "Человек, находящийся в обществе людей, одинок. Возможно ли такое? Да. Я часто сама ощущаю подобное; среди людей я, но люди не замечают ни моей радости, ни моей печали, они глухи ко мне. А каково мне больно!"
(училище в И5. 1994)

Данный читатель пишет о себе, произведение Айги вывело его на мысль о своей боли, о своей судьбе.

3. Катя И: "Другом Айги стал лес; лес для него то место, где можно очиститься, стать выше, получить поддержку. Стихи Айги, вероятно, надо читать одной, в тишине, читать и думать над каждым словом- философствовать о смысле жизни, о себе самой, о людях, о твоём лесе- где можно тоже очиститься".

Здесь читатель увидел образ леса, понял, что лес для Айги- это святое место, но читатель понял и другое- он увидел философскую суть произведений Айги, он понял, что произведения Айги нельзя читать быстро, залпом; понял, что они, произведения Айги, зовут к разсуждению о смысле бытия, не- бытия.

4. Света Я: "Айги слышит внутренний голос народа. Слышу ли я внутренний голос народа? Вероятно, мне этого не дано. Ему "смысл раскрывался," а мне смысл бытия ещё не раскрылся. "А хочется дойти до сути".
(училище в И5. 1994)

Света увидела совсем другое, о чём Айги только намекает, но произведение поэта заставило читателя задуматься о бытии- это ещё раз говорит о том, что стихи Айги философичны.

5. Оля Ч: "О

как други

вы бедные вещи...

Для того чтобы понять стихи Айги, надо глубже проникать в его творения, научиться мыслить о жизни, то есть философствовать. Как жаль, что мы философствуем очень мало, почти что и не философствуем. Несёт нас "рок событий". Куда? Мне кажется, что поэт говорит здесь о одиночестве, но о одиночестве таланта, гения, человека- творца".

Читатель проник в суть мысли Айги, но он сожалеет о том, что ему самому мало приходится философствовать. Идет читатель XXV века, читатель,

желающий дойти до сути явления.

6. Валя F: "Блаженство общения. Какое счастье найти человека, который понимал бы тебя без слов. В наше время многие люди чувствуют себя одинокими, кончат даже жизнь самоубийством. Как дорога поддержка со стороны другого". (училище в 15. 1994)

Читатель увидел мысль Айги, но увидел только одну её грань - "блаженство общения".

7. Катерина А: "Айги - философ, он рассуждает о смысле бытия, о творении, но нельзя забывать, что человек был создан Богом для общения, но грех разделил его с Богом, но человек нашего времени не может получить божественного общения. Я тоже была разделина с Богом. Ничего нет удивительного... Но я тоже, как Айги, иду свой лес, свой поляну, я общаюсь с лесом, с солнцем, землёй, я знаю это "блаженство общения". Прикасаясь к словам Айги, я получаю радость, он для меня - Бог, хотя я его слышу впервые, но что-то божественное исходит от его слов, его хочется читать и думать, читать и рассуждать, читать и очищаться. Айги пишет о человеке, о его желании быть. Слово Айги - это слово Бога?" (училище в 15. 1994)

Вчитаемся в это откровение ещё раз. Да, в перипетиях бытия XX века трудно и мучительно назревает особый тип сознания человека нашего времени. В напряжениях этого нового типа сознания (сознания своего бытия, бытия мира, своего со-бытия с другими людьми и миром) формируется новый тип мышления, новая его устремлённость, складывается Разум культуры.

"Новый тип мышления" мы видим у Айги, этот "Новый тип мышления" мы видим и у читателей конца XX века, начала XXI века. Читатель соскучился от однообразного, он желает философствовать, в подтверждение этой догадки процитируем Д. Севостьянова: "Чёрный квадрат" оказался не только вызовом, брошенным публике, утратившей интерес к художественному новаторству, но и свидетельством своеобразного богоискательства, символом некоей новой религии. Одновременно это был рискованный шаг к той позиции, которая ставит человека перед лицом Ничего и Всего" /93, С. 222/.

^{мысли}
"Поэзия Айги ставит также человека перед "Ничего" и "Всего". Это поэзия нового времени, это мышление нового времени. Читатель, воспринимая поэзию Айги, обращает её на собственное преобразование, обращает "на себя". "Новое начало разума - вот что оказывается решающим, исходным в таких ключевых исторических перипетиях; сознание, свободно преобразованное новым мышлением, предполагает иные цели деятельности, иначе актуализирует всеобщий смысл бытия, оказывается истоком онтологизации "бытия в культуре" /23, С. 259/.

Айги от бытия идёт к мышлению, от его мысли читатели возвращаются к бытию, таким образом получается "бытие в культуре".

По мнению В.С. Гиблера феномен культуры движется в "средоточие" человеческого бытия, пронизывает все решающие события жизни и сознания людей нашего века" /23, С. 261/.

Айги также думает о человеческом бытии, заставляет и читателя задуматься о сущем. Он создал свой поэтический мир. В этом мире путь человека лежит между бытием и не-бытием: между жизнью и смертью.

Айги учит ценить мгновения бытия, ибо в этом мире радость соседствует с тьмой/мотивы "белого и чёрного" пронизывают всё творчество поэта. Обратимся к одному из произведений. —

"Эпоха-труп-такой":

а есть одно что есть	есть вихрь как чудом змиг
когда их сразу нет	нет Мёрвости -Страны
-о Бог опять снега	о бог опять снега
их нет как есть одно	душа снега и свет
лишь Мертвизна-Страна...	О Бог опять снега
есть так что есть и нет	а будь что есть их нет
и только эти есть	снега мой друг снега
Душа и свет и снег...	

Поэт в этом произведении как бы нам говорит: "Зумел и в окружении снегов сохранить душу". Мы можем сказать, что творчество

Айги, ориентированное на читателя XXI века, может стать духовной силой для человека. В качестве доказательства нашей мысли приведем суждения читателей о произведении Айги "Поле: куст вербы":

и в Сияньи Золотого Часа Мира:

куст- Один;

в том часе золотящийся:

(ведает иль нет?—

само сиянье-веденье):

куст- как- час:

(из края Поля- вширь) 1975/8, С. 1347

Вчитаемся в работы читателей:

1. Таня В.: "Поле- это вечность, а куст- это Айги. От этого куста исходит свет, я-его вижу, чувствую, он обволакивает меня."

Таня В. смогла увидеть законченную мысль, но она "осветилась" творением поэта, это является подтверждением того, что творчество Айги

может стать "духовной силой для человечества".

(школа-интернат №1 г.Чебоксары. 1994)

2. Катя В. : "Золотым часом" я для себя считаю тот час, когда встречаюсь с творением Айги. От его стихов исходит свет, этот свет проникает внутрь меня, мне отрадно" /школа №16. г.Новочебоксарск. 1994/.

Это суждение также является доказательством того, что творчество Айги несёт в себе духовный заряд.

3. Тania Н. : "Поле...Предраассветный час...Лучи восходящего солнца озаряют своим прикосновением пушистые, прозрачные бубенчики вербы. Смотришь на них, и эта нежность вливается тебе в душу. Ты испытываешь блаженство от этого мира причастности к мгновению вечности. На душе светло; само сиянье- веденье.

О, миг вечности! ты есть жизнь". (Пу.З. г.Алатырь. 1994.)

Равнодушно прочесть эти строки невозможно, сколько в них огня жизни, и этот огонь читателю подарил поэт- модернист Айги. В искусстве XX века возрастает творческая роль читателя, который должен- каждый по-своему вместе с поэтом завершить его творение. Искусством начала и конца XX века такой читатель проектируется, проектирует его и Айги. Когда мы по эту показали работы читателей, он, прочитав их, сказал: "Они для того и написаны, чтоб творить". (Из беседы автора с Айги в 1994 г.)

Причём читатель проектируется художником не только внутри данной исторической эпохи (как было всегда), но- прежде всего- как человек иного исторического видения, человек иной культуры". Произведение развивается (общение между автором и читателем осуществляется) по законам и противозакониям общения- ка грани замкнутых эпох и форм видения, слышания... "то столкновение разных способов видеть и понимать мир" /22.3.27/.

В.С.Библер человеком "иной культуры" считает такого человека, который совмещает в себе Античное видение мира, средневековое видение мира.

видение мира нового времени.

Мы считаем, что Айги является представителем "иной культуры". Он, как бы устраняет границу между современностью и давно прошедшими временами. Содержание его искусства расширяется: оно, мы считаем, обращено к жителям Чувашии, и к людям России, и ко всему человечеству, к разуму планеты, как когда-то обращались к нему Кьеркегор, Ницше, Ясперс. Айги готов к безграничной коммуникации. "Безграничная готовность к коммуникации, пишет Ясперс, - не следствие знания, а решение вступать на путь человеческого бытия. Идея коммуникации- не утопия, а вера. Для каждого возникает вопрос, стремится ли он к этому и верит ли он в это: в возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, говорить друг с другом, найти благодаря этой совместности истину и только на этом пути действительно стать самим собой" /120, С.508/.

Читатель, постигающий творчество Айги, так же является читателем "иной культуры". Ведь каждый индивид есть целостная, способная бесконечно развивать себя, культура. "Культура этого разума (актуализации) всеобщего бытия: бытия мира, бытия людей, собственного бытия, - собственного со- бытия с миром и людьми" /23, С. 296/.

Айги показывает нам бытие мира, бытие людей, собственное со-бытие с миром и людьми. Читатель, прикасаясь к творениям Айги, общается через его произведения с миром, с людьми, думает о собственном бытии в мире. Это не непосредственное общение, но акт воли, разума, углубления в себя. 4. Галя Г.: "И в Сияньи Золотого Часа Мира!" Золотой час мира! "Что это за час? Был ли он у нас - землян? Был? Тогда - когда? В Античные времена? Во времена средневековья? В Новое время? Он был, вероятно во все Времена! Это час вдохновения! А оно может быть и от куста вербы, золотящегося в том Часе. Да. И от куста, который, золотясь, зовёт нас к миропониманию, в постижении бытия, а не быта. Час творчества, миг творчества - чудо бытия. Куст - как космос, как все, вмещающий в себя".

"И здесь видим самоуглубление читателя, общаясь с произведением Айги, он творит. Читатель ничего не производит, он домысливает произведение в своём воображении, происходит взаимодополнение. Айги проецирует своим произведением будущего читателя, читатель вычитывает в произведении самого автора. "Но ведь это и означает, что общение "через произведение", общение в культуре предполагает общение с иным человеком, как с самим собой, как общение с другим человеком, с "Ты". Внутренний диалог есть необходимая составляющая диалогического замысла культуры" /23, С. 296/.

Между произведением Айги и читателем устанавливается диалог, в процессе данного диалога читатель вместе с поэтом познаёт мир, бытие, себя в этом мире. "Бытие - общение" и есть творение Айги.

5. Наташа Р.: "Каждый человек по-своему индивидуален, неповторим, особен. Он один:

Куст - один.

Обладает только своим "Я", характерным для него одного.

Он куст - Куст - один.

Но он находится в обществе, он - его зерно, его состав:

и в Сияньи Золотого Часа Мира

Куст - один.

в том Часе золотящийся.

И в обществе каждый человек золотится своей индивидуальностью. Но ведает ли сам человек об этом? "Но", говорит, Айги, - если он сияет, то "само сиянье - веденье." человек.

6. Но общество может превратиться в ничто, если будет терять в нём

свою неповторимость, свой облик. Общество тогда деградирует, и не будет тогда поля, а в поле - куста. "Хочу быть полем, хочу, чтоб там взошел куст, золотящийся в "Сиянии Золотого Часа Мира".

(Школа №16 г. Новочебоксарска. 1994)

Мы видим общение с художественными произведениями, видим разум читателя, ориентированную на эстетическую форму понятия мира и людей. Мы видим эстетически связанные бытия через философию произведений Айги.

У Айги также эстетическая форма освоения мира, бытия, и читатель понимает и принимает эту форму. "В философских и художественных произведениях осуществляется - неуловимо текучее и одновременно постоянно замыкающееся "на себя" - общение человека с человеком. Общение через произведение - /23,3.273/.

Читатель и автор общаются, взаимно понимают, взаимопроникают - это "фундаментальная ориентация" современного разума. Идет или уникальное общение - взаимопроникновение, или - непонимание совсем. Айги отделение личности не воспринимает совсем, они его не понимают, но если понята философская основа творчества Айги (это принятие бытия во всех его проявлениях), то поэт становится оригинальным собеседником, он дарит тогда читателю ни с чем не сравнимые взлеты души.

Обратимся к рассуждениям читателей:

Аня Г.: "Поле - как-жизнь, а в нём куст вербы - как я. "Сияние Золотого Часа Мира," а этот час: мгновение и вечность в мгновении. Значит, я тоже в вечности, и вечность - во мне. Это помог мне понять Айги.

Сияние Бога - Солнца на Бога - поле: соприкосновение. Если я - поле, то солнцем для меня является Айги. А если я - куст, то полем для меня является также Айги.

Айги! = солнце, поле.

Солнце = свет.

Поле = чистота, Бог.

Соприкосновение на меня чистоты, Бога. Близость в мгновении. Вечность и мгновение = жизнь. Как же я раньше этого не понимала. Как не умела ценить мгновения бытия. "Цели мгновения, ибо жизнь состоит из них, они и есть твоё бытие - вот она философия Айги.

Образ куста - это воплощение жизни в пространстве и времени, а время состоит из мгновения".

(г. Новочебоксарск. школа №16.
1994)

Аня Г. - сама открыла философию творчества Айги. Мы в её суждениях видим глубокий диалог между поэтом и читателем. Она понимает и принимает поэта, она благодарна ему за его философию. "Общение - через произведение" произошло "бытие в культуре" осуществилось.

В. Наташа Б.: "Поле: куст вербы. И в сиянии Золотого Часа Мира..."

В сиянии... Как прекрасно это сияние! Сияние мира. Мне видится что-то неподвластное, девственное, никому не принадлежащее Сияние. В этом си-

янии, в этой власти красоты и гармонии - куст. "Куст - один." Он хрупкий, слабый, незащищенный. Один! Но Он сам является частью этого сиянья. Может быть, сиянье не может существовать без этого куста?"

Мы здесь видим также бытие читателя в культуре Айги. Видим общение через произведение, видим диалог поэта и читателя.

С. Евгений Е.: "Поле: куст вербы..."

куст - как - час
(из края Поля - вширь)

"Как много мысли в этих строках. Куст - символ единства мироздания и человека, единства любви и надежды, вечности и мига. Как я этого единства не понимал до сих пор, поэт открыл мне глаза, моя трудь полна непонятных мне ощущений, я ощущаю себя частицей всего..."

Мы видим, как поэт действует на читателя, он заставляет его мыслить, читатель ощущает себя частицей мироздания, он вступает в диалог с поэтом, и поэт дарит ему понятие мига и вечности, мы видим, как рождается "бытие в культуре".

Ю. Валера С.: "Куст - это символ поэта. Поэт - Айги. Значит, куст - это Айги. Куст один, Айги также один. Наш чувашский гений один. Если б он не был гением, мы б его не читали с упоением. Я не любил поэзию, не понимал её,

но любовь к ней пришла, и пришла через чувашского гения - через Айги. Он мне близок, он свой, родной, он, как наше село, скромное, неброское, но его ничем нельзя заменить - оно наше, родное, своё, так и Айги, он свой, родной, наш, потому и понятен, потому и мил. "В Сияньи Золотого Мира: Куст - Один". Айги тоже один. Моё село тоже одно, его ни с каким другим сравнивать нельзя, у него своя история, своя судьба, так и Айги, его судьбу ни с чьей судьбой сравнивать нельзя, у него своё "поле", своё "час", своё "сиянье - виденье". Я ведаю его сиянье, принимаю, утопаю в нём, веду разговор с поэтом..."

/г. Новочебоксарск. школа №16/

Читатель вступает с поэтом в диалог, сравнивает его с чувашским селом, при этом подчёркивает его индивидуальность. Происходит "бытие в культуре". Читатель называет его гением, говорит о том, что любовь к поэзии пришла к нему через творения Айги, что поэт ему близок и понятен. Вероятно, многие, читавшие данное суждение, будут с ним не согласны, но мы считаем, что читатель прав. Нам рассудит XXI век.

В ХХ веке возрастает социальное значение и катализирующая роль таких извечных, но ранее маргинальных форм деятельности, в которых основным производителем общения является не "совокупный работник" - цех, завод, или, наконец, - "всё общество", как единое целое, с едиными всеобъемлющими целями, но - просто индивид (центр везде, окружность нигде), свободно сосредоточивавший в своём разуме всеобщие знания, умения, стремления человечества, - творчески преобразувший эти знания и стремления в своих произведениях, - собеседник, излучавший новое и актуализирующий старье -

вечные - формы личного общения " /23, С. 275/.

Айги-обеседник, "излучающий новые и актуализирующий старые формы личного общения." Каждое его творение - это шаг к общению с человеком XX века, его поэзия - это бытие - в общении.

В.С.Библер говорит, что есть в истории литературы имена, которые олицетворяют собой свою эпоху, так мы считаем, что Айги олицетворяет собой эпоху XX века (бытие при смерти, но всё же принятие бытия, его неповторимости, его мгновений, желание понять предельный смысл бытия.) Его произведения - это формы освоения мира, бытия. Философствование, основанное на его произведениях - это тоже форма освоения мира, бытия, себя в этом мире. "В XX веке стало необходимым - для Шпенглера и Тойнби, для Леви-Стросса и Бахтина, для подсудного сознания каждого мыслящего человека - осознать какое-то странное и резкое отщепление идеи "культуры" от идеи "образования", "цивилизации"... /23, С. 281/

Через культуру - через произведения - идёт диалог с читателем, и в этом диалоге Айги помогает нам понять мир и себя в этом трагичном мире. "Общение в культуре", то есть бытие в культуре, - это всегда - в потенции, в замысле - общение между различными культурами. Даже если мы оба (автор и читатель) живем в одной и той же культуре" /23, 288/.

Айги-поэт будущего, его понятие придёт в XXI веке, но сегодня имеются отдельные читатели, понимающие и принимающие поэта, значит, они живут уже в XXI веке, хотя существуют в XX веке. Это весьма интересно, но ведь в истории культуры всегда так происходило.

Произведения Айги - это произведения культуры XX века. В.С.Библер в произведении "От наукоучения к логике XX века" даёт нам 3 определения понятия культуры. Познакомимся с этими определениями, чтобы ответить на вопрос: являются ли творения Айги произведениями культуры?

Первое определение: "Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных - прошлых, настоящих, будущих - культур. Время такого общения - настоящее, конкретная форма общения - это форма произведения /23, С. 289/.

Второе определение: "Культура - это форма свободного решения и перерешения своей судьбы в сознании её исторической и всеобщей ответственности" /23, С. 289/.

Третье определение: "Культура - это изобретение "мира впервые"
/23, С. 290/.

Попробуем доказать, что творения Айги - есть произведения культуры. В.С. Библер говорит, что формой этого общения являются произведения. Айги создаёт свои уникальные произведения (формы общения), значит, первое определение культуры (по Библеру) присутствует у Айги.

Айги создаёт свои произведения также уникально, в доказательство этой мысли приведём суждения самого поэта: "Словесный текст" - как тело... "редварительно я вижу его, может быть, и не на бумаге, а в некоем сотворённом "небумажном" пространстве."

Даже всякий устный, осмысленно-связанный текст - "тело" - ... как некий куст, тянущийся к небу. В этом отношении, есть и незабываемые "тела" - тексты" /6, С. 27/. Мы позволим здесь привести в качестве доказательства произведение, указанное выше:

Поле: куст вербы
И в сияньи Золотого Часа Мира
куст: Один:
- в том Часе золотящийся:
(ведает иль нет? -
само сиянье- веденье):
куст - как- час:
(из края Поля- вгирь) /8, С. 134./

Сам поэт сравнивает "тело" (то есть произведение) с кустом, тянущийся к небу. В этом стихотворении мы видим куст, "тянущийся к небу". Вероятно, этот текст явился для поэта незабываемым "телом" - текстом: куст вербы, светясь, занимал всё пространство поля, золотился. Далее Айги продолжает: Например, литургия в церкви чувствуя таким "духовным телом" в храме она "конструктивно" организована, имеет свои храмоподобные очертания, контуры её запечатлеваются в уме и памяти.

Таким "телом", в идеале, я чувствую поэтический текст. В отличие от европейских классических стихотворных форм (четверостиший, октав и проч.) каждое свободное стихотворение возникает - я подразумеваю здесь его внешний "вид" - как некий неповторимый храм, как некое словесно-духовное сооружение, видимое через словесное очертание, несхожее ни с каким другим "каноническим строением" /6, С. 27/.

Посмотрим на отдельные его творения - Храмы.

I. " Возникновение храма "

О
голубое
И
поле - серебряной ниточкой - поле
(и много
золота
много)

вдоль-напряжения!

И

твёрдость светлости
ввнсь

1981 /8, С. 299 ./

С чем можно сравнить это произведение? С Храмом! Мы видим купол Храма, его подножие, а

вот и само здание:

поле- серебряной ниточкой- поле

(и много
золота
много)...

Из "тела" стихотворения возникает архитектура храма:

Звета Б., прочитав это произведение, рассуждает так: "Храм. Что такое храм для Айги? Это свет, который возникает из ниоткуда: из земли, входя в который, Айги возносится в небеса для общения с Богом. Храм. Вокруг поле- "серебряной ниточкой- поле". И небо- сладко- голубое. Когда окунёшься в эту сладость, становится легко и светло, ты в это мгновение войдёшь во Храм.

Небо, поле, Храм- и больше ничего "

Читатель своё
рассуждение
сопровождает
рисунком.

Храм- человек. Это
Айги. Глубоко понятно, по-свое-
му оригинально, неординарно.

2. Поле: куст вербы":

"и в Сияньи Золотого Часа Мира:

куст - один:

в том Часе золотящийся:

(ведает или нет?) -

само сиянье- веденье):

куст- как- час:

(из края Поля- вширь)

1975 /8, С. 134. ./

Ветви куста, соединяясь с сияньем Золотого Часа

устремляются к небу- Сияньи. Это устремление самого

поэта к свету, к мирозданию. Это его философия- философия самовыражения.

„Полдень“:
Роз
сиянье-
как долгое вытирание
слёз

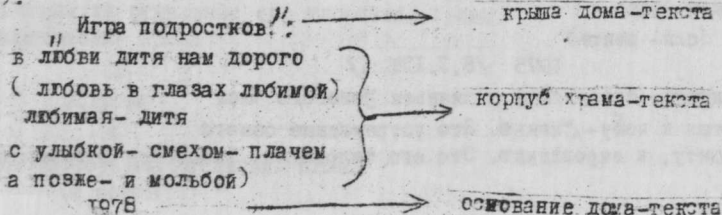
1982 /8, С. 246 ./

“Словесно-духовное сооружение” Айти не похоже на четверостишие, на сонет, это свободное стихотворение, но это произведение внешне похоже на храм. Это его культурное произведение, это его форма, через эту форму происходит общение с читателем.

Далее Айти продолжает: “В силу внутренней единой конструкции (вся вещь “из одного куска”), такие произведения требуют нерасчленимой целостности всех видимых соизмерностей.

Во всяком случае это меня занимает достаточно серьёзно. В работе над “телом” вещи на бумаге, я думаю, сказывается и моё сельско- “народное” происхождение: например, все мои стихи озаглавлены (в случае отсутствия заглавий), я просто ставлю “Без названия”, словно я не могу видеть без “крыш” любые, даже словесные “строения.” То же самое относится и к дате любого стихотворения: я вижу её “конструктивно” входящей в единое “здание” произведения /6, С. 27/.

Любое стихотворение сопровождается датой написания, так принято в Чувашии: каждый дом помнит и имеет своё дату построения, а стихи Айти-это своеобразный дом-храм, у них своё основание (дата написания), свой корпус (словесно-духовная конструкция), своё завершение (крыша-название).

Далее Айги продолжает: "Тихи я чаще всего слышу "литургически", может быть, такими же вижу их и перед собой - ещё не воздвигнутых на бумаге и не вознесшихся над ней. А в литургии действует и напев, и слово- "огос" и "душевная" интонация- почти бессловесная беседа! - а знаки в ней есть и невидимые ("духовные"), и видимые ("ритуальные"), - по -видимому поэтический текст как тело и знак на бумаге я воспринимаю так, - а именно: как общий вид некоего словесного "храма", который и сам, являясь некоторым общим знаком, просвечивает более "конкретными" внутренними знаками своего содержания, - когда я хочу, чтоб они были особо замечены, я выделяю их- курсивами, разрядкой букв, иногда ввожу иероглифы и идеограммы, подчёркивая обособленные "белые места" (также в качестве знаков, каждый раз с их особым "смыслом")

Бывает случаи, когда отдельное моё стихотворение (как правило, не- большое по объёму), является цельным знаком (то есть "тело" текста знака до знака) /6, С. 28/.

Идеограмма- письменный знак, условно изображающий понятие (в отличие от буквы, обозначающий звук) /85, С. 219/.

„Сосна-с-берёзой“:

сквозь Бога Сосен

тьнь- излученье:

берёза- дитя

1978 /8, С. 150./

Буква "С" в названии стихотворения с двух сторон заключается в знак (тире): - с -. Что может обозначать сей знак. Соединение и одновременно разъединение: среди сосен- богов прижилась берёза- дитя, она вместе с соснами, но я отдельно от них, ибо пока лишь ещё "дитя". За словом излученье Айги ставит двоеточие (:). Что он хочет сказать этим знаком? Удивление- он увидел "берёзу- дитя", этот знак (:) равен словам: и увидел, и удивился, и принял. И таких знаков, изображающих понятие, в поэзии Айги множество. Анализируя первое понятие, можем сделать вывод: произведения Айги являются произведениями культуры, ибо самообытны по форме.

Попробуем доказать, что второе определение ("культура- это форма свободного решения и перерешения своей судьбы в сознании её исторической и всеобщей ответственности") культуры, данное В.С. Библером, также присутствует в творчестве Айги. Свою судьбу, судьбу поэта, своё назначение показывает в отдельных произведениях. Проанализируем их.

Первым таким произведением является стихотворение "Тихина" от 1955-1956 годов. Мы это произведение уже проанализировали выше, поэтому остановимся на нём лишь вскользь, приведя текст полностью.

„ ТИШИНА ” :

С тех пор как я — помню что- либо
знаю

по боли в глазах
где и какими ударами
молчание наше окрашивает
и упоминанья достаточно
здесь где шумят пробужденья

а те с того самого времени как начали видеть
стали впервые теперь различать свет божий
чёрное от белого

и пришли в восторг и торопятся уже сообщить
вот это- белое а это черное

бьют

в зреньи другие раскаливанья
и в криках как будто годами

во мне утоптаннѣх
связей иду как прожилок

когда продвигаясь облеплен насмешками
словно репейником
где- то в овраге

один

(о как это было

когда- то

одинокю и чисто

лишь я и поле

как мир!

1955- 56 /6,С.7./

Поэт осознаёт свою трудную судьбу, знает о своей ответственности за "мир", за тишину в этом мире. Поэта "били", крик его "утопан", высмеивали его, его поэзию, в его адрес летели "насмешки-репейники", но поэт твёрдо шёл по своей стезе, ибо знал, как трудна и в то же время благородна и ответственна судьба поэта перед собой, миром, Вселенной.

„ СТЪЕЗД ” :

забудутся ссоры,

отъезды, письма.

Мы умрём, и останется

тоска людей

по еле чувственному следу

какой-то волны, ушедшей
из их снов, из их слуха,
из их усталости.

По следу того,
что когда-то называлось
нами.

И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдём
от людей мы вместе,
одной волной,
когда не снега и не рельсы, а музыка
будет мерить пространство
между нашими
могилами.

1958 /В.С.12./

Поэт верит в то, что после его смерти останется "чувственный след"; "музыка" стихов его, он знает, что читатель, пройдя по его "чувственному следу", будет общаться с ним и после его смерти. Значит, его творчество принадлежит будущему, в нём, будущем, будет общение с музыкой его творчества, то есть бытие в культуре" состоится, и мы умрём, и останется тоска людей по еле чувственному следу".

Произведения Аиги мы считаем застывшей формой бытия, их расшифровка-дело будущего. С уходом Аиги они не уйдут, они останутся в культуре чувашского народа, народов других стран. Мир Аиги останется, читатели будут с этим миром общаться, мысли, чувства автора (то есть его бытие) будут жить во времени и пространстве, в культуре.

"К одной из годовщин потерь"

Сидишь в качалке: о тоска невыразимая!

укачиваешь

сам себя

себя выдумывая мать....

теперь уже- саму Вселенную

1967 /В.С.60./

Сколько было потерь у поэта, но творец не сломался под грузом истории, он, наоборот, чувствует свою ответственность перед всей Вселенной, как перед своей родной матерью. Поэт общается со Вселенной, мы общаемся с ним при помощи его произведений. Бытие в культуре, общение в культуре есть общение и бытие, на основе произведения, в идее произведения."

Какова идея данного произведения?

/23,С.291/

Что хотел сказать нам автор? Он осознал свою ответственность перед мирозданием, он говорит нам об этой ответственности, мы, читая эти строки, общаясь с этим произведением, сами начинаем чувствовать свою ответственность перед всей Вселенной, перед всем миропорядком.

„Без названия“:

... что за места в лесу?
поёт их - Бог...

1969

...а верность вам моя- ваш отзвук ясный
в памяти (как будто- всё ещё- хрустальный!
- на поляне...):

и голоса умолкшего- прощу- примите место
в свою семью!.. умолкнуть- так- и мне
разрешено да будет:

покорно

(как и вы):

(среди вас и вместе с вами) 1973

Айги любит лесные поляны, там "поёт Бог", ибо лес озаряется светом через поляну, поэт желает быть там, на поляне, озарённой солнечным светом. Он слышит "хрустальный отзвук" поляны, желает быть там и после смерти. Что этим хочет сказать поэт о поэте? Он говорит о идее света, который должен исходить от творений поэта и после его смерти.

"Личность я понимаю, - пишет В.С. Едлер, - не как некое наличное состояние (по схеме: "такой- то X есть личность"), но как некую регулятивную идею бытия индивида в культуре, как идею обретения, реализации, актуализации своего- всеобщего; единственного, отдельно- духовного мира. Индивид всегда индивид, но он всегда живёт в горизонте личности, - и в этой мере он живёт в сфере культуры" (23, с. 292).

Айги, как поэт, реализует свой духовный мир, он как "поляна= песня Бога", у него и "всеобщий" духовный мир, и только свой- ему присущий, у него своя "поляна- Бог", а там - "хрустальный отзвук." И этот отзвук, существующий в его творении, дарит поэт нам, чтобы в наших сердцах, общаясь с ним, возникал свой "хрустальный звон." "Индивид живёт в горизонте личности", то есть индивид рассказывает миру о себе, о своей судьбе, о своих чувствах и боли, только тогда и происходит жизнь индивида в культуре. Айги повествует миру о себе, о своей боли, и своём желании- уподобиться "Богу". Значит, его культура, его бытие и нас зовёт к высшему, к "полянам", где поёт Бог. Его произведения облагораживают нас, дарят нам высокую культуру.

„Поле: куст верою“:

и в Сияньи Золотого Часа Мира:

Куст- один:

в том Часе золотаяшися:

(ведает или нет? -
само сиянье- веденье):
куст- как - час:

(из края поля- вширь) 1975 /8, С134./

Здесь поэт уподобляет себя кусту, куст тянется к свету, так и поэт тянется к свету, несёт "Сиянье Золотого Часа Мира" нам, в этом видит своё предназначение.

/23, С. 293/.

В.С. Бюблер считает, что "индивид может жить только в произведениях." С этим тезисом мы соглашаемся, Айги живёт, будет жить в своих произведениях, он знает это, знает, что и после его ухода с ним будут общаться, как общаться с Омаром Хайамом через века и пространства. Как через творчество Хайама мы постигаем бытие человека того времени, так и через творчество Айги мы постигаем бытие нашего времени, а вместе с ним-и бытие всех времён.

"Та или иная историческая эпоха оборачивается особой культурой (то есть таит в себе бесконечные возможности самореализации), только если она обладает пафосом всеобщего". Поэзия Айги обладает пафосом "всеобщего", ибо поднимает те вопросы бытия, которые всегда поднимались поэтами: стремление к свету, желание сохранить свою оригинальность, желание постичь самое бытие и человека в нём...

Поэт общается с нами, общается с помощью внутренней речи. "Плоть и потенциал этого "бытия- общения" и есть произведение культуры" /23, 297/. Общаясь, Айги говорит нам о стезе поэта, о том, что поэт слышит раньше других "гул беды", поэтому его задача - предупредить о той беде.

Ленил Андреев поэта называл вестником. "Вестник- это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, даёт людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого/высшую правду и свет, лишися из миров иных. Вестник действует через искусство /10, С. 174/.

Айги можно назвать вестником, он говорит нам о надвигающейся беде.

" продолжение- гул "

все- гул беды!
как быть- чтоб передать?
молись или не молись- но так или иначе
дай Бог (или сама твоя усталость)-
хоть кто- хоть что- да хоть в какую бездну
проваливца!- дай
укрытым в промежутках быть-
притихнешь твоей собственной!...-
хоть скоро вздрогнешь- более разрушенным-
ещё сегодня же...- не раз)

1986 /8, 307/

Анализируя данное произведение, слушательница курсов Института образо-

вания Капова И.П. пишет: "Человеческий мир наполнен трагедией, эту трагедию чувствует Айги, музыкой века стал гул, гул беды. Теоретически гул - это шум, это не музыка, но в периоды разрушения гул приобретает права музыки. Когда человек болен, в сердце возникает шум, а в голове - звон. То же самое происходит и с вселенским человечеством. Оно больно. Эту боль - жизнь чувствует поэт в виде надвигающегося гула. Человеку и человечеству нужна помощь. Айги желает нам помочь. Этот гул, эту беду нельзя передать, она проникает в человека, в его сущность."

"Но, - говорит поэт, - надо удержаться на плаву человечности, хотя в мире бездна бед". Поэт советует нам быть мудрыми: "Дай Бог укрытым в промежутках быть притихшими твоей собственной!" Но сам поэт, принимая мудрость Бога, молчать не может. Он "глаголом жгёт сердца людей", возвещает о беде, предупреждает".

Читателем Каповой И.В. стихотворение, мы считаем, проанализировано верно, хотя, каждый вправе мыслить по-своему, при общении с поэтом у каждого читателя возникает свои ассоциации.

"Другой читатель, Сафонова М.Л., рассуждает так: "Гул беды... Кругом безысходность, как жить дальше?" - такой вопрос себе и нам задаёт автор. Укрыться от беды? Спрятаться? Но это не путь поэта. И приходится принимать жизнь, "вздрагивать", как говорит Айги, если даже тебя ждёт разрушение. Но ведь разрушение - это ступень для созидания".

Айги созидает, хотя был много раз разрушенным, общается с нами через своё произведение.

"Общение в культуре - это не обмен информацией. Это - со-бытие /23, С. 258/. Мы проникаем в бытие поэта. Одна из читательниц, Заша К. пишет: "Жизнь с каждым днём становится тяжелее: Экологические беды, война... Этот гул слышит поэт, он нас ведёт за собой, в своё бытие, заставляя нас также услышать гул беды - надвигающуюся бездуховность. Человек - маленькая Вселенная - может погибнуть в этом водовороте гула. Как спасти мир? - такой вопрос в подтексте задаёт Айги, такой вопрос задаю и я. Спрятаться? Укрыться? "Мудрая" философия премудрого пескаря. Ты выживешь! Но зачем, если другие вокруг тебя погибнут. Если все спасут, все спрячутся, то беда придёт ещё скорее. По-моему, это стихотворение - протест против душевного спокойствия. И хотя "скоро вздрогнешь - более разрушенным - ещё сегодня же... - не раз)", но если "вздрогнуть" всем, то можно победить и спасти мир от будущей беды. Возможно, Айги имел другое, может быть, авторская идея одна, а объективная идея - совсем другая. Но я прочла мысль поэта таким образом."

(Слушательница курсов Института образования.

1994.)

Читатель проник в бытие поэта, в его мысли, желания, знания, в целостное его бытие, проникнув, общался с поэтом, вступал с ним в диалог, делился своими мыслями, понимал и принимал ответственность поэта за мир. Сознание ответственности поэта звучат в стихотворении "Да и поэт":

... да: поэт же
(бывали- пишущие а будут-гибущие
по- новому: без слов
и это-их Поэзия)
и выясняется
что может и повить:
вой кукольный
и волки- куклы
(а волки- не- слова работают
и будет ~~Смерть~~ - не - слово)
теперь и В Солнце- шорох есть
труда такого
(и в стене- тот шорох)
шурши и сам- не забывай: "...поэт..." /Б.З. 140./

Это чувство передаётся читателю Галине Ч.:

"Осиянная Реальность"... Эти слова принадлежат Аяги... Реальность- быт, жизнь, мир, люди... Но реальность осиянная, т. е. освещенная солнцем, идущим от души, от духа- присутствия.

Здесь поэт сравнивает, по- моему, двух разных поэтов: тех, кто стал куколкой в чужих руках и позволил распоряжаться своей судьбой, чтоб угодить власти: успеть сказать "пустое- в пустоту"; а также говорит о поэте истинном, о том, кто реальность может высветить, но это ведь опасно, ибо "волки- куклы" поднимут "вой кукольный", и "волки- не- слова" будут работать, и слово поэта превратят они в смерть, в небытие:

(бывали- пишущие а будут-гибущие
по- новому: без слов
и это- их Поэзия).

Сколько было их, гибущих без слов, но ведь проходят столетия, и они становятся Поэзией, их судьба становится Поэзией, Сам Аяги...

Его судьба стала поэзией. Он видел "пожарище", сам горел, сгорая, писал, был облеплен насмешками- репейником, но писал, но не "пустое- в пустоту". А иные исполняли долг. Долг? Да!

Какой ещё глагол

о "долге" чтоб

а вот: струной-порванной- строкой

успей: пустое- в пустоту:

сказать?- повеять словно над пожарищем

ни для чего и ни к чему!...

Что выберешь поэт? „Всё перепутано, но ведь "всё равнозначно по выст-

радинности "Очистил тебя катарсис? Огонь очистил тебя? Страдания твои помогли тебе выстоять при пожарах, которые олашались воем волков. Кого пожирали эти чудидца - звери? Люди?! Да! Истинных поэтов! Но солнце закрыть и "подрать нельзя, оно все равно высветит, как высветило солнце Айги, Сократа, Пушкина, Высоцкого, Галича, Александра Меня. Высветило! И весь смысл бытия в этом? Да, в этом! Светить! Во имя ^(кого?) Тебя, человеке!"

Ответственность поэта увидела и Анна Г.: "Что есть поэт? В чём его "долг"? Айги-поэт. А долг его - "шурши и сам - не забывай - ...поэт..." Можно ли сказать, что Айги - Да и поэт? По- моему, можно. В своих размышлениях Айги показывает, как говорил другой поэт (Поэт "с большой буквы"), что "слова - куклы" лишены того своеобразного великолепия, той живительной влаги, журчанья ручейка, (бывали - пишущие а будут-гибнущие

по - новому без слов
и это-их Поэзия)
и выясняется
что может и повесть:
вой кукольный
и волки - куклы

Куклы, их слова... и волки - куклы
Слова, похожие на вой кукольный...

(а волки - не - слова работают
и будет смерть - не - слово)

Но это их поэзия... Поэзия... без слов - по- новому. "А смерть - не - слово".
Что же слово? Жизнь? Да И поэт.

"Не-слова - волки работают", в их "Поэзии без слов" вой кукольный - армия, не-слов. Теперь не в их Поэзии "шорох", теперь и "в Солнце - шорох есть", Шорох - труд, по огромности "не очень велик", шурши и сам - не забывай: "поэт..."

а вот: струнов - порванной - строкой
успей пустое - в пустоту
сказать... - повеять словно над пожарищем
ни для чего и ни к чему?... -
иль значиться что "был" - безгласно выдохнув
остатком пустоты и мертвизны -
что да: что есть Реальность Осиянная
(такая - для себя... - лиризм)
и нищенство - шедевр (такое есть
что можно постучать как по железу)

Строка в стихе, стихи в Поэзии... Строков порвана струна. Наверно, сильная была строка. Возможно, слабая была струна. А может быть, наоборот? Но почему? "Всё перепутано (а в-прочем равнозначно по вистрадинности.)"

Не отличить, где черное, где белое... Всё смешалось: а те, с того самого времени, как начали видеть свет божий, стали впервые теперь различать чёрное от белого".

Но где же "чёрное"? "Белого" нет? Челого больше или чёрного? Цветлого больше или горести. И существует ли "красное"? И как оно выглядит на "белом"? Красное на белом... То же самое у нас не называется "трагическое":

и сына например здесь красные сапожки
пустые (маль их)

"такое" не "трагическое"...

Но о струне, что пуста в пустоте над позарешем-повеять ярко и жутко- ни для чего, ни к чему, выдохнув остатком той же пустоты и новой мертвизны- не значится "был". Был. "а и человек. Был. Да и гений. Был. Да и Поэт. Но был!

"Шедевр-нищенство" его не есть такое, что можно постучать, как по железу. Когда по железу стучат, жутко становится. Жутко становится, когда железо в душе вместо сердца. Но у Айги нет железа, потому что он Да и Поэт". А Слово его - Жизнь.

В стихотворении "СОЛНЦЕ августа" также поднимается тема ответственности поэта,

долга: свечения:
(где сиянье и что оно значит
от кого для чего-
знаем мы исходящие сердцевечением)

Айги называет себя человеком, "исходящим сердцевечением, но не только себя, он всех настоящих поэтов определяет по сердцевечению. Для чего? Для земли, для мира сего и Вселенной.

Поэт видит свою "мощь", мощь Безмолвствия, была такая пора, когда ему и многим приходилось молчать.

Без названия":

какой же мощью надо быть
чтоб так Безмолвствовать как будто перед бурей
в столь скудном существе как я

1978 /8, 172./

Себя он называет "скудным существом", но это "скудное существо" обладает такой силой Поэзии, что может "словом остановить солнце". Айги знает свою силу и мощь, эту силу передаёт нам, читателям, его подвиг говорит о силе человеческого духа. "Ученица поняла философия поэта: быть!

"Общение в культуре- это не обмен информацией", не разделение труда, не "участие а общем деле" или "в общем наслаждении". Это со- бытие и взаиморазвитие двух" (23, 2008) автора и читателя. "Сердцевечение" Айги передаётся читателю.

Для К. (ученица экспериментального Ю класса г. Новочебоксарска, школы № 16) рассуждает после прочтения стихотворения "Озеро и птица":

"Озеро-столь восхитительно-неправильно круглое, столь отдалённо-прозрачное, что проявление наше перед этим- лишь Благословение". Озеро... Я вижу, озеро, восхитительно завораживающее своей неправильной формой. Может, озеро- это символ, это сам поэт. Ведь его произведения "неправильной" формы, но они восхитительны, прикасаясь к ним, я испытываю "сердцевечение", моё сердце бьётся в унисон сердцу поэта, я живу в поэзии, я получаю не информацию, а что-то большее. Что? Свечение... Свет Айги вливается в меня... Зачем в жизни восхищаться только правильными формами, иногда формы неправильные привлекают больше, вызывая чувство благоговения."

Читатель живёт в поэзии Айги, испытывает при этом развитие своей души, она, вторя философу В.С. Библеру, пишет, что поэзия Айги ценна не тем, что можно получить из неё определённую информацию, она ценна тем, что даёт иную информацию- "информация для души".

Тема поэта поднимается и в стихотворении "В рост":

- 1) в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как бедные знают одежду последнюю
и старую утварь
и знаю что эта ненужность
стране от меня и нужна
надёжная как уговор утаённый:
молчание как жизнь
да на всём моя жизнь
- 2) Однако молчание-дань, а себе- тишина,
- 3) к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место её
и в этом я есть- как Поэзия есть
и я знаю
что работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города
бессоница сторожа.

1954-1956/8.С. II./

Перед нами предстаёт "экзистенциально-мученический" образ поэта, как перед самим автором в своё время предстал духовно-интеллектуальный, "экзистенциально-мученический" образ Бодлера. "Бодлер-пишет Айги, - был для меня важнее любых традиций (в том числе и его собственных- литературных). Он, как и Блок, помогал мне в своём собственном самовоспитании как поэт" (уверен, что каждый поэт должен пройти труднейший период "артистического" самовоспитания), можно сказать, что я старался учиться у Бодлера верности Поэзии) 76, С. 297.

Из чего мы складываем образ мученика- поэта? Из отдельных слов и словосочетаний, являющихся ключевыми, смыслополагающими:

"из расплывённой тоски " ;

"знал ненужность " ;

"эта ненужность стране от меня и нужна " ;

"молчание " ;

"себе- тишина."

Тоска поэта превращается в "невидимое зарево", как это понять? Мы это понимаем следующим образом: поэт- моль, он свою боль и тоску "утаптывает", как эту боль "утаптывали" в своё время Блок и Бодлер. Сила поэта, да и любого человека не в показе своей боли, а в умении с достоинством переносить свою боль, это достоинство у Аиги имеется, он говорит, что Блок и Бодлер научили его "артистическому самовоспитанию". Но "молчание- дань, а себе- тишина". Что надо понимать под словом "тишина"?

Для самого поэта "тишина- это символ " выносившего жизнестойкости" ^(Б.С.С.)

В качестве доказательства приведём суждение самого поэта: "Насколько я помню, почти вся поэзия вокруг меня- более четверти века- была прямолинейной и ангажированной, весьма часто- довольно примитивным образом.

Всегда была поэзия действия, действий.

За направленность этих действий я не чувствовал ни поэтической, ни реальной, то есть, жизненной правды.

В силу этого, поэтическую правду, правду человеческого существования (точнее- жизнестойкости) приходилось искать в себе: в своей памяти, в своём мировосприятии. "Действия", ни поэтические, ни "жизненные", мне не были нужны (также, с моей стороны, они не были бы нужны никому, - другие "действовали" в поэзии более умело, чем я)". Здесь мы прерываем рассуждение поэта, чтоб доказать его мысль: /6, С. 27/

и знал что эта ненужность

стране от меня и нужна

надёжная как уговор утаённый:

молчание как жизнь

да на всю мою жизнь.

Поэт чувствовал свою ненужность, зная, что он стране пока ещё не нужен.

Жизнь превращалась в молчание. Но здесь поэт даёт нам антитезу:

молчание- дань,

а себе- тишина.

Себе поэт всё же оставлял тишину. Что же поэт вкладывает в это понятие.

Читаем дальше: "Поэзии "Действия" я постепенно стал противопоставлять нечто иное, даже не созерцательность. Нет, нечто другое, - всё более возрастающую погружённость в некое самоберегущее единство того, что лучше всего назвать- чем- то "безусловно- пребывающим", от которого, людским вторжением, ещё не выведено в мир явление, называемое "действием" /6, С. 27/

Отрицание "действий", естественно, обращивалось и молчанием; символом выносимого жизнестойкости становилось ТИШИНА. „Было чувство, что я в боли и с болью — в каком-то огнесредоточии — притягивался к самим видоизменениям пребывания в мире одного существования — судьбы" (6, с. 21).

Объяснив, что такое тишина, обратимся к тому, с чем сравнивает себя поэт. Он себя сравнивает с сердцем, то есть работу поэта он сравнивает с работой сердца. Сердце, даря нам жизнь, работает в тишине, мы, если не прислушаться к груди специальным медицинским аппаратом, не слышим работу своего сердца. Оно работает! Так работает и поэт. Его не слышно, но по значимости его поэзия равна работе сердца, а как сердце надо слушать специальным прибором, так и творчество Айги надо слушать особым "прибором", наименование этому прибору вероятно, когда-нибудь человечество даст (может, "светоприятие", может, "светозлучение"; может что-то иное...). Айги пишет:

к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место её
и в этом я есть — как Поэзия есть...

В чем видит поэт своё назначение? В работе, в такой работе, как работа сердца. Он осознаёт свою нужность миру, вместе с ним сознаёт это и мы, его читатели. Поэт в стихотворении "Припадая-к оставшемуся" восклицает: "а я ведь среди вас!" Да, Айги среди нас, читающих и нечитающих, живущих и мёртвых. В данном произведении также поднимается тема поэта:

а я ведь среди вас! —
лес — давний клад: из призрачных убежищ
с огнями с искрами — костями
волков — а я костляво — донный
им — тот же брат:

Мы мёрзлой пели кровь —
кто как? когда? — овраги и поляны
тоской обкладывали — пели
не только шкурой — ртом:
а льдом дорог — под лунами сверкавших! —
и поднимался — льдистость коряво:
высоты знав выги — равнодушия
и "родиной" назвал! — и демону прошептивая:
не рушиться сучкам — кровям моим! —
неважно — где кому
скрипит в полнеба — это дерево:
гоня страдания — но жилам зарев... —

и я-их гнал(те приглушенья бед
 чужие)- по путям- уродствам!
 чтоб сникнуть- да- заснуть- уйти в снега:
 немного легче стать для воды...-
 когда- то луг полусознания
 мне таковуг уронил!- и вот:
 в себе ломая леса кость- и-донья
 я содрогался в заревах и падал-
 то музикою- слабость сердца
 (тут даже скажешь: "Бог!")-
 стаскивалась!-в глухость трав срываться-
 чтоб бедность жизни и в громадах далей
 чуть чем- то "оприродить"- чуть "земнее":
 прожил- причин того не доискавшись!-
 пробыл- уйти- не большим и не меньшим:
 (совместно гаснуть с Днём!... И этого остаток:
 - благодарение- ветер!-
 честней- среди трав гнилых)

1986

Анализируя данное произведение, автор рассуждает: "Данное произведение написано в 1986 году, указанное выше ("В роот") в 1954- 56годах, но через стихотворения . проходит один и тот же образ: "экзистенциально-мученический" образ поэта, поэт говорит о том, что он не нужен стране, и от этого испытывает тоску, здесь свою судьбу, себя сравнивает с судьбой волка, он называет себя их братом. Почему? Затравленный волк — "забитый" поэт. И волк, и поэт поют одну песню:

Мы мёрзлой пели кровь-

Загнанный волк и "замерзавший" поэт на своём пути встречали "враги и поляны". В врагах силы зла одолевали их, поляны свет дарили, а дорога "льдистая" не понимала поэта, не принимала, среди своих даже порою казался чужим. Но Айги говорит: "д поднимался- льдистость коряво".

"Коряво" ^{то} поднимался поэт, он познал "выги- равнодушия". Не равнодушие одного человека, а "выгу равнодушия". Как больно было поэту, но он "поднимался". Здесь уместно привести отрывок из вступительной статьи А.И.Сахарова, доктора исторических наук, "Светлый русский ум", посвящённый И.Е.Забелину, историку российскому. Вам кажется, что Айги по "жизневыдерживанию" напоминает И.Е.Забелина (1820-1908). Вот этот отрывок: "В жизни И.Е.Забелина есть страницы и есть мотивы, которые во многом определили становление его личности и творческого кредо, даки в итоге тот культурный феномен, который ярко проявился в создании труда, И омавший быт русского народа". Основной доминантой в этом смысле, на мой взгляд, является сочетание таких качеств его личности, как невероятная обаятельность

"светлый ум", здравый смысл в подходе к жизни, к событиям истории, большая впечатлительность. Такие сочетания, как правило, приводят к самым неожиданным последствиям. Всё зависит от характера человека. Если человек обладает твёрдым характером, сильной волей, он старается в труднейших жизненных условиях реализовать те благодатные качества, которые ему отпущены природой. И чем больше трудностей и дискриминации встречает он на своём пути, тем упорней его усилия, тем ярче проявляется стремление взять у общества своеобразный социальный реванш. Но и здесь человек может необузданно, любым способом стремиться наверх, а может, спокойно контролируя и взвешивая свои истинные возможности и способности, идти единственным, предначертанным ему путём. Если сила характера недостаёт, человек может быстро сложить крылья, обидеться на весь мир, замкнуться, в этом случае не исключены и трагические исходы, слабая воля не выдерживает груза большого дарования. Думается, что как человек и учёный, И.Е. Забелин силой обстоятельств, силой своей природы, природной сбалансированностью ума и страстей шёл всю жизнь первым путём без его крайностей и больших жизненных коллизий, хотя раскаты грома порой раздавались на этом пути, лишь потрясая, но не разрушая прочно создаваемого им жизненного фундамента /92, С. II.

Айги, как поэта и человека, мы также видим "невероятно одарённость", "светлый ум", несмотря на "волчь", как говорит сам поэт, жизнь, поэт не озлобился, его молчание Светлое, его "тишина" светоносная. Айги сравнивает себя с деревом:

скрипит в полнеба - это дерево:

гоня страданья - по жилам зарев... -

Поэт гонит страдания и скрипит, он, как И.Е. Забелин, не обиделся на весь "мир", а шёл, пусть по заснеженной, пусть по "льдиной", но своей дороге, единственной, ему "предначертанной", "раскаты грома" не миновали и его:

в себе ломая леса кость - и - донья

я содрогался в заревах и падал.

А зарево поэта из расплывлённой тоски, он спотыкался и падал, но знал, что день придёт. День пришёл! "А я ведь среди вас!" - восклицает поэт.

Как на современную поэзию смотрит сам Айги? Чтобы ответить на этот вопрос, приведу его суждение - размышление: "Скажу прямо, что впечатление у меня такое, что, что - то сгнило в датском королевстве". Похоже, что Слово сгнило насквозь, и не только в окружающем меня пространстве. Сгнило в нём некое ядро Латинское: "religio" содержит в себе понятие "связи", - связи человека, мысли, слова с чем - то Большим, чем человек. Слово может содержать эту связь; пусть это звучит громко, но доверимся Достоевскому: "Всё на земле живёт через таинственное касание мирам иным".

Такому человеку, как "остоевский, можно бы поверить.

В современном слове, - вернее, в действии этого слова, упомянутая

связь как бы исключена. Эта связь— спекулятивно— морализаторская красивость, не словесный, ангажизм. "экспировский Меркуцио словами о червях, которые ^{сквозь} съедят его тело, проклиная саму Вселенную, саму её апофатическую Душу...— вот вам даже *religio* —черви!— эти черви воплощают связь, становясь *religio* — словами.

Нам, очевидно, стоит подумать иногда об оживлении ядра, корня этой связи, таящегося в слове, — "добрые намерения, в конечном счёте, приводят к добрым результатам", — любил повторять чьё— то выражение французский мыслитель Жер Леконт Дю Нуи. Прощу прощения за то, что я не говорю о выдающихся достижениях больших современных поэтов, чьё слово имеет ту значительность, за которую я сейчас, так сказать, "раду". Я говорю об общем состоянии поэзии "у нас", так и у "других" (в той мере, насколько я знаком с более "далёкими" поэзиями). Общее впечатление, главное впечатление от современной поэзии сейчас таково, как будто она призвана без конца проклиная мир, который, с оговорками или без оговорок, назовём же, наконец, "творением" /6, 3.35/.

"ет тринадцать назад мне преподало хороший урок одно существо, — один подмосковный скворец. Был промозглый день, шёл весенний мокрый снег, мир был— как "проклятие". Я вдруг услышал пение, и увидел скворца, который, на ступеньке своего домика, в дожде— и— в— снегу, заливался своими трелями. "Да что с ним происходит?"— так он трепетал, — горло его просто клекотало. "Да ведь его распирает благодарность, — даже такому дню!"

Этот скворец был гораздо благодарнее к этому миру, чем мы, многие, с редкостным рвением проклинаящие и день, и мир, и самих себя, а "себе подобный" — с ещё большим рвением "76, 3.35/.

Айги, как и философы— экзистенциалисты, принимает мир, благодарит его, он не принимает только, как сказал И. Бердяев, "мира объективации", т.е. того мира, где растаптывается человеческая самость. Исходя из приведённых произведений Айги о поэте, его суждений о современной поэзии, можно сделать вывод, что творения Айги являются произведениями культуры, что он как поэт, понимает свою ответственность перед миром и историей. В качестве доказательства приведём суждение поэта о том, что значит быть поэтом сегодня:

"Очевидно, это связано с особенностью времени, — в поэзии меня очень мало интересует личность пишущего. Мне кажется более важным, "даёт" ли он мне что— то от мира— природного, "вселенского". Духовно никто не беднее меня— как— "поэта", но многим людям в сутолоке "действия—мира" (а действия эти становятся всё более безобразными) трудно бывает помнить о том, что "мир— вселенная" всегда имеет в себе нечто, напоминающее не только об осмысленности, но и бесконечно— глубокой значительности жизни, — этот мир касается нас иногда голыми кусками самого "чуда"— самой своей сущностью, происходит это просто, словно кто— то кладёт нам

нам руку на плечо, но эта простота — нечто самое необъяснимое из всего того, что мы считаем существующим.

Быть "на страже" таких даров мира, не пропускать мимо своего восприятия, передавать их "стихотворным" образом другим, — все это, по моему, и является сегодняшней обязанностью поэта перед людьми, интересующимися стихами" /6, 3. 37/.

Быть поэтом, по Айги, принимать на себя боль Вселенной, нести "вселенский" дух людям Земли, обогащать их духовно, хотя поэт и говорит, что люди "духовно не беднее меня — как — поэта", надо только суметь "услышать своего скворца" даже в "промоглый день", Айги услышал.

В.С. Библер в качестве третьего определения культуры (а мы считаем произведения Айги — произведениями культуры XX века) даёт следующее: "Культура — это изобретение "мира впервые" (23, 250). Он говорит, что "культура в своих произведениях позволяет автору и читателю как бы заново породить мир, бытие предметов, людей, своё собственное бытие — из плоскости полотна, хаоса красок, ритмов стиха, философских начал, мгновений нравственного катарсиса" /23, 3. 280/.

Соглашаясь с этим тезисом, мы попытаемся доказать, что Айги как бы "заново порождает мир", то есть в мире это явление было, но Айги так увидел и так передал его, что "как бы заново" сотворил его. В качестве доказательства попробуем проанализировать несколько стихотворений поэта.

I. "Рябина — возглас":

о лепета ярко — прозрачного: в небо
направленного — буря! — о в крапинках крови
широкое знамя! — о возглас: шумяве — злеший
воздух!.. 1966 (8, С. 58.)

Кто из нас не видел рябину осенью? Видели многие, многие писали про неё, но только Айги увидел "буря", "знамя широкое в крапинках крови", услышал "лепет" превращающийся в буря". Он сотворил свой мир. Вместе с тем в произведениях культуры этот "впервые творимый" мир с особой несомненностью воспринимается в его извечной независимой от меня абсолютной самобытности, только улавливаемой, трудно угадываемой, останавливаемой на моменте, в краске, в ритме, в мысли. Тот мир, мир рябин, существовал до Айги, будет существовать после Айги, он существует сам по себе — это бытие в природе. Это бытие, миг этого бытия улавливает поэт и запечатлевает в своём произведении. Айги уловил это мгновение, но уловил так, что заставил и нас, читателей, увидеть этот сотворённый им мир, мы как бы заново порождаем мир, хотя он существует независимо от нас: красные ягоды рябины будут, пока будет бытие Земли.

2. Начало отцветания жасминов:

ангелов белых

чуть — чуть — превращение :

в нищих...- тем самым усиливая
немного- вокруг
сиротство- особо- молитвенное
вечера- вдруг просветленного
будто- в туманной тиши распадаясь и вея (<->
вздрогом на шаг (это даже не видя)
строго- белея
стоянье 1984 (3, С. 280.)

Какой здесь мир поэта? Это мир отцветающих жасминов, их поэт сравнивает с "ангелами белыми". Многие поэты вдохновлялись данными цветами, но только у АЙГИ- они "ангелы", и не просто "ангелы", а ангелы, превратившиеся в "нищих", ибо отвечает, они усиливают печаль восприятия, несут "сиротство" (отцветают). Читаешь эти строки и вместе с Айги творишь свой мир, видишь его, слышишь шелест упавшего лепестка: это первый шаг наступающего сиротства, затем отпадёт второй лепесток, третий... И "ангелы" превратятся в "нищих". Это мир Айги, он его со- творил, со- чинил, подарил нам, читателям. Цветы жасминов; они такие нежные, воздушные, на самом деле на ангелов похожие, есть у них и те нежные крылышки ангелов. Поэт увидел вздрог этого "ангела"- цветка, ему открылся этот миг, он его запечатлел, с помощью своего видения передал в наше видение, мы, читая Айги, также "из- обретаем мир впервые". Этот мир крупный, мимолётный, но мгновение "вздроса" в этом, ^(3, С. 290.) существующем независимо от нас мире, поэт увидел, запечатлел, заставил и нас "вздроснуть", то есть понять глубинный смысл бытия:

сиротство- особо- молитвенное
вечера- вдруг просветленного

3. Угасание августа:

где- то в дубраве
из звуков
качели как будто сияющие
тайно устраивавшая
удерживая- в состоянии
прерывистости: золотящейся!-
птица: не зная: напутствующая

1982 (3, С. 237.)

Как видит поэт угасающий август? Он видит "из звуков качели". Это мир Айги, ни у одного поэта нет сравнения угасающего августа с "качелями из звуков". Но если всмотреться, то Айги прав: в синем лесу множество звуков: вот упал лист дуба, лист липы, лист орешника, упал желудь, орешек, послышался голос "напутствующей птицы"... "из звуков качели". Как красиво и ёмко сказано. Он, поэт, породил свой мир, у него сотворённый мир, но этот "сотворённый мир" подарила поэтусама Праматерь- Природа. " Состояние прерывности: "качели" поднимаются вверх, опускаются вниз, чуть покруживается голова, тело наполняется бытием- радостью, вот это бытие- радость и со- творил поэт, пригласив нас, читателей, присесть на "качели из звуков".

4. "Всё та же ива:"

облако давнее
 словно с движеньями думанья
 там - шевеленьями теми же- близко- сырое
 словно лица ощущение усиливая
 место мама- обожания будто в младенчестве
 мне закрывает
 чтоб выдержать мог
 и не удерживая
 насквозь серебрится

1982 (8, С. 231.)

Что здесь сотворил поэт? Иву уподобил облаку. Своеобразное сравнение, Айги запечатлел миг земного бытия: он увидел в иве "облако", это "облако" он видел в детстве, поэтому не просто "облако", а "облако" давнее, в том облаке "думанья" "движенья", в этом движении он видит (представляет) свою мать, ибо, по Айги, его мать обожала эту иву. Какой чуваш не любит иву, она, ива, сопровождает всё его детство, если ты вырос в селе; вот и творит поэт свой мир- мир своего детства. И нас, читателей, приглашает в свой мир, и мы, общаясь с поэтом, видим свою иву, свои "думанья" вспоминаются, одно со- творенье рождает другое со- творенье, возникает произведение, про- изведение, про- из- ведение. Мы ведаем, то есть открываем мир Айги и своей собственной с помощью его произведений. Мы живём в культуре Айги

"Что значит быть в культуре, общаться в культуре, породить в культуре мир впервые?" - спрашивает В.С.Библер. И отвечает: "Произведение- вот ответ на вопрос." Мы выше разобрали это слово по составу:

про- изведение,
 про- из- ведение,
 про- из- вед- ени- е.

Айги ведает, это ведание передаёт читателям в своих произведениях. Как "произведение" расшифровывает В.С.Библер? Для последнего анализа при-

ведём его суждения:

1. "Произведение - в отличие от продукта (потребления), предназначенного, чтобы исчезнуть, или от орудия (труда), могущего работать в любых умелых руках, - есть отстранение от человека и воплощённое в плоть полотна, звуков, красок, камня собственное бытие человека, его определённости как этого, единственного, неповторимого индивида.
2. Произведение всегда адресовано; точнее, в нём, в его плоти, адресовано моё - авторское - бытие. Произведение (про - из - ведение, курсив наш) осуществляется - каждый раз заново - в общении, "автор - читатель" (в самом широком смысле этих слов). Это - общение, воплощённое в "плоть" - плоскость" (плоть... плоскость...), предполагающее и полагающее - вновь и вновь - воображаемого автора и воображаемого читателя.
3. В общении "на основе" произведения (...) мир создаётся заново, впервые - из плоскости, почти - небытия - вещей, мыслей, чувств, - из плоскости холста, хаоса красок, ритма звуков, слов, запечатлённых на страницах книги. Произведение - это застывшая и чреватая форма начала бытия " /23, с. 290/.

"Ибо, чтобы сохранить себя, оцутить откликнутость бытием, надо впитать в себя живые взволнованные голоса других." /15, с. 88/.

И Айги впитывает в себя голоса "других" - в данном случае это голос двухлетнего клёна, голос его взволнованный, ибо он ещё весьма мал, "вздраживает" пока даже от "дуновения".

"Философия Айги? В чём она выражается? В постижении самого себя и окружающего мира. Постигая мир, Айги не потерял себя, хотя Шопенгауэр пишет: "Вступая в общество, нам приходится отречься от 3/4 своего "я", чтобы сравниться с другими." /117, с. 10/.

Айги не желает сравниваться с другими, не отрекается, как говорит Шопенгауэр, от 3/4 своего "я". У Айги своё видение мира, своя экзистенция. Но Шопенгауэр далее пишет, что "истинный глубокий мир обретается в изоляции, в уединении. Человек может находиться в совершенной гармонии только с самим собой." /117, с. 10/.

Немецкий философ мыслит развёртывание субъективности через разъединение с другими. Айги не разъединяется с миром, он не принимает только (по Бердяеву) "мира" объективации", то есть того мира, который подавляет человеческое "я". Айги находит гармонию с миром Природы, в данном случае - с миром двухлетнего клёна, хотя этот образ создал сам Айги.

М. Бахтин, анализируя указанный выше тезис Шопенгауэра в работе "Проблема поэтики Достоевского" пишет, что человек никогда не найдёт всей полноты только в себе самом." /14, с. 208/.

Поэтому, создавая произведения, Айги адресовывал их нам, читателям, надеясь, что мы вступим с ним в "диалог" (по М. Бахтину). Вступив в "диалог", обретём своё бытие в культуре Айги.

Вот одна из таких "форм", по счёту это пример №5:

" Образ: клён "

Двухлетнему клёну
сентябрьскому

в воздухе

каракули бога- дитяти

вздрагивая

от Дуновения

1976 (8, С. 148.)

Здесь мы видим с помощью слов "воплощённые в плоть" "Страницы произведения, и в этой плоти чувствуем бытие самого поэта, он так видит мир: двухлетний клён предстаёт в виде "каракуль", эти каракули (то есть ветви, кроху клёна) отождествляет с "богом- дитяти". Мы видим неповторимый мир поэта, он его сотворил впервые из небытия, придал ему плоть с помощью слов-звучков. В этой плоти мы видим авторское бытие. Облакаясь с этим творением, мы угадываем чуткую душу поэта, а клён оживает, превращается в "бога-дитяти", он вздрагивает от "Дуновения". Мы, читатели, ощущаем дуновение ветерка, видим "вздрагивание" клёна, поэт приобщает нас к миру с помощью своего созданного впервые мира.

Устанавливается диалог между нами и произведением, в этом диалоге не происходит утрата оригинальности, своеобразия, наоборот, с помощью этого диалога (по Бахтину) мы глубже познаём мир. Мы входим с помощью диалога в мир другой человеческой вселенной (2, 38) Эта "вселенная" нам открывается с помощью своей мысли, запечатленной в образе клёна двухлетнего, ибо "мысль- это всегда открытие, в ней ключ прежде всего к самому человеческому бытию" (50, С. 88).

Прочтём ещё одно произведение где попытаемся увидеть, как Айги изобретает мир впервые:

И : место рябине

Лес-весь в пятнах крови-храм опустошённый.

/Как без птиц: без душ. Без-словье и без-звучие./

И-у входа: гвса-подобием:

Параскева: Пятница-рябина.

1977 /1, С. 174/

Лес уподобляется автором храму. У Айги лес- это то место, где очищается душа, поэтому он здесь и назван "храмом", ибо в храме судее впитывает в

себя свет, само начинает излучать его. Айги уловил то мгновение осеннего леса, когда он опустошается, но ещё не опустошился, есть ещё в нём "Параскева - Пятница - рябина", от неё исходит свет.

Но нам кажется, что здесь речь идёт не столько о лесе, а о чём-то большем. О чём? Нам кажется, что автор имеет в виду наше время, когда родина уподобилась храму опустошённому. Воцарилось "без-словье". Но поэт верит в возрождение храма-родины, произведение завершается на оптимистической ноте:

И- у входа: вся- подобием:

Параскева- Пятница- рябина.

Философский разум Айги верит в творческий потенциал народа. Заканчивая эту главу, процитируем высказанное Казимиром Малевичем в 1913 году:

"Разум - первое образование лика человека.

Интуиция - смутное образование второго лика нового образования будущего человека, но предопределяется в глубине времени начало третьего, которое завершит собой целое звено мирового строения, от него ничего не скроется, и многомиллионные страны мира будут читаться сразу, ни одна деталь не ускользнёт из будущего черепа сверхмудрости.

Но то, что сейчас в тайне, будет яснее солнца."^I

Не претендуя на конечную истину, мы позволим, что, может быть, Айги являет собой начало лика третьего, что когда-нибудь тайна его творений "будет яснее солнца".

I. Цит. по кн. : Биржков С. Зевгма. - М.: Наука, 1994. - С.242.

ТВОРЧЕСТВО Г. АЛГИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И
ВОСПРИЯТИЕ ЕГО ЧИТАТЕЛЯМИ.

Экзистенциализм (философия существования) — иррационалистическое направление, возникшее в XX веке, — попытка создания нового мировоззрения, отвечающего взглядам человека сегодняшнего дня. Идейные истоки экзистенциализма — философия жизни, феноменология Гуссерля, религиозно-мистическое учение Кьеркегора.

Экзистенциализм возник как мировоззрение пессимистическое, ставившее перед собой вопрос: как жить человеку перед лицом исторических катастроф?

“Экзистенциализм — это реакция на рационализм эпохи Просвещения” (Ю7, С. 531).

По мнению экзистенциалистов, основная черта рационального мышления состоит в том, что оно исходит из принципа противоположности субъекта и объекта. В результате этого вся действительность, в том числе и человек, предстаёт перед рационалистом только как объект научного исследования и практического манипулирования, в силу чего такой подход носит безликий характер.

Экзистенциализм должен выступить как противоположность объективной научной мысли. Экзистенциализм таким образом противопоставляет философию и науку.

Предметом философии, говорит Хайдеггер, должно стать бытие, в то время как предмет науки — “сущее”. По экзистенциализму, бытие постигается не опосредственно (через рассудочное мышление), а лишь непосредственно, открываясь человеку через его бытие, через личное существование, т.е. через экзистенцию. В экзистенции заключена нерасчленённая целостность субъекта и объекта, недоступная ни рассудочно-научному, ни спекулятивному мышлению. В обречённой жизни че-

человек не всегда осознаёт себя как экзистенцию, для этого необходимо, чтобы он оказался в пограничной ситуации. Обретая себя как экзистенцию, человек впервые обретает и свою свободу. Согласно экзистенции, свобода состоит в том, чтобы человек не выступал как вещь, формирующаяся под влиянием естественной или социальной необходимости, а "выбирал" самого себя, формировал себя каждым своим действием и поступком.

Тем самым человек несёт ответственность за все, совершенное им, не оправдывает себя обстоятельствами. "Чувство вины за всё совершающееся вокруг него - это чувство свободного человека" (Бердяев).

В экзистенции концепция свободы выражает протест против конформизма и приспособленчества, характерного для обывателя, который чувствует себя винтиком большой бюрократической машины, неспособной что-либо изменить в ходе событий.)

Отсюда постоянное подчёркивание человеческой ответственности за всё, что происходит в истории. Но понятие свободы остаётся субъективистским: оно трактуется в чисто этическом плане, а не социальном.

Отвергая рациональное познание, экзистенция выдвигает метод непосредственного постижения реальности. Экзистенциалисты считают, что философия по методу познания стоит ближе к искусству, чем к науке.

Айги непосредственно познаёт реальность, его духовные ориентиры - правда, вера, терпение, убеждённость "быть светлым" - хотя бы от боли. Айги стал приверженцем философии экзистенциализма "не только в силу своего жизненного опыта, но и под влиянием своих книжных "штудий" (58, С. 202-206). К философии экзистенциализма Айги обратился ещё и потому, что "это одно из самых влиятельных философских течений XX века" (58, С. 202-206).

У Айги экзистенциальное постижение "существенного", отсюда чувство тревоги, напряжённое ожидание необратимо надвигающегося зла. Но больше света.

Экзистенция (лат. *existentia* - существование) - одно из основных понятий экзистенциализма, означающее способ бытия человеческой личности. Впервые в этом значении термин /экзистенциализм/ употребляется Кьеркегором. Согласно экзистенциалистам, экзистенция представляет собой то центральное ядро человеческого "Я", благодаря которому это последнее выступает не просто как отдельный эмпирический индивид и не как "мыслящий разум", т.е. нечто всеобщее, а именно как конкретная неповторимая личность.

Экзистенция - это не сущность человека, ибо последняя означает, согласно термину экзистенциалистов (Сартр), нечто определённое, данное, а "открытая возможность". Одно из важнейших определений экзистенции - её необъективность.

Учение об экзистенции направлено как против рационалистического понимания человека, усматривающего сущность последнего в разуме, так и против марксистского понимания этой сущности как совокупности общественных отношений. Через понятие экзистенции Хайдеггер, Ясперс, Марсель выходят к понятию бытия, которое, по их мнению, было предано забвению как в немецком идеализме, так и в материализме.

Айги же показывает нам бытие. Это бытие наполнено трагическим. Содержание его стихов - переживания, грусть, тоска, боль, страдания - экзистенциальное постижение мира:

Когда нас никто не любит
начинаем любить матерей
Когда нас никто не пишет
вспоминаем старых друзей
И слова произносим уже лишь потому
что молчание нам страшно

а движения опасны

В конце же - в случайных запущенных парках

плачем от жалких труб

жалких оркестров

("Путь")

Айги пишет: "Нас никто не любит", "никто не пишет", "молчание нам страшно", "а движения опасны" - за всем этим чувствуется смятенное чувство, тоска, боль, страдания. Поэт прошёл через страдание, чтоб обрести счастье.

Расходясь с традицией рационалистической философии науки, трактующей опосредование как основной принцип мышления, экзистенциализм стремится постигать бытие как некую непосредственную нерасчленённую цельность субъекта и объекта. „Бытие толкуется как данное непосредственное, как человеческое существование или экзистенция (которая, согласно Э., непознаваема ни научными, ни даже философскими средствами)“ (ЭИ, С. 590).

Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживаемое, экзистенция понимает его как переживание субъектом своего "бытия- в мире".

Отвергая научную философию, экзистенциализм выдвигает на первый план проблему человека, рассматривая его не как природное и социальное существо, а как духовную экзистенциальную возможность существования, реализующуюся в акте свободного выбора.

В философии экзистенциализма точка зрения с мироздания перемещается на субъект. Здесь нет стремления к последовательному доказательству определённого тезиса, к выстраиванию непротиворечивого учения. Здесь мы видим попытку самовыражения с помощью образно-художественных средств, желание передать внутренний личный опыт, настроение, непосредственное эмоциональное переживание.

В этом русле творит и поэт Айги. Любое его стихотворение-

это попытка к самовыражению с помощью образно-художественных средств, желание передать личный опыт. Прочтём его стихотворение "Думанья в вечернем малиннике":

Веянье счастья
когда из малинника
голову кружит!..
догадка:
что это было- блаженство?
дом?
(на поверку: в семье это было
и в детстве- когда скружались
родными)-
родиной было
(и только включая
забывшийся дом!..-
далее- друг- разгушенье (и "жизнь" называя
нам продолжали
и мы)-
а- оставалось (и голову кружит
счастье- как- дальняя память)!..-
так- в предзакаѣном малиннике
ягоды леса
искали (ударами мирными
в памяти многого зренья):
что возвращает- толчком- излучением
дом и страну? и семью (с озарением
сонма- любивших родством)?
что- наконец- из письма- из малинника- леса и поля
из дома- как- камня
может до- веять- блаженством?-
(о эта свежесть: коснулись

уже самого! Озарением - твёрдость

твёрде

возможно

понятия - мира) -

это - которая любит как дом (родником - озарения -
детства) -

и продолжает: родней и страной

и ещё нескончаемой

нашей судьбой...

весьма калинником знаю

где излученья начало: мне видится ваяньем

детское - женское - где - то - лицо:

просто - сказал бы/веду к простоте заключенья /

где радугась счастье

за счастье что есть

1982

чудо - всегда это просто / а тайна - что просто - а чудо...

Какой же опыт передаёт здесь поэт? О чём он говорит нам? Какое настроение передаёт? Поэт передаёт опыт (философы - экзистенциалисты пишут о себе, ибо всё относят к себе, понимают бытие через своё отношение). Погружаясь в строки этого творения, читатель рассуждает: "Айги рассказывает о себе, он счастлив, у него кружится голова. Отчего? От блаженства? От чего блаженство? От дома, от семьи, от детства: в семье это было

и в детстве - когда окружались

родными

Какой же опыт? Счастливого детства. Он пережил блаженство общения с родными, отчим домом. И свой внутренний (глубоко внутренний) личной (глубоко личный) опыт он передаёт нам, он говорит, что блаженство и счастье, как и его, посетят и нас, если рядом будут родные, семья, дом,

малинник у дома. Мы не только видим, мы ощущаем его настроение, оно передается нам, нам хочется быть тоже счастливыми, нам тоже хочется испытать блаженство.

Но вот появляется тревога, и эту тревогу ощущаем мы, нам становится холодно от слова:

далее - друг - разрушение / и жизнь называя нам продолжали
и мы/ -

Экзистенциальная философия по большей части имеет исповедальный характер. У Айги тоже исповедь. Он исповедуется перед нами, говорит о разрушении счастья, "жизнь" продолжалась, но она не была бытием, ибо "мир объективации" хотел лишить субъекта свободного бытия, хотел подчинить своим законам, сделать одним из "винтиков" истории.

Каждая человеческая личность, согласно философии экзистенциализма, есть нечто уникальное, единственное, неповторимое.

Айги также считает человеческую личность уникальным, единственным, неповторимым явлением.

И эту личность хотели (по Айги) подчинить определенным постулатам: и "жизнь называя
нам продолжали...

"Поэт строчку обрывает (... нам продолжали...), но мы-то читаем дальше, т.е. домысливаем:

нам продолжали - повторять;
- объяснять;
- говорить;
- провозглашать

определенные логики, которые испепеляли жизнь, поэтому слово жизнь у Айги взято в "кавычки", значит, та "жизнь" - "жизнь" несвободная, не была жизнью, она была разрушением жизни". (Светлана П. СЛ № 16. 1994 г.) .

Философам-экзистенциалистам относится и Н. Бердяев, у него мир объективации имеет следующие признаки: 1) отчужденность объекта от субъекта; 2) поглощенность неповторимо-индивидуального, личного, обдим, безлично-универсальным; 3) господство необходимости, детерминизма извне, погашение свободы; 4) приспособление к массовности мира и истории, к среднему человеку, социализация человека и его мнения, уничтожающая оригинальность. После ознакомления с тезисом Бердяева и стихотворением Айги читатели рассуждали:

"Можно согласиться с этими аргументами, можно спорить, но мне кажется, что Айги против поглощения неповторимо-индивидуального /личного/ обдим, безлично-универсальным. У него личность неповторима, уникальна, эта личность (в данном стихотворении) - сам Айги, и толчки излученья" возвращают ему дом, страну, семью. Для Айги ягоды малины в "презакатном" малинике - это "толчки-излученья". Что они излучают? Свет? Счастье! Блаженство! Любовь! Это письмена лесов, водей, дома-каменя...

Дом - как - камень...

Основательный дом вспоминает поэт из Чувашии, этот дом построен не на песке, его не смоят весенние воды, потоки дождей, он из камня, значит, он вечен, что исходит из этого дома-как-камень? Любовь! Айги передает нам еще раз свое внутреннее настроение, настроение удивления, покоя, счастья. Мы видим его в детстве, представляем, как ласкали его ладони отца и матери, как их тепло перелавалось ему, как оно росло, крепло, помогло выстроить с голыми свой дом-на-камне. Так учили родители, такой подали урок. А нам какой урок внутреннего опыта передает поэт? Наверное, тоже советует строить свой дом-на-камне, основательно, чисто; по-чувашки, по-русски, щедро, мудро, с любовью, чтоб потом/при одном упоминанье о доме/тебя обволакивали блаженство, счастье. Но так ли оно сегодня? Значит, это стихотворение-предупреждение. О чем? Он выстрадал свое блаженство, сохранил свежесть лет-

ства, несмотря ни на какие преграды ("жизнь" называя, нам проползали"...). Поэт предупреждает нас, чтоб такие времена не повторялись, чтоб жизнь сохранялась, чтоб дома строились на камне, чтоб от него-дсна-шло озарение, чтоб "твердость" дома была "озарением". Это все выстрадано поэтом, протрущено через струны души, сердца; поэт пишет о себе / так пишут философы-экзистенциалисты, но говорит нам, живущим, чтобы мы смогли сохранить свою неповторимость, нестандартность, индивидуальность, чтоб сохраним свой дом, свое детство, оберегли мир и себя в этом мире" (Мария В., СЛ № 16, 1936 г.). Это вполне серьезное рассуждение, здесь читатель продемонстрировал нам свою зрелость, умение вступать с творениями Айги в диалог.

Понятие личности, например, отличается у Бердяева от понятия эмпирического человеческого существа, которое составляет, с одной стороны, часть природы, с другой - элемент социального целого. Эмпирически существующий человек, взятый с природной своей стороны, наделенный определенной телесно-душевной организацией, есть, по Бердяеву, не личность, а индивидуум. В качестве последнего он имеет и свои социально-культурные особенности, отличающие его от других индивидов. Индивидуум, таким образом, детерминируется / как обществом, так и природой / и составляет, по Бердяеву, частицу универсума, значит, он является предметом изучения социальных наук - биологии, психологии, социологии, что же касается личности, то она, согласно Бердяеву, есть реальность духовная, ее нельзя превращать в объект научного исследования. Этот тезис роднит Бердяева с Кьеркегором, Ясперсом, Хайдеггером, Сартром. Главной характеристикой личности является его свобода; личность, по Бердяеву, не просто обладает свободой, она и есть сама свобода.

"С этим тезисом можно согласиться, можно - не согласиться... Но нам кажется, что для Айги личность тоже есть сама свобода. И у ней, этой личности, есть свой родник - это детство. Родник дарит

озарение, свежесть, излучение.

... Знаю

где излученье начало: мне видится веяньем детское - женское -
где-то лицо. Лицо детское, лицо женское - лицо ребенка и матери.
Два лица, излучающие свет, основу мироознания.

Бот с чем его опыт еще - о Любви Матери, о чуде любви: просто -
сказал бы (веду к простоте заклещенья) что радуюсь счастью.

За счастье что есть! -

чуло - всегда это просто (а таина - что просто - а чуло...)

Это стихотворение и проповедь - проповедь любви, и исповедь - испо-
ведь седна (экзистенциальная философия по большей части имеет, как
уже говорили, исповедальный характер). Айги исповедуется перед на-
ми и проповедует любовь и свободу" (Катерина В. СЛ № 16, 1996 г.).
Катерина В. поняла философскую основу данного произведения. Другим
произведением, где Айги говорит о том, что "мир объективации" не
должен подавлять в человеке его индивидуальность, является стихот-
ворение "Тишина":

1. С тех пор как я помню что-либо знаю

по боли в глазах
где и какими ударами
Молчанье наде окрашивает
и упоминанья достаточно
здесь где шумят пробужденья.

2. а те с того самого времени

как начали видеть свет божий
стали впервые теперь различать
черное от белого
и пришли в восторг и торопятся уже сообщить
Вст - это белое, а это - черное.

3. Бьют

в зренья другие раскальвания

и в криках как будто годами
во мне утопанных
связей иду как прохилек
когда продвигаясь облеплен насмешками
словно репейником
где-то в овраге один
(о как это было
когда-то
одинокое и чисто
лишь я и поле
как мир)

1956

Читатель, анализируя данное произведение, пишет:

"Читая данное произведение, вижу идущего путника, он хилит, сторблен, взглял его устремлен в то пространство, которое со временем все же пришло к нему само. А пока он один"... Об одиночестве Айги передавали и по программе Чувашского телевидения Ю.01.94, передачу вел Сарри Мишли, он рассказал, как о Айги ему поведал Андерсен (Дания):

"Я встретил его в музее Маяковского. Лет 1961 г. Айги чувствовал себя неуверенно, ему, чувствовалось, было больно. Я взял его экземпляр в Данию, это было опасно, но я вывез, стал читать, было трудно, но что-то такое дух захватывало. Стал переводить, печатать на самиздате. Помогло немецкое издательство. Поль Бур сделал построженный перевод, уловил его музыку..."

Одиночество - крик...

О нем, этом крике, и пишет Айги в стихотворении "Тишина". Пока он один. Шаги его тихие, замеленны, идет путник по земле своей, а она пока его встречает репейником. Репейник не пускает дальше, задерживает, заволакивает его своими колочками, вот они - облепили

его всего, нет волос - одни колючки, нет рук - одни стрелы, они везле, впиваются, цепляются, хвратки, сбросишь одну стрелу, колючку, тут же другая найдется. Что это? Это насмешки! Поэт "Облеплен насмешками, словно репейником, но поэт не отступает, он идет, он, несмотря ни на что, ощущает чистоту мира (она все же есть в перспективе):

О как это было

когда-то

Одиноко и чисто

лишь я и поле

как мир.

Поле, как мир, да и поэт, как поле, как этот мир - чистота, он его принимает только таким, хотя ~~мира~~ и встречает репейником. Может, тогда в душе родилось и вот это произведение... Оно без названия:

Какой же Мошь надо быть

чтоб так безмолвствовать

как будто перед бурей

в столь скудном существе как я.

А вышло в строки лишь в 1978 году. Да, чтоб так безмолвствовать, надо обладать Мошью духа. Поэт называет себя существом "скудным", но в этом "скудном" существе есть мошь. Эта мошь почему-то напоминает мне Лукерью (из рассказа И.С.Тургенева "Живые моши").

"Лишь я и поле". Поле принимало и понимало Айги. Да, пройдешь-ся с болью в сердце по полю, ощутишь связь с мирозданием - поймешь, что ты не один, что тебя принимает вселенная, что тебя слушают небеса, все мироздание. Да, россияне отвергли когда-то Айги.

Ай-хи, суй-хи, в самом слове Ай-хи спрессована какая-то боль, не высказанная, но осознанная, лаящая, но от этой боли человек обретает Мошь. Сколько же силы надо для этого иметь?

Человеке!

И тебя слышали небеса, слышали и люди.

„Читал „Тихину“, замираю от боли, я чувствую эту боль, пусть она давняя, но она входит в меня, лезит, выкручивает, душит, ослепляет:

С тех пор как я помню что-либо

знаю

по боли в глазах

где и какими ударами

молчанье наше окрашивает...

Молчанье окрашивает ударами, удары ложатся на все:

на душу, на сердце, на лик, а си, лик, прорезан морщинами,
это поле. Видели ли вы лицо - Поле?

Лицо - поле?

Я видела - это лицо Айги. Таким оно было в дни торжества,
когда Чувашия встречала своего сына в день его 60-летия.

Поле - лицо. В 1994 году оно сияло всходами.

А тогда?

Весна творчества. Поле вспахано, но ничто еще не возшло,
не дали взойти, вытоптали тогда... Но семена брошены, и всходы
появятся, должны появиться, если семя приняла земля.

И семя - мысль возшло, дали всходы - мысль, всходы - раздумья,
всходы - сзаренья, всходы - крики:

Бьют

в зренья другие раскальвания

и в криках как будто голами

во мне утопанных

связей иду как прожилки...

Утопанный голами крик, он не просто крик-возглас, это спрес-
сованный крик " (Катерина В., шис-15).

Вот он, первый тезис Бердяева: отчуждение объекта от субъекта. Субъект (Айги) не нужен объекту (миру объективации).

Второй тезис его гласит: поглощенность индивидуально-неповторимого общим.

Да, "мир объективации" был готов поглотить неповторимую индивидуальность Айги. Был готов... Но сам творец не позволил это сделать. Личность, по Бердяеву, есть не субстанция, а творческий акт, она есть сопротивление, бунт, победа над тяжестью мира, торжество свободы над рабством.

И бунт - сопротивление произошел, Айги не дал разлечь себя "тяжестью мира". Утопанный голами крик спрессовался в крик-цемент, стал основанием здания-боли, но у здания-боли есть окна, а в них бьет свет - крыло, просится в дом, освещает стены-забвения, и что же видит свет?

Что перед его взором?

Творения! Но их почти не видно, слыны репейники, но свет видит все же через толщу репья чудо - роспись, которой нет цены. Имя этой росписи - Айги.

Мир = поле = Айги.

Боль = крик = мощь.

Что ни страница, то Вселенная. Он шел к нам через боль - одиночество, через крик - озарение, обретая мощь духа, становясь, как сказал Бердяев, личностью - творцом, свобода восторжествовала над рабством.

Знал:

... и соблазнились о нем.

Иисус же сказал им: не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем.

(Ев. от Матфея, 13, 57-58)

Не бывает пророка без чести,

не бывает, об этом знают все,

но в стечестве своем и доме своем бывает пророк и без чести. Не сказана была честь тогда и Айги в доме своем, но время вершит, оно судья, оно расставляет все по-своему, и всему свои всходы...

Пришло время и Айги.

Исходя из вышеизложенного, мы берем на себя смелость сделать следующий вывод:

А.Н. Бердяев и Г. Айги считают, что человек должен быть неповторимой личностью, что "мир объективации" не должен погашать в человеке его индивидуальность, что человек есть существо творящее, вступающее в диалог с другими". Вживаясь в другого, по Бахтину, человек ни на миг не теряет до конца "своего я". Айги вступает с нами в диалог, не теряя своего "я". "Вообще "я" перестает быть единственным, если теряет себя в другом" (30, С.90). Это и есть, по мнению Бахтина, обеднение. Общаясь с Айги, читатель также не теряет себя, а, наоборот, обогащает своё "я", ибо "продуктивность события не в слиянии всех воедино, но в напряжении своей внеобходимости и неслияемости, в использовании привилегии своего единственного места вне других людей" (13, С.71).

В концепции Бахтина диалог направлен не только на поиски истины, он носит всеобъемлющий, универсальный характер. "Диалог - это почти универсальное явление, пронизывающее почти всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение" (14, С.42). Айги пользуется этим "универсальным явлением", чтобы свою экзистенцию довести до читателя.

Произведения Айги - уникальны;

- самобытны;
- там глубина содержания (нет примитива, навязчивости, броскости);
- оригинальны;
- там индивидуальное стилистическое своеобразие (нет нарочитого документализма, стирание индивидуальности создателя).

Мы предлагаем читателю результаты нашего прочтения произведений Г. Айги, дающие, как нам представляется, возможность четче определить место поэта в современном мировом литературном процессе. Именно в современном, хотя речь пойдет о произведениях, опубликованных несколько десятилетий назад.

Философские основы художественного творчества - это не прямое выражение философских и нравственных взглядов автора, но отражения им жизни в свете того или иного философского учения. Творчество Г. Айги будем рассматривать в свете философии экзистенциализма.

Философ-экзистенциалист К. Ясперс коммуникацию считает центральным понятием миропонимания, а любая коммуникация начинается со слова. Слово для Айги весьма важно, оно насыщено энергией, мыслью, у него каждое слово выстраляно.

Айги знает цену слова, он сознает то наследство, что скрыто в слове, он испытал на себе тот ид, исходящий порою от слова, Айги так строит свои произведения, что порою одно слово включает в себя целый мир:

Мир - чистота

Что мы видим в этих двух словах? Мы видим мир, и этот мир уже сциссился от скверны, от яда слов и поступков, он превратился в мир чистых помыслов, поступков, дел, в этом мире чистота.

Прочтем его стихотворение.

О да: Родина :

была как лужайка страна

мир - как лужайка

там были березы - цветы

и сердце-луга

а как те березы - цветы ветром этого мира
слушались

и розы - снега

оказались как ангелов - нищенок полки

сельских безмолвных! - и с их Светом - Жалостью
вместе

светили

(здесь - место молчанью

такому же долговому

как их бесконечная жизнь)

мы назывались - Сияния этого многие

каждый скрепляя

свеченье живое

вторично в страданиях

(та же
и здесь

тишина)

И слушали - были; что чистота скажет словом единым?
не прерываясь

лучилось:

мир - чистота (I, С.154).

Философы-экзистенциалисты передают внутренний личный опыт, настроение, непосредственное эмоциональное переживание. Что передает Айги в вышеуказанном произведении? Он передает эмоциональное переживание - боль, эту боль увидели и читатели.

Наля К. рассуждает: "Березы - цветы ветром этого мира слушались". Поэту больно: была "лужайка - страна", но все исчезло,

только розы - снега окружают "ангелов-нищенок" вздох. Поэт слышит вздох-боль, сердце поэта стонет, плачет, ибо он сердцем своим чувствует раны страны, там не разбавятся песни, там слышны вздохи по утраченному. А что утрачено? "Чистота! Ушла деревня - "лукайка", ушла "лукайка" - страна, там сердце было - дитя, т.е. люди были чисты помыслами, они были, как дети, непорочны.

Сиянье это ушло, видно лишь живое свечение "страдания" вторичного, осталась, тизина" - ушли выселки, деревушки, ушла заветная страна, но автор надеется на то, что мир - чистоту" люди все же берегут, ибо, "не прерываясь, лучилось":

мир - чистота

Об этом слушали слухом единым, переплавали из поколения в поколение, и автор поэту, пропуская через свое сердце боль Родины, верит в то, что скверна уйдет, а свет и чистота останутся.

Согласно И.А.Бердяеву, "каждая личность уникальна" (22, С.7). Селения создавались человеком, значит, они тоже уникальны, и эту уникальную чистоту России, Чувства надо сберечь, ибо это-Родина".

Стихи Айги написаны так, что "вещественное становится духовным, телесное - душевным, физиологическое и социальное - индикатором этики и эстетики" (25, С.172).

Каковы же основные экзистенциальные темы? Это темы детства, воспоминания, любви, смерти, ненависти, греха, вины, справедливости, боли, счастья... У Айги все эти темы присутствуют и изящно подаются читателю. "На изящное искусство, - писал Кант, - надо смотреть как на природу, хотя и сознавать, что оно искусство" (61, С.322).

В чем же поэт видит свое счастье? Оно состоит, по Айги, не в изобилии, не в богатстве и даже не в здоровье, а в гармонии души. Для счастья, по Айги, надо немного. В доказательство прочтем

его стихотворение "Немного":

Счастья - "Немного"
блаженства - "Немного";
О шепот; как ветер - от солнца:
Хлеба - немного.. и света дневного...-
И - малого шума людского
как пища - для смерти гововой... -
Чтоб мирно ее мы встречали
как будто мы все и всегда у любого порога -
в страданиях братском... -
О наша свобода!.. - свечение душевное:
простое:
"Немного".

1975 г.

Геннадий Айги - это имя чувашского поэта, выстрадавшего свое счастье. Г. Айги пишет, что он "в боли и с болью" (6, С. 27), этим самым он как бы говорит о том, что "страдание есть основной факт человеческого существования" (22, С. 239). Еще до нашей эры люди говорили: "Я страдал, значит, я существую". В мире изменилось многое, но страдание осталось. И тот, кто научился, страдая, считаться, тот вправе сказать о себе: Я в свете Радости... (Г. Айги. Читая Норвида). Но "радость" эта пришла к поэту через страдания:

...и в криках как будто говами
во мне утопанных...

Он пропал через "утопанные крики", через насмешки:

...когда правдываясь облеплен насмешками
словно репейником.

(Тихина)

Но страдание пробудило его дух, вело его, оформляло, пылало, облагораживало:

И - все же... Великое начиналось -
сразу за дверью во двор: Выгой - до - Неба,
Солнцем - входящим - в мир - Всем - Миром

(„Поэзия - как - молчание“)

Несмотря на "насмешки", "утопанный крик" - страдания, поэт видит Великое - он видит Солнце и Мир, радуется им, он обретает счастье, несмотря на причиняемую ему боль, ибо Солнце и Мир стнать у человека невозможно. Духовная дифференциация, отбор лучшего и всяческое совершенствование были бы невозможны на земле без страдания. Из него рождается вдохновение. В нем закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера. Без страдания нет ни истинной любви, ни истинного счастья" (60, С. 163). Не об этом ли строки Г. Айги:

... на беду: не "голосить", слишком,
лучше - затопить печь, накормить детей.

(Г. Айги. Поэзия - как молчание)

Реакция на беду у Г. Айги крестьянская: работой заглушать страдания, боль, превращая себя в "поле".

И. А. Ильин в "Книге тихих созерцаний" в разделе "Поющее сердце" пишет: "Чем утонченнее человек, чем чувствительнее его сердце, чем отзывчивее его совесть, чем сильнее его творческое воображение, чем впечатлительнее его наблюдательность, чем глубже его дух, - тем более он обречен страданию, тем чаще его будут посещать в жизни боль, грусть и горечь... лучшие люди страдают больше всех" (60, С. 167).

Г. Айги - поэт и человек-страдает, он готов страдать за все, происходящее на Земле. Его поэзия основана на боли. Но до него в нашей чувашской литературе это было у М. Сеспеля. Поэзия М. Сеспеля и боль - это одно и то же. Поэзия Г. Айги и боль - это тоже одно и то же. Они пишут кровью сердца, "в этом состоит смысл обнаженно:-

экзистенциальной поэзии" (II9, С.6) чувашских гениев. И когда под влиянием страшной силы М.Сеспеля „бросаешь взгляд на современную чувашскую поэзию, то невольно убеждаешься, что огромная взрывчатая сила философии, боли народа, возрожденная великим М.Сеспелем, в сущности не разорвалась" (II9, С.6). "Эту "взрывную силу" продолжает Геннадий Айги - поэт - авангардист, выстрадавший свой путь, теперь (в 90-е годы) обретающий призвание и у себя на Родине. И.А.Ильин пишет, что надо учиться страдать „постоянно и одухотворенно" (60, С.166). Г.Айги в этом не откажешь, вероятно, о себе поэт сказал следующие слова:

какой же Мощью надо быть
чтоб так безмолвствовать как будто перед бурей
в столь скудном существе как я

(Без названия. Теперь всегда снега.
М., 1992.-С.172.)

И.А.Ильин пишет, что "для победы над своей немощью нужна некоторая высшая мощь" (60, С.164). Г.Айги обрел, страдая, "высшую мощь". Он не бежал от страдания, а принял его как свою судьбу, как путь к счастью. Он не боялся страданий, он выходил победителем в этом состязании, ибо погружался в творческое напряжение, пропускал его "через себя самого" (Аристотель). "Ибо страдание есть не только плата за исцеление, но призыв к преобразению жизни, к просветлению души, оно есть путь, ведущий к совершенствованию, лестница духовного очищения" (60, С.169). Чтоб доказать эту мысль И.А.Ильина, приведем суждения учащихся средней школы № 16 г. Новочебоксарска, где проводился эксперимент по изучению творчества Г.Айги.

а) "Читаю стихи Г.Айги и учусь жить, учусь страдать, чтобы очиститься от скверны. Я порою устаю от жизни, ибо она норовит засосать меня в свою пучину, но теперь мне не страшно, ибо есть тот Учитель, у которого я учусь дышать. Имя этого учителя - Г.Ай-

ги. Он прошел тяжелый путь к счастью, на этом пути были ухабы - страдания, враги - боли, но было и поле, дарующее свет. Он пел! И боль уходила. Он шел к страданию, и в нем раскрывались запасы жизненной силы. Он не боялся своего страдания, у него не было страха, он пел.

Когда мне тяжело и невыносимо больно от этой жизни, я пов, как Г.Айги, пов ..это мне помогает. Это может помочь каждому, надо только выбрать свою песню. Песня же состоит из слов и мелодии. У Г.Айги свои слова, своя мелодия, они помогли ему обрести счастье. Пов и я, вот моя песня:

Море любви и ни капли разлуки
Даришь ты мне в ночной тишине,
Грешь в ладонях своих мою душу,
Шепчешь тихонько слова о любви.
Море любви и три капли разлуки . . .
Смоет волна все бывшие следы,
Унесет в море все мои муки,
Муки и слова о любви.
Море любви и все из разлуки,
Синяя глаль поглощает меня.
Там страдания, муки,
та мощь, что рождает меня.

Море - это поэзия Г.Айги. А вы пробовали в тяжелые дни разговаривать с Морем? Попробуйте - это чудесно! Оно, как живой человек, слушает тебя, разговаривает с тобой, зовет к чему-то: к высшему началу! Вечер, закат, мое море, солнечная дорожка, соединяющая с : солнцем, и : в-в-в."

(Смирнов Антон. II кл. 1996)

Нами исследовались отношения учащихся к творчеству Г.Айги. Например, ученик II класса Антон понял суть поэзии Г.Айги - понял, что, страдая, можно обрести счастье, если будешь "Мощью". Гегаль

однажды сказал, что все великое на земле создано страстью. Ещё большее, все глубочайшее надо сказать о страдании: мы обязаны ему всем — и творчески великим, и творчески малым. Ибо если бы человек не страдал, то не пробудился бы к творческому созерцанию, к молитве и духовному оформлению. Страдание есть как бы соль жизни. Нельзя, чтоб соль утрачивала силу. И более того: страдание есть стра-маящая сила жизни; главный источник человеческого творчества, тонкий и зоркий учитель меры, верный страж и мудрый советник, строгий призыв к облагораживанию и совершенствованию, ангел-хранитель, ограждающий человека от пошлости и от снижения. Там, где этот ангел начинает говорить, водворяется благоговейная тишина, люди опомнились и обратились; он говорит об отпадении от дисгармонии, об испелении, просветлении и о доступном нам блаженстве" (60, С. 168).

Учащийся Смирнов Антон, болеющий от сиверны жизни, исцеляется поэзией Г. Айги, ибо вместе с ним страдает (его страдания пропускает через себя), к нему приходит "просветление", он уже сам творит, испытывая блаженство (ш-ш-ш-ш). Если так поэзия Г. Айги действует на человека, она чего-то стоит.

б) Другая ученица, Евгения Н., рассуждает так: "Г. Айги в стихотворении "Немного" пишет:

Счастья- "Немного"
блаженства- "Немного"
Хлеба- "Немного"...и света дневного...-
и- малого шума людского
как пищи- для смерти готовой...-

Что нужно человеку для счастья? "Немного", — сказал Г. Айги. Он вы-страдал своё счастье, он имеет право сказать это слово. Я с ним согласна. Мне также для счастья нужно немного: Свобода, Любовь- страдание и Надежда. Но может, это много? есть люди, которые считают, что если есть деньги, положение в обществе, то это счастье. Но счастье

ли это? Настоящее счастье, я считаю, как у Г.Айги, надо выстрадать, чтоб и в малом потом обрести Великое - Большое Счастье. Надо научиться страдать, мне кажется, что вся поэзия Г.Айги говорит об этом. Значит, не нужно бояться страдать. Г.Айги страдал всю жизнь. Эти страдания возвышали его. Чем больше страдаешь, тем больше тебе дороги минуты, даже секунды счастья. Г.Айги понял, что такое прочное человеческое счастье. И я тоже хочу понять. Очень хочу! Мне кажется, что Г.Айги понял и смысл жизни. Передо мной все чаще стоит этот вопрос. Зачем я? Что я должна сделать в жизни? Значит, надо принимать ниспосланные тебе страдания, закаляться в них, очищаться, надо уметь, значит, прислушиваться к тому таинственно-му процессу, что очищает душу, значит, надо принять страдание, как его принимали Айги, М.Сеспель, как духовно осмысленное явление. И этому меня научил Г.Айги. Я поняла, что страдание пробуждает дух человека, облагораживает, что совершенствование себя возможно только в страдании, ибо без страдания, я это уже поняла, нет ни испытанного счастья, ни настоящей любви. Я жду своей тишины, Г.Айги свор нашел: тишину - свет".

(Небойкова Евгения. II кл. 1996)

Небойкова Евгения также поняла и приняла путь Г.Айги к счастью: путь через страдание, готовность к нему; она поняла, что только пройдя через страдание, человек очистится, к нему придёт катарсис.

в) Небезынтересно рассуждение и Алеши С., который отмечает: "Должен ли страдать человек? И где совершенство? Человек должен страдать, ибо все живое страдает, ибо нет бытия без страдания. Горе, словно спутник, преследует человека, но по кругу жизни, кроме страдания, плывут счастье и радость.

Только страдая, человек обречает счастье на круге жизни, круг - явление бесконечное...

Можно ли достичь совершенства?

страдание

счастье

Совершенство - это бесконечная линия, человек никогда не достигнет конца, потому что его Нет! Но есть путь, и на этом пути мне встретился Г. Айги - "живая мощь"! А путь бесконечен. Кто встретит -ся человеку в ХХХ веке? Пусть и Г. Айги, обретший счастье через страдание".

(Степанов Алеша. II кл. 1996)

Степанову Алексею, ученику одиннадцатого класса, Г. Айги также понятен, он желает, чтоб его творчество дожило до далекого ХХХ века и встретилось на очередном круге жизни Человеку Земли.

Сердце только тогда может петь, если оно, пройдя через все испытания, не сломится, не спотыкнется, как это случилось у Г. Айги. Его боль, страдания - это "гармония другого порядка, она не разрушает человека, а, наоборот, очищает", чему является доказательством откровения - исповеди учащихся одиннадцатого класса (экспериментального) и исповеди отдельных учителей данной школы.

г) Так, учитель ИЗО, Иванова Г.А., познакомилась с творчеством Г. Айги в 1992 году, мы вместе с ней провели несколько интегрированных уроков, посвященных Г. Айги. Она и сама написала две картины по творчеству Г. Айги:

1) "Час Мира" (после прочтения стихотворения "Поле: куст верба");

И в Сияньи Золотого Часа Мира:

Куст - Один:

в том Часе золотящийся:

(ведает иль нет?)

само сиянье - веденье):

куст - как - час:

(из края Поля - вширь)]

1975

(8, с. 134.)

„На картине мы видим край поля – это край Земли, там, у самого края растет верба, а рядом с ней – Часы Мира, песчинки отсчитывают время Вечности. И Часы Мира и Куст вербы в снегу, снег – символ холода и вестника Вселенной. Куст золотится, ибо настал "Золотой час мира" для него, пусть он один, пусть не ведают про него, но он ведаёт многое, потому и золотится. Куст-символ. Это сам Айги. Жизнь часто дарила ему холод – страдание, но он, зная, что песчинки отсчитывают Время, расправлял крылья своей души и творил:

само сиянье – веденье

куст – как – час

(из края Поля – вширь).

Смотришь на полотно и ощущаешь полет, видишь свет, льющийся из мироздания. Читаешь творение Г. Айги и также чувствуешь пронизывающий тебя свет, отходит кула-то боль, чувство тревоги, правда, остается, но это тревога – колокол, зовущая нас к очищению и покаянию, это колокольный звон, что дарует нам свет и возрождает наши души. Это молитва, обращенная к нам, Землянам, о том, чтоб мы сохранили себя в "составе Покрова природы", сберегли свой дух, обрели "душевное свеченье".

(Ермакова Г.А., учитель СШ № 16,
г. новочебоксарск . 1993)

Сама учительница ИЗО (Иванова Г.А.) свою исповедь назвала "Открытой книгой". Нами замечено, что произведения Г. Айги побуждают людей к откровению. Особо интересно то, что учитель (Иванова Г.А.) на стихи Г. Айги завела свою открытую книгу после того, как познакомилась с творчеством Г. Айги.

Прочтем ее: "Мне жаль, когда книга рвется, но жаль еще больше, если книга не раскрывается. Книга Г. Айги на моем столе вся в закладках, на ее страницах подписи мои и моих друзей. Открываю эту книгу (Теперь всегда снега. 1992) на странице 113, прочтем стихотворение "Ночь: вздрагивая":

А. М.

Ночь, внезапно,
вижу я, вздрагивая, - между лицом и
подушкой - лицо похороненного друга:
оно - как бумага оберточная (содержимое вынули):
черт н - как стиги не вынести этих следов исковерканных!
... - безжизненно горе само! - все - как будто из вещи,
все более мертвой... -
существование - как действие? - скомканья -
словно рассчитанного!.. -
"все" - как понятия? - как обертка!..
- чтобы куршать и коверкаться

В е с н а. Читаю и чувствую, что поняла, о ком написано, смотрю
вверх: под названием две буквы: А.М. Да, эти строки посвящены чу-
вашскому художнику Анатолию Миттову. Испытываю не только удивле-
ние, но и восторг. Я поняла, слалала открытие, открыла дверь в по-
эзию Г. Айги. Это Здорово!

Л е т о. Читаю полюб^ив^ьдающееся стихотворение еще раз, чувствую, как
комком полкатывает к горлу: перед глазами вся жизнь художника,
наполненная страданиями, зримо вижу образы. Смерть Миттова. Вижу
комнату, где он жил.

В моем представлении - это маленькое помещение, оно заполне-
но картинами, рисунками, они как бы втиснуты друг в друга. Самого
нет, он призрачно-пустой, ибо он не пустой, но его полноту видели
немногие. Тело его в последний раз свела сулорога боли, но страда-
ния души не закончились. Я вижу людей, они, крепко сжимая, уно-
сят его полотна, они, не признающие его, они, осуждающие его, они,
причиняющие ему страдания. А он, как и Г. Айги, творил, страдания -
это его путь восхождения (как в его картинах "Холмы": они идут
чередой: один холм сменяет другой, но вот обрывается, дорога ухо-
дит в овраг (овраг - символ боли, страдания), но вновь дорога илет
в чистое поле, а там опять холм...

Иванова Г.А. Присутствие ушедшего. Иллюстрация к произведению Г.Айги "Ночь вздрагивая". Б. Тушь. 1996 г.

О с е н ь. З и м а . У меня неприятности, у меня свои, пусть малые, но страдания: дети, деньги, плохое настроение, боль. Отарываю томик Г. Айги, читаю стихи, посвященные А. Миттову, и успокаиваюсь. Да, наша Жизнь временами - это "дуршанье и коварканье". Мы "есть", мы шуршим, но гораздо важнее то, что есть в нас, кроме обертки, то, что мы оставим после себя, что - то вечное, прекрасное, как картины А. Миттова, стихи Г. Айги. Мы, как тот куст вербы, не смотря на все страдания, должны найти свой час, свое свечение, и помогают мне в этом два моих ангела-хранителя: А. Миттов, Г. Айги, оба выстрадавших свое счастье".

(Иванова Г.А., учитель ИЗО, СЛ № 16,
г.Новочебоксарск)

Как бы обобщением рассуждений учащихся и учителей является высказывание Марковой Г.Ф., работающей завучем школы: "Прочитала стихотворение Г. Айги "Белая бабочка, перелетающая через сжатое поле," задумалась: почему стихотворение так названо, почему оно состоит всего из одной строки? Поле сжато, но там жизнь продолжается. Молодой вын обвил траву, ища полдержки, тяжелый колос (он как - то остался) спрятал свою голову среди жнивья. Поле скошено, но белая бабочка летит к нему, ее притягивает новая зарождающаяся жизнь. Так и в жизни человека... Если судьба больно ударит его, кажется, что все кончено, нет больше сил. Но жизнь продолжается, молодой вын нашел полдержку, силы нашлись, страдания преодолены, но лишь для нового преодоления, круг повторяется. И если это понять, жизнь обретает новую силу. Травы еще прорастут, ибо бабочка перелетает через сжатое поле".

Следовательно, мы вправе сделать следующий вывод: путь Генналия Айги в этом противоречивом, странном, но прекрасном мире - это путь терпения, веры, это путь страдания и обретения счастья:

Я силой был среди сил

Я знал то что знал

Я отдал бы себя как высший дар
свобода

бывает лишь свободной.

И человеку, прошедшему через терни, но не потерявшему себя, матерья становится уже сама Вселенная:

сидишь в качалке: о тоска невыразимая!

укачиваешь сам себя

себе выдумывая мать...-

теперь уже- саму Вселенную

(К одной из годовщины потерь)

Приобщаясь к такой поэзии, начинаешь читать себя, о чем свидетельствовали отклики учащихся, учителей. Выстраданное слово Г. Айги нам сегодня нужно, ибо оно учит нас постигать и себя, и этот неоднозначный мир.

"Где ты видел, - замечает Григорий Сковорода, - или читал, или слышал о счастливце таком, который бы не внутрь себя поселил своё сокровище? Нельзя вне себя сыскать истинное счастье (95, С. 146).

Обрести же гармонию души, т.е. счастье, считал философ, человек может занимаясь только тем, что "сообразно его природным наклонностям" (95, С. 118).

К чему ведут природные наклонности Геннадия Айги? Природные наклонности поэта ведут к творческому акту. Философы-экзистенциалисты основой человека считают творчество. Н.А. Бердяев в книге "О назначении человека" пишет: "Человек есть не только существо греховное и искушающее свой грех, не только существо разумное, не только существо эволюционирующее, не только существо больное от конфликта сознания с бессознательным, но человек есть прежде всего существо творящее" (22, С. 61).

Айги творит - в этом его назначение. Он определяет свою роль, роль поэта, в произведении "Да и поэт":

Да и поэт

чего не понимал
то Скучкой называли
и никогда не понимал
теперь бывает; пусты дни
как будто клет убийц и есть договоренность
и так откладывает
что скучно

и знает: то же самое у нас
не называется "трагическое"

Огромности тут нет чтобы сказать: "такое"
через явления или вещи (а вернее
упоминая куклы их - слова
как говорил Поэт другой) -
все перепутано (а впрочем равнозначно
по выстраданности):

и сына например здесь красные сапожки
пустые (жаль их)

и Солнца

поплинность Огромности

(о да

.....
но гимн - каркас воображаемый

оставь-и так ты знаешь)

и жаль немного: иногда

как будто пенье есть (когда; цветы)

и даже приготавливается

как за кулисами за пазухой - чтоб петься:

Поэт же (анекдот: "что - Пушкин

за вас заплатит?")
да: поэт же
(бывали - пишущие а будут - гибнущие
по - новому: без слов
и это - их Поэзия)
и выясняется
что может и повесть:
вся кукольный
и волки - куклы
(а волки - не - слова работают
и будет смерть - не - слово)
теперь и в Солнце - шорох есть
труда такого
(и в стене - тот шорох)
шурши и сам - не забывай: "... поэт..."
какой-то глагол -
о "долге что?"
а вот: струнов - порванной - строкой
успей пустое - в пустоту:
Сказать?... - повесть словно над пожарцем
ни для чего и ни к чему?... -
иль значится что "был" - безгласно выдохнув
остатком пустоты и мертвины -
что да: что есть Реальность Осиянная
(такая - для себя... - лиризм)
и нищенство - шедевр (такое есть
что можно постучать как по железу) (З, С.140)

Поэт обращается к коллегам с просьбой:

"Шурши и сам /- не забывай: "... поэт..."

"Поэт, - пишет Айги, - не должен забывать своего предназначения, он должен быть выше "воя кукольного". Но если в эти строчки

всмотреться, вслушаться. то можно уловить иронию, направленную на тех "поэтов", кои превратились в "золков". Они вот "кукольным всем," их поэзия "без слов":

Слово есть, но Поэзия нет: Но есть и другая поэзия:
(бывали - пишущие а будут - гибнущие
по-новому: без слов
и это их Поэзия)
и выясняется
что может и повесть
вой кукольный
и волки - куки . . .

Время каждому дает свой знак, Айги оно дало "Реальность Осиянную". У него свой стиль, свой почерк, свой лиризм, но в основе этого лиризма - творчество, а не "пустота и мертвизна", он не для того пришел в мир, чтобы "пустое говорить в пустоту, а есть и пустое говорение":

какой еще глагол -
о "долге" что?
а вот ~~страшно~~ - ~~правильной~~ строкой
успей пустое - в пустоту:
сказать?.. - повесть слово над пожарцем
ни для чего и ни к чему? -

Пожарце? Чего? Вероятно, нашего времени. Страшно! Но если слово ни для чего не звучит, ни к кому не обращено, зачем оно? Айги против такого слова. Его слово обращено в Мир, Миру нужна чистота, чистота деяний - творений. "Но человек есть существо творящее в том ~~случае~~ случае, если он есть существо свободное" (22, С.61), обладавшее творческой свободой. Творческая свобода не была дарована Айги изначально, ему приходилось свои творения издавать в самиздате тайно, его "гимны" складывались испросто, об этом поэт

поведал в стихотворении "Тишина", которое было нами уже проанализировано. Н. Бердяев "в вышеуказанной книге, в главе "Человек" пишет: "Еще греки поняли, что человек может начать философствовать с познания самого себя. Разгадка бытия для человека скрыта в человеке. В познании бытия человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира.

Человек есть существо недовольное самим собой и способное себя перерастать" (22, С.55). Айги перерос себя, ибо творил. Айги интересуется проблема человека, его бытия, его творчества, ибо человек зависит от природной среды, и вместе с тем гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало. Геннадий Айги, ведущий свой род (по матери) от паванского рода, вносит в бытие нечто совершенно новое, это новое помогает гуманизировать среду обитания самого человека. Доказательством этого являются произведения читателей экспериментального класса школы № 16 г. Новокузнецка.

Н. Бердяев говорит: "Человек есть существо трагическое." "В человеке есть трагический конфликт не только с миром, но и с самим собой. И трагизм этот есть не только противоборство добра и зла, но более глубокое противоборство ценностей" (22, С.36).

Айги это противоборство ценностей показывает в произведении

"Место: пивной бар":

ты пьяный - значит: спящий! -

в себе - как в материале сна:

в горячности своей: ты - спящий сном вторым:

(а их - мы знаем - три

последний будет - третий):

ты спящий сном - пока что: избранный! -

как он глубок! Он даже там - где место есть: без памяти! -

И - как он длится!

как слоист и темен! -

о этот ветер! - от мира укрывающий:

на время - как заброшенных детей. (3, С.50).

Анализируя данное стихотворение, Евгения Н. пишет: "У каждого человека свои ценности, Айги нам в данном стихотворении показывает людей, у которых произошел трагический наллом, исчезли ценностные ориентиры, правда, один "ориентир" остался - пивной бар. Человек избрал для себя "сон второй", избрал добровольно, ушел с помощью данного сна от мира. Айги говорит, что сон этот "глубок", "в этом сне есть место без памяти", сон "темен", "слоист". Сон этот он приравнивает к ветру, который человека укрывает от мира, от его подлинных ценностей, люди превращаются "при помощи" данного сна в "заброшенных детей". Трагичность мира они творением преодолеть не смогли, Айги смог, а они, спящие сном вторым", заброшены. Чья вина? Вероятно, такой вопрос хочет нам задать автор, желая разбудить в нас "дух творчества". »

Кьеркегор предлагает начать не с сомнения, а с безнадежности (22, С, 277). Айги сомневается, принимая бытие, но безнадежность Кьеркегора не принимает, хотя видит трагедию мира. Доказательством этого миропринимания служит стихотворение "Береза":
"центр" сверх - места":

видеть

(теперь)

это криком

выстраивать

вас! -

будьте - как Духа присутствия! - будьте свободой

Его безупречно страдающей

души сияющей

всех - не по-злешнему нищих! -
будьте - как лики Его
не для зрения - чистые:
светом - без силы; всеильным! -
там - где господствует Сталия Гнили
как "место" народа

1972' (8, С. III)

Належда К., анализируя данное стихотворение, говорит: "Господствует Сталия Гнили", т.е. трагедия присутствует в бытии, трагедия народа; можно было бы, как Кьеркегор, принять безнадежность, но поэт верит в свет, верит в воскрешение души, в преображение места народного, хотя душа кричит. Но есть на земле места, где присутствует Дух, где смягчатся человеческие сердца, место это - березы. А березы, как мы знаем, - символ России. Березы "чисты" ликом, они души смягчают всех - не по-злешнему нищих! Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что Россия, по Айги, "всеильна светом, хотя в Мире господствует сегодня "Сталия гнили", но эта "сталия" преходяща, как преходяще все на земле; свет всеилен, он вычистит гниения." Айги верит в преобразующую роль света, у него нет той безнадежности, что у Кьеркегора, Хайдеггер (другой философ-экзистенциалист) говорил, что в человеке нет прорыва в бесконечность, что мир есть мир заботы, страха, покинутости, что это страдальный мир (22, С. 277). У него нет довольства миром. Пессимизм Хайдеггера более последовательной и страдней, чем даже пессимизм Шопенгауэра.

Айги видит эти заботы, эту боль, эту покинутость, это гниение, но он, как Н. Бердяев, верит в свет мира, верит в бытие, в то творчество, что преобразит мир, хотя у Айги есть произведения, пронизанные трагизмом мира. Прочтем одно из них, посвященное Атнеру Хузангаю:

время - одно - лишь одно: говорить о простом

повторяясь пылающим кругом! -

и как будто восходит заря - расширя крестьянские
празднества .

и вытягивая - до садовых вершин

блекло - адуя память о платьях - давно отшуршавших:

свет - все алее - из далей забвенья! -

о зори - закаты - о годы - сиянья - сиянья - века! - как
знамена- и- знаменья:
Целсмудрия - Верности - Силы! -

а теперь уже - долго - далекого плача:

по народо - корням - человекам! - и ответно сияют
сыновье - и - отче - сиянья

во - Родине - будто на дереве - веши - на хлебе - мерцании

центра! - и в зареве - в заревах

почво-горения от рук:

снова - страда пониманья: восходят - плывут по - над плем

кони - движенья все ярче как раны -

вещь из соломы поет на весь мир - и повозка в луну
углубляется! вечностью

золото мозга пылает -

(где-то возвслится сруб

и общаются звонкостью звона

братски - понятные брезна - со смыслогорением

в гулких от счастья плечах) -

Золото мозга пьывает

Здесь - среди букв: как в волненьи дыханья -

отцовско - сыновьего: властью и трепетом свежим:

в мире - живого - меня! -

знаю - что даже продаться придут - словно с даром

последним - с вещами - строгать: с поролнением железом

священно - пркычаны для резанья грустно - роного -

сразу же - здесь - отснять заставляя

древодлежду мое - до братанья: с Землею.

"Плавающий круг" повторяется, время — это "плавающий круг". В отличие от физического времени — чистого количества, бесконечного ряда протекающих моментов, экзистенциальное время качественно, конечно и неповторимо, оно неразрывно с тем, что составляет существование экзистенции. Проследим качественность, конечность и неповторимость по вышеуказанному произведению.

Категорию "качественности" видим в следующих суждениях о времени:

о зори — закаты — о голы-сиянья — сиянья века! —

как знамена — и — знаменья

Целомудрия — Верности — Силы!

Время для Айги превращается в сиянье — "века", на знамени времени слова "целомудрия — верности — силы!" Время у поэта имеет не только чистое количество, но и качественную оценку, оно в то же время неповторимо в своих событиях: рождение, любовь, раскаяние. Какие же неповторимые события вспоминает автор? Днось, что хранит память об стуртавших платьях, "христианские празднества", "свет". Поэт чувствует конечность всего, поэтому по "целомудрии" слышится плач, плач слышится и "по нароло — корни — человекам! Но появляется очередной плавающий круг — новое время:

снова — страда пониманья: всходят плывут по-над полям

кони — дикенья все ярие как раны —

вещь из соломы поези на весь мир —

и повозка в дуну углубляется! вечность

Новое качество, новая "неповторимость". Экзистенциалисты подчеркивают феномен времени как определяющее значение будущего и рассматривают его в связи с такими экзистенциями, как "решимость", "проект", "наклея", отличая тем самым личностно-исторический характер времени и утверждая его связь с человеческой деятельностью, исканием, напряжением, ожиданием.

Во времени у Айги "золото мозга плазает" .

(где-то возводятся сруб

и обдаются звонкостью звона

братски - понятные бревна - со смыслобренением
в гулких от счастья плечах).

Человек оставляет в историческом времени свои слезы:

"сияние мозга" - то есть свое творение, которое выливается или в дом, или в "вещь из солиды", что поет на весь мир...

На время накладывалось лично-исторический отпечаток (они не безличное - космическое, а лично-конкретное).

Здесь, то есть на земле, "золото мозга" пылает и среди бука, во времени поэт оставляет свои творения, помня о конце:

сразу же - здесь - отснять заставляет

древоследу мое - до братанья: с Звонкой . . .

"Древоследу" поэт заставляет отснять, то есть оставить след: как возводятся сруб, где "Звонкостью звона" обдаются бревна, так создается творения поэта, со звонкостью звона общается со временем, оставляя в нем личный след.

Что мы видим в стихотворении "Круг"? Оно пронизано философией экзистенциализма. Поэт остро чувствует Время и свою роль в этом времени, он общается со временем при поиске своего творчества. Мы здесь видим и попытку самодиражения с помощью опрделенных образно-художественных средств, желание передать внутренний личный опыт, настроение, непосредственное эмоциональное переживание. Мир объективности грозит разрушить "экзистенциальную коммуникацию", поэтому творец ценит все в этом мире, он знает о его трудности, он страдает и любит одновременно. Для доказательства этого тезиса возьмем несколько произведений Г. Аяги.

Первое - "В декабрьской ночи":

в страхе

как будто в декабрьской ночи

самосвещаются вещи душе

и как говорим "тупики" и "леса" и "туинели"

оправдано я это немногое -

когда повторяю

что общность избравших друг друга

Совместность их идиотская -

как разрешенная по полному

но неотменима

что ежедневно обязан художник

знать о силе и времени смерти

и знать потому: что для правды

не хватит и всей его жизни

что можно быть светлым всегда -

о кате бы от боли! -

когда эта боль - сильно заданная

неотделима от веры

что - как говорится - теплится вещи души

в страхе - как в зимней ночи

весь полноту образуя

необходимого мне терпения.

(1957) (1, с. 12).

После прочтения данного произведения Катерина К. рассуждает:

"В этом произведении мы видим попытку самовыражения, поэт пишет о себе, все пропускает через себя, он рассказывает нам о своей боли: стихотворение написано в 1957 году, в декабрьскую ночь, поэт ощущает страх, в этом страхе самоосведомляется "вещи души". От чего страх? От общения, с чем? С друзьями? С Вечностью? С Правдой? Возможно, то и другое. Поэт осознает свою временность на этой земле:

что ежедневно обязан художник

знать о силе и времени смерти

и знать потому: что для правды

не хватает и всей его жизни.

Он ощущает конечность и неповторимость данного времени, поэтому спешит сообщить о себе, об опыте души своей, о правде, ибо знает, что каждая личность сама по себе уникальна, единственна, неповторима, поэтому она интересна.

Экзистенциальная философия имеет по большей своей части исповедальный характер, Айги исповедуется перед нами. Он знает о миссии художника: рассказать о себе правду, но, чтобы рассказать об этом, "не хватает и всей жизни".

Философ-экзистенциалист Н.А.Берляев в своих трудах также в большей части рассказывает о себе; его философия, как и поэзия Г.Айги, имеет исповедальный характер. Основным предметом интереса Берляева всегда оставался человек: как бы ни менялись политические симпатии, философские давления, какие бы влияния ни претерпевал он в ходе своего развития, центральной темой его мысли был человек, его свобода, его судьба, смысл и цель его существования. Так и у Айги, основным предметом его интереса становится также человек, окружающий его мир. По Берляеву и Айги, человек уникален, неповторим, духовен, он есть сама свобода. Личность, по Берляеву и Айги, есть творческий акт, она "светла", хотя бы "от боли":

что можно быть светлым всегда -

хотя бы от боли! -

когда эта боль - словно заданная

неотличима от веры (I, С.12).

Что внушает нам Айги? Прежде, чем ответить на данный вопрос, обратимся к литературоведению, к отдельным его терминам: "скрытая философская основа", "суггестивность". Говоря "скрытая философская основа", мы будем иметь в виду не собственное философствование Айги, а взгляды на мир и на место человека в нем, кото-

рые поэт, как нам кажется, заимствовал у тех или иных философских систем.

Что касается суггестивности, то, хотя термином этим пользовались в науке ещё в XIX веке (Александр Веселовский, например, в "Исторической поэтике" (37, С. 71- 72), однозначного толкования он не получил. "Современные литературоведы и критики подразумевают под словом суггестивность" - подтекст, порыв- второй и третий планы литературного произведения, а иногда - "второй диалог", а социопсихологи обозначают им внушение, подсказывание слушателю, читателю той или иной эмоции, настроения. Мы будем в дальнейшем пользоваться этим термином в том плане, как его толковали социопсихологи. Начало отечественному опыту выявления скрытых философских основ и суггестивности литературного произведения было положено философом и поэтом Владимиром Соловьёвым (1853- 1900г.г.), показавшим в своей статье "Буддийское настроение в поэзии" (1894г.) (98, С. 81- 86), что скрытым идейно- эстетическим содержанием поэмы Арсения Голенищева- Кутузова (1848- 1913г.г.) "Старые речи" (1879) является древнеиндийская философия, а суггестивным компонентом - внушение читателю настроения безысходности, безнадежности (применительно к российской действительности того времени).

С тех пор прошло более чем сто лет, а "подобного рода исследований прибавилось не слишком много и в отечественном и в мировом литературоведении" (46, С. 7). Профессор Тбилисского университета С. И. Данелия (1888- 1963г.г.) установил, что скрытой мировоззренческой основой грибоедовского "Горе от Ума" являлась философия Пресвещения (52). С той же целью он исследовал текст "Слова о полку Игореве". Если прежде выдвигались предположения, что автор "Слова..." был одновременно язычником и христианином, то Данелия доказал, что мировоззрение поэта было только христианским.

В 70-е годы исследователь творчества русских символистов Лавров в статье "Андрей Белый и Григорий Сковорода" (74, С. 355) показал, что Андрей Белый в период создания романа "Петербург" увлекался философией Г.С.Сковороды.

Нам кажется, что Айги близка основная тема И.А.Бердяева — тема личности, свободы, поисков человеком смысла своего существования, нам кажется, что Айги, как и Бердяев, осуждает насилие и террор. В качестве доказательства обратимся к начальным его произведениям.

Возьмем стихотворение "В рост" из сборника "Здесь":

I

в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как белые знают орудья последнюю
и старую утварь
и знаю что эта ненужность
странна от меня и нужна
надежная как уговор утаенный:
молчанье как жизнь
да на всю мою жизнь

2.

Однако молчание — дань, а себе — тишина.

3

к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее
и в этом я есть — как Поезия есть
и я знаю
что работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города

бессонница сторожа. (1964-1966)

"Что внушает Айги данным произведением? Он внушает нам неприятие террора, ибо он осуждает его. Почему мы вправе сделать такой вывод? Но если мы обратимся к суггестивности, то есть к подтексту, то увидим то, о чем сказано выше. Заревое, которое видит поэт, "из распыленной тоски". От чего же тоска поэта? Он ощущает свою ненужность стране, от этого рождается тоска. Эту ненужность он сравнивает с той утварью, которая уже отслужила свой срок, ее выбрасывают, но можно ли выбросить, как утварь, творение человека? Нет! От этого знания, что "нет", и от знания того, что он "не нужен стране", и возникает тоска:

в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как бедные знают одежду последнюю
и старую утварь
и знаю, что эта ненужность
стране от меня и нужна

Поэта скидает жизнь - молчание? Можно ли с этим согласиться?

Ответом на этот вопрос является вторая строфа:

Однако молчанье - дань, а себе-тишина.

Почему дань? Кому дань?

Дань требованию времени. Время требовало молчания. Молчали многие: А.Платонов, Е.Замятин, Г.Айги. Но их молчание - это дань времени, режиму, но не согласие с этим Временем и режимом. Для себя они оставляли "Тишину". Какую? Айги расширярует ее в третьей строфе:

к такой привыкать тишине
что как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее

Работу сердца мы не ощущаем, но оно работает, и мы живем. Айги свое творение воплощает работе сердца, творит - создает свои произведе-

ления, благодаря этому живет; у него есть тишина созидания:
и в этом я есть - как Поэзия есть.

Свою работу поэт сравнивает с "бессонницей сторожа"
на кладбище города:

... работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города

бессонница сторожа (Владимир С. СЛ № 16, 1990)

"Не спится сторожу на городском кладбище, ибо он сторожит последние святые прибежища людей. У Айги тоже есть свое святое прибежище - это его творчество, он в бессоннице, как кладбищенский сторож, но его дело, как и дело сторожа, Священно. Но почему поэт выбрал в качестве сравнения кладбищенского сторожа? Если обратиться к суггестивности, то не трудно расшифровать этот символ - "кладбище". Может быть, города превратились в кладбища душ людей, так хотелось времени, родились кладбища городов, где жили люди, лишенные своих имен, как в романе Евгения Замятина "Мы" (Радик П. СЛ № 16, 1990).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что Айги, как и философы экзистенциалисты, желает, чтобы человек оставался самим собой, творил, приносил в мир духовную чистоту. Но социальная обусловленность пресекает всякий взлет человеческой души вверх и приспособливает к своим целям все - и любовь, и творчество (22, С.149). Айги не желает подчиниться "миру объективности", ибо "творчество не обусленно-социально" (22, С.14). Но невозможно просто отрицать обусловленной социальности. Трагизм заложен здесь очень глубоко. В социальной обусловленности нужно жить, не принимая лжи (22, С.149). Айги живет, не желая принимать лжи этого "мира объективности", поэтому в великом зарезе он чувствует боль и "тоску", он чувствует трагизм мира, как его чувствовали философы-экзистенциалисты. Неприятие лжи "создает трагический конфликт, который не может быть разрешен одними человеческими силами. Лжи, которой полна социальная обусловленность и ко-

торой (она требует, как добро) нужно противопоставлять не высокие цели, оставшиеся отвлеченными (часто и сама социальная обязанность любит прикрываться высокими целями), а высокий дух" (22, С.149).

Поэт Чуваши не принимает эту лодь, он ей противопоставляет не высокие цели, как пишет Н.Бердяев, а высокий дух, свидетельством этому являются его жизнь и его творения.

Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом "своего бытия - в - мире" (31, С.339).

Переживается ли Айги (т.е. субъектом) свое бытие - в - мире? Да! Это мы наглядно видим в стихотворении "В рост". Айги переживает от ненужности стране, родине, он в тоске, и это переживание передается нам, он нам передает свое настроение: тоску, боль. Но, в отличие от Н.А.Бердяева, не принимавшего мир, считавшего его источником зла, Айги принимает мир, он не принимает зло, творимое человеком, для Айги не мир - источник зла, а человек. Но у Айги и Бердяева мы нашли точки соприкосновения. Какие?

Решительно выступал Н.А.Бердяев против всеобщего, как оно предстает в социальной среде - как власть государства, нации, народа, коллектива над человеческой личностью. Против этого выступал и Айги, свидетельством тому являются многие его произведения: "Тишина", "В рост", "В декабрьской ночи", "Путь", "Предвзванный рекаем", "Деревня" и другие.

Н.Бердяев и Айги затрагивают одну из свежих, острых и болезненных проблем нашего века - века тоталитарных режимов. (где страна не нужны были творения таких поэтов, как Айги), массовых типов общностей, деспотических и нетерпимых к свободе отдельного человека. Здесь мы видим правду бердяевского неприятия безличной системы, непреходящее значение заявленного им принципа свободы лич-

ности. Этот принцип мы видим у Айги, он себе оставляет "тишину", но тишину работающего сердца, он внешне как бы подчинился "миру объективности", но это только "дань", это только форма, а по сути он не принимает это насилие над собой, поэтому творит, сравнивая себя с кладбищенским сторожем. Пусть такой ценой, но пост сохранил свободу.

В наш век, когда различные ложные типы "тотальностей" стали новыми идолами, которыми - как в нашей стране - принесли в жертву миллионы невинных людей, крайне актуально звучат слова Бердяева о том, что верховной ценностью он считает человека: "Личность есть ценность, стоящая выше государства. Единство и ценность личности не существуют без духовного начала. Столкновение добра и зла, как и столкновение ценностей, существует лишь для человека. Трагедия всегда связана с личностью, с пробуждением личности, с обреченными личностью" (22, С.63). Для Айги человек также является высшей ценностью. Но и сам Айги есть личность, личность пробуждающаяся, потому что он видит трагедию жизни, государство заставляло его молчать, а он говорил - работал бессонными ночами, как кладбищенский сторож. И в результате этого появились стихотворения, подобные "Ужин: дом за городом":

I

даже сахар шуршит: "а ты помнишь, а помнишь
как пришли забирать - как зарев пришли" - хоть беда-то
теперь и другая - да и дума теперь не о том

2

Кто-то "я" говорил кто-то "хлеб" прошептал:
"это сон - и - семья" - грохотало мельканием в пенни
зельным: я склонился - твердел - будто карки
старом где-то рос среди других в старом празднике - поле:
чтоб из гула других отбросить себя...-
а потом обозначилась линия - кровью!

и тогда я увидел - из скрытого гула другого:
народо - терпенья - из глубы забытой в мозгу заплакавшего -
а может быть в памяти тела - как - почви -
чтоб тайне забыть - и увидел детей (а с зарев
смасталось. Я - сон - и - семья": будто пение -
светом! - височного раной - как ртом)

3

„Как пошли вы потом - продолжает
шуршать эта тихая вещь "как вышли через рожу
потом" (I, С. 276) (1988)

Целью нашего исследования явилось то, что мы попытались доказать, что философской основой произведений Г. Айги является философия экзистенциализма, а суггестивным компонентом его произведений - вера в творческую силу человека.

В качестве доказательства нами было проанализировано определенное количество вышеупомянутых произведений, было расширено понятие „философия экзистенциализма“, были приведены в качестве доказательства работы читателей экспериментального класса школы № 16 г. Новочебоксарска, где учащиеся доказали, что центром творчества Айги является человек, что бытие даровано человеку, что человек должен быть творцом, что стихи Айги влияют на настроение света, тепла, созидания. Мы попытались доказать, что стремление к духовной свободе - пафос творчества Г. Айги и Бердяева, что отстаивание духовной свободы имеет непреходящее значение для философии И. Бердяева и творчества Г. Айги.

ДИАЛОГ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ Г. АЙГИ НА УРОКАХ ИЗОБРА- ЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

В диалоге с другим человеком, в обращении к другому, во вчувствовании в него раскрывается человек в человеке. Партнёром общения может выступать писатель, поэт, педагог, произведение искусства, герой произведения, даже игрушка. В нашем эксперименте партнёром для учащихся стали произведения Айги. Мы учащимся предложили просмотреть книгу Г. Айги "Теперь всегда снега" (М.: Советский писатель, 1992), остановиться на одном из произведений и вступить с ним в диалог, ибо читатель лишь в диалоге, "входя во взаимодействие с другим субъектом, себя выявляет, прежде всего, для самого себя" (Поднасистый П. И. Педагогика. М.: Российское педагогическое агентство, 1995. С. 391).

Цель нашего эксперимента - выявить как подготовленный читатель (эксперимент проводился в классах ИЗО, где учителем работает Иванова Галина Александровна, педагог опытный, зрелый, мудрый, уроки ИЗО ведёт в этих классах с II-го класса по программе Неменского) воспримет произведения Г. Айги и выразит их содержание в графических картинах.

Тип эксперимента - поисковый. Характер экспериментальной деятельности - поисковый (учащиеся, общаясь с творениями Г. Айги, искали пути его познания).

Как проходил эксперимент?

1. Учащиеся раздавались книги Г. Айги.
2. Учащиеся, знакомясь с произведениями поэта, останавливали своё внимание (по своему выбору) на одном из произведений поэта.
3. Читали произведение, то есть вступали с ним в диалог.
4. Осмысливали произведение, делали наброски возникшего образа.
5. Приступали к творческой работе и самостоятельно выполняли её в виде графического рисунка.
6. После завершения работы делали краткое описание: объясняли, что они хотели изобразить, высказывали своё отношение к поэту.

В ходе эксперимента выяснилось, что учащиеся, общаясь с Айги, познавали своё "Я", они под воздействием произведений Айги превращались в мыслителей. "Быть, - заявляет М. Бахтин, - значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается... Два голубых минимума жизни, минимум бытия" (Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М., 1979. - С. 293). Учащиеся сожалели, что раньше так не рассуждали, им нравилось постигать Айги, а вместе с ним - и себя, ибо вне общности к другому нет общности и к себе. В диалоге обреталось собственное "Я", рождалось "бытие в культуре" Айги.

На стыке чего возникала их мысль? На стыке текста и подтекста. В обычных словах они находили глубокий подтекст, он рождал художественный образ, данный образ ложился на бумагу в виде графического рисунка. Слово- "заумь" Айги-ни удалось расшифровать. Что такое заумь? В словаре С.И.Ожегова слово заумь объяснено следующим образом: заумь- нечто заумное, бессмыслица (85, С.207). К.Паустовский в "Золотой розе" пишет, что "непонятная, тёмная или нарочито заумная литература нужна только её автору, но никак не народу. Но сам же К.Паустовский слово "заумничать" толкует так: "Начать умичать".

Умичать- за- умичать. Ученики 8-9 классов доказали, что "заумь" Айги им понятна, надо только вступить с ней в диалог, тогда она раскроется перед тобой.

Сколько же времени существует за-умь? Столько, сколько существует язык. Здесь можно сравнить восприятие зауми Айги с восприятием иностранной речи. На первом этапе встречи с иностранной речью она "не наша", мы не умеем её понимать, русские называли иноязычных "немь", т.е., немцами, "так народ Делтаске стал для русского немецким" (Бириков С. Зенгва. М.: Наука, 1994.- С. 221). Но по мере постижения чужого языка он нам становится понятен, так и поэзия Г.Айги, по мере общения с ней, она становится всё более и более понятней.

Велимир Хлебников замечал: "Говорят, что стихи должны быть понятны. Так вывеска на улице, на которой ясным и простым языком записано: "Здесь продаются..."- ещё не есть поэзия. А она понятна. С другой стороны, почему заговоры, заклинания, священный язык язычества- суть вереницы набора непонятных слов, но им приписывается наибольшая власть над человеком (...). Молитвы многих написаны на языке, непонятном для молящихся. Таким образом, волшебная речь заговоров и заклинаний не хочет иметь своим судьёй будничным рассудок" (Хлебников В. Творения. М., 1986- С. 633- 634). Речь Айги также не желает иметь "своей судьёй будничным рассудок". Но учащиеся находили ключ к расшифровке произведений Айги, половина класса произведения Айги понравились, они послали ещё раз пообщаться с его творениями. Учащиеся, приближаясь к произведениям поэта, умичали, за- умичали, мыслили, творили, через его стихотворения познавали себя и мир.

Главу мы построили следующим образом: текст Айги, рассуждение читателя на это произведение поэта, графический рисунок ученика в

качестве иллюстрации к выбранному произведению, иногда мы к одному произведению предлагаем 2-4 рисунка учащихся, чтобы доказать, что каждый субъект (то есть читатель) одно и то же произведение воспринимает по-своему. Принцип субъективности восприятия лёг в основу нашего эксперимента.

Восприятие — это содержательный и напряжённо протекающий процесс, в котором всё время возникает различного рода связи между целым и отдельными частями, так как понимание целого "постигается" лишь через понимание частей, а произведения Айги построены так, что нельзя при восприятии пропускать не только одного слова, но и одного звука или знака, так как всё в его творчестве несёт на себе смысловую нагрузку. Наши читатели старались понять эту особенность творчества Айги, на первом этапе восприятие шло на уровне событийно-слетной, на втором же этапе исследования они уже могли выделять иную линию, "цепочку иных связей", которые включают в себя событийно-слетное как элемент" (Ж, С. 32).

На третьем этапе к читателям приходило озарение, энергия творчества пронизывала их, они понимали глубинные мысли, заложенные Айги в его творчестве. Доказательством того являются приведённые работы читателей.

"Моя картина посвящена Айги, она называется "Приёмши неба."
Если к ней приглядеться, то можно среди гор увидеть маленькую скалу, похожую на птицу, которая пытается взлететь вверх: к дому своему - Небу. А Небо взирает на своего Дитя - Вестника.

А в пространстве - тишина... Я раньше никогда не слышала про стихи Геннадия Айги, но, услышав, очаровалась ими, они мне нравятся, ведь они несут в себе и спокойствие, в котором я так нуждаюсь, и тревогу, которая волнует и меня".

(Яковлева Светлана, 9 кл.)

Яковлева С. - Прямые неба. Иллюстрация
к образу поэта Г. Агги. Б. Туль. 1996.

ПОЛЕ ВЕСНОЙ

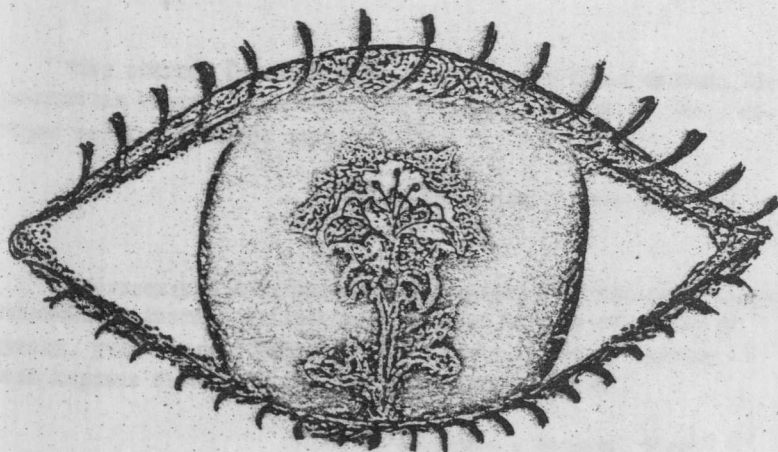
там чудо покрывает уи

1985 (В.С.302.)

"Мой рисунок является иллюстрацией к стихотворению Г. Айги "Поле весной", я, прочитав стихотворение поэта, состоящее всего из одной строки, представила необыкновенный свет, который способен весной увидеть человеческий глаз. А глаз человека подобен цветку полевому...

Для меня стихи Айги понятны. Он, мне так кажется, пишет о жизни, о том, что мы порой многое не замечаем: не засматриваемся на облака, так заманчиво манящие нас весной, не замечаем разницы между весенним и летним полем. А Айги просит меня всё это заметить, поэтому глаз человека я уподобила цветку полевому, мне кажется, что цветок "видит" глубже нас, людей. После стихов Айги я не могу не заметить того, что вокруг меня. Спасибо поэту за урок мудрости, ибо он научил меня в малом видеть большое. Я, мне так кажется, могу теперь "дотянуться" до облачка".

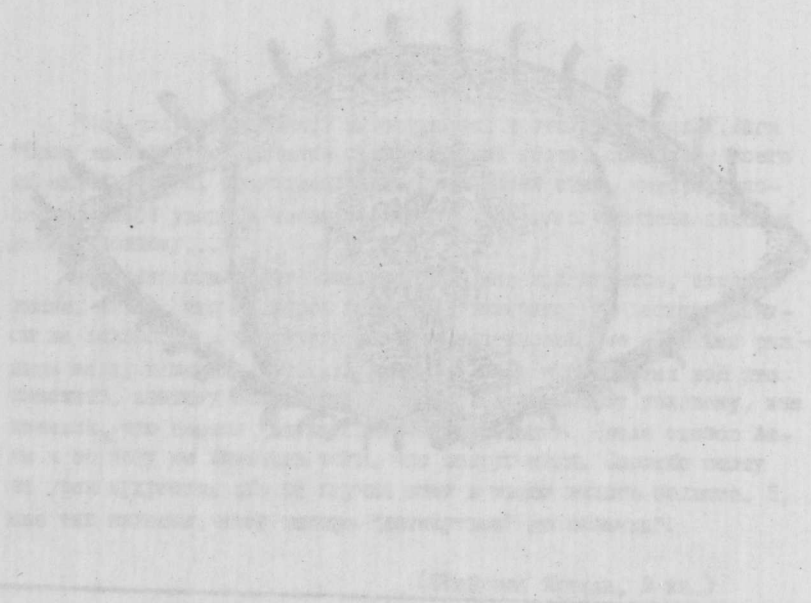
(Фёдорова Ираида, 9 кл.)

Фёдорова И. Иллюстрация к произведению
Г. Айги "Поле весной". Б. Т. 1996.

СТИХОТВОРЕНИЕ-НАЗВАНИЕ:
БЕЛАЯ БАБОЧКА, ПЕРЕЛЕТАЮЩАЯ
ЧЕРЕЗ СЯТОЕ ПОЛЕ

1982 (В,С.230.)

Литературный музей им. А.С. Пушкина
Ленинград, 1982 г.

"Мне понятен Геннадий Айги. Я думаю, что белая бабочка, перелетающая через скатое поле, — это светлое, доброе будущее, которое перелетает через зло".

(Ерабанов Александр, 9 кл.)

"Произведения Айги помогают нам понять этот сложный мир, заставляют задуматься над такими вещами, о которых мы раньше не думали, учат верить. Айги становится нам всё больше понятен. В моей картине бабочка олицетворяет светлое и доброе".

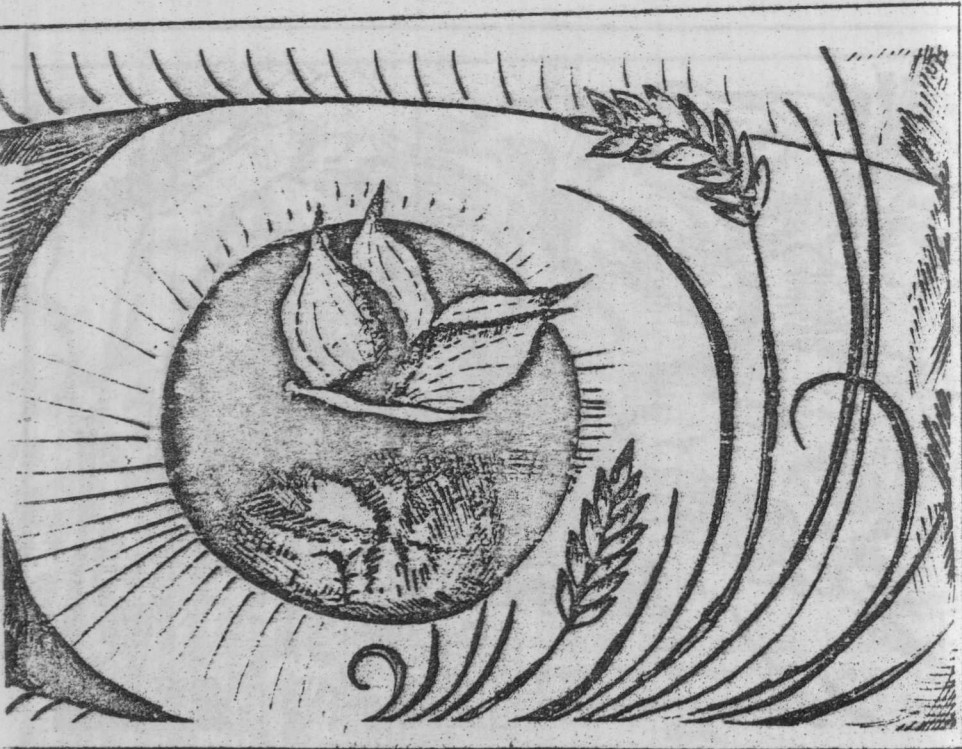
(Кандикова Людмила, 9 кл.)

Барсанов А. Белая бабочка. Иллюстрация
к произведению Г. Айги "Белая бабочка,
перелетающая через сжатое поле". Б. Тушь.
1996.

Кондакова Л. Белая бабочка. Иллюстрация
к произведению Г. Айги "Белая бабочка,
перелетающая через скатое поле". Б. Тушь.
1996.

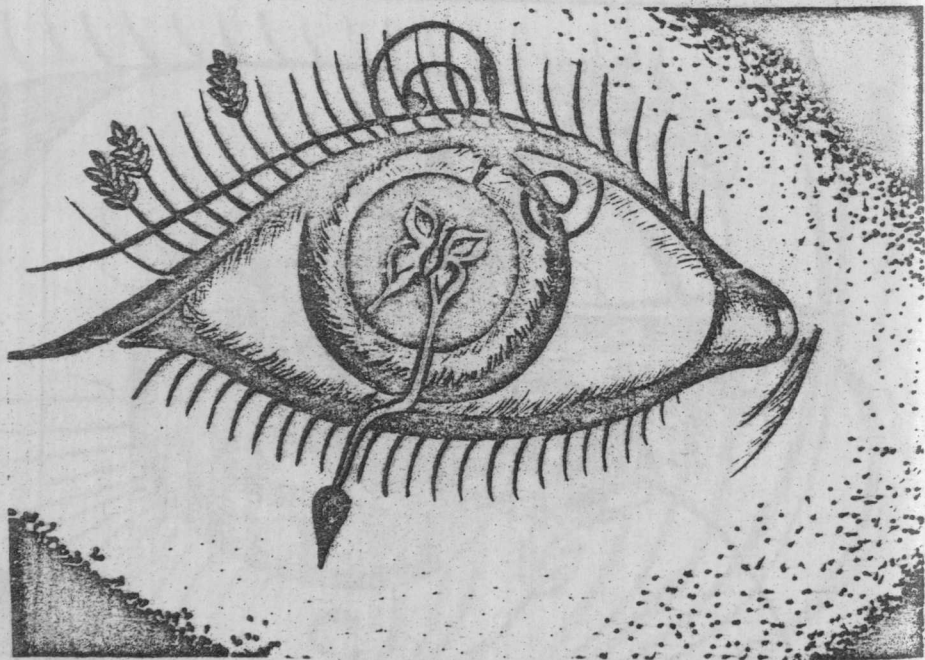
Колесникова Л. Белая сабочка. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Белая сабочка, перелетающая через сжатое поле".

Б. Тушь. 1996.

Колесникова Л. Белая бабочка перелетает
через сжатое поле. Иллюстрация к произ-
ведению Г. Айги "Белая бабочка, переле-
тающая через сжатое поле". Б. Тушъ. 1996.

Иванова Л. Виденье. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Белая сабочка, перелетающая через сжатое поле". Б. Тушь. 1996.

ПОЛЕ СТАРИННОЕ

О Божий
в творении Облика из Ничего
зримо пробиравший
и неумолкавший
Р А З

:
:
.....:
:
:
:
:

в образе Поля

1969 (В.С.ЮІ.)

"Стихи Г. Айги меня поразили, он настолько искренен, что завораживает своей открытостью миру, мне кажется, что он ценит жизнь, любит людей.

Пишет Айги весьма загадочно, вероятно, он хочет, чтобы мы его стихи расшифровали. Меня же его произведения наводят на размышления, я даже слышу между строк его голос: "Задумайся!" Глаз, который я изобразила - это око мира и Айги".

(Санзяпова Людмила, 9 кл.)

"Картину я назвала "Стремление к свету". Г. Айги в своём стихотворении "Поле старинное", как мне кажется, писал о создании мира. Это я поняла по фразе: "...и божий раз..." Я тоже попыталась, но только по-своему, показать мир. В моей картине весь мир - это большая птица, которая всегда стремится к свету и к солнцу. Айги помог мне это увидеть, я хочу чтобы люди понимали поэта. Спасибо Г. Айги за его прекрасные, заставляющие о многом задуматься стихотворения".

(Николаева Ирина, 9 кл.)

"В моей картине глаз означает божий свет, этот свет отражается в поле. Стихотворение открыло во мне свет, и для меня этот мир переменялся, он стал светлым. Его стихи меня успокаивают. В его стихах мне понятно каждое слово. Когда я прочитала его стихотворение, мне сразу захотелось нарисовать картину. Возникло множество образов, я остановилась на одном из них".

(Николаева Оксана, 9 кл.)

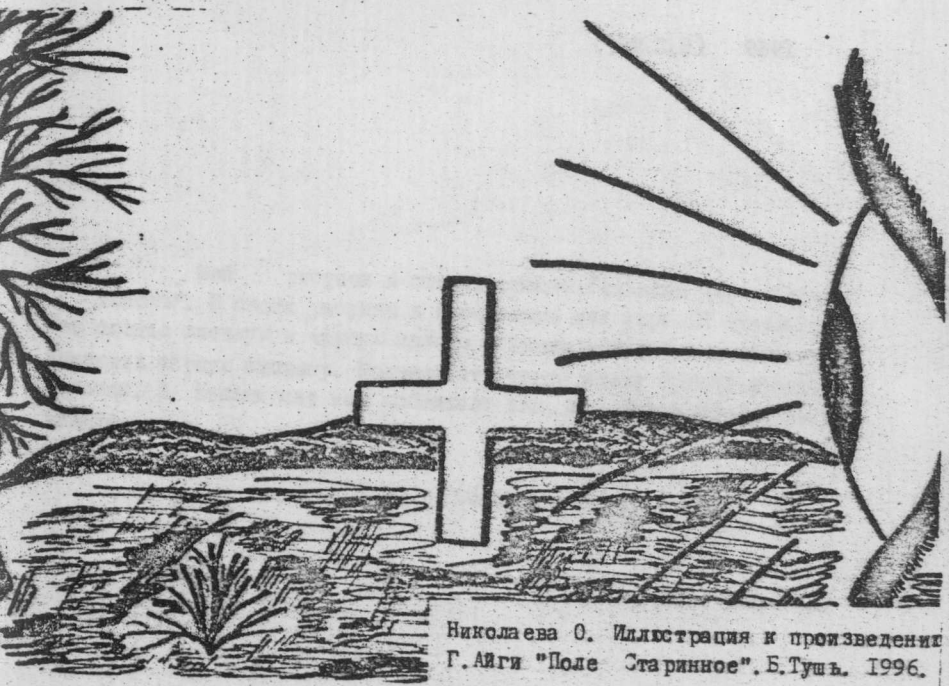

Савязнова Д. Иллюстрация к произведению
Г. Айги "Поле старинное". Б. Тушь. 1996.

И. Николаева. Стреленке к северу. Иллюстрация к произведению Г. Анги "Поле старинное". В. Гусь. 1996.

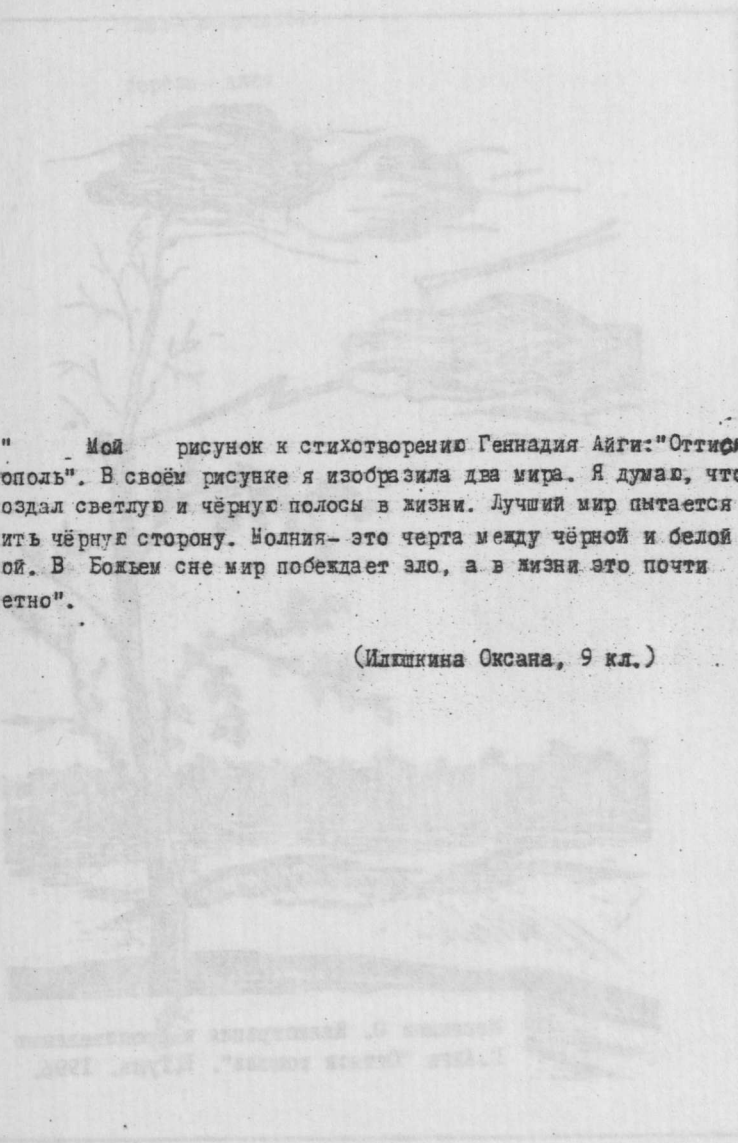

Николаева О. Иллюстрация к произведению
Г. Аяги "Поле Старинное". Е. Тушъ. 1996.

ОТТИСК : ТОПОЛЬ

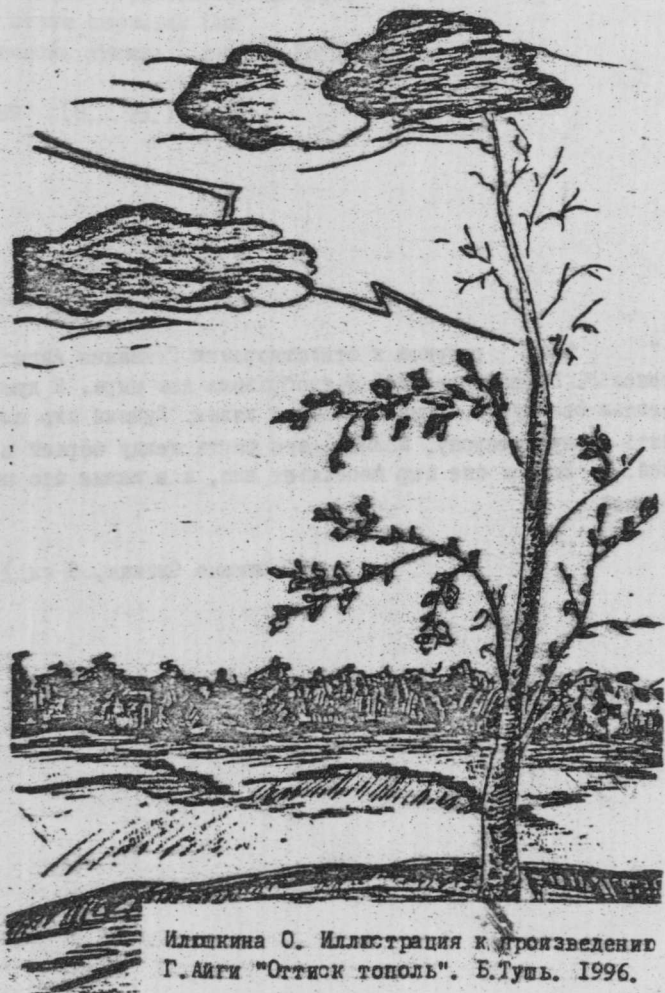
о Дерево - ты Божий сон приемлемый глазами
первичнее чем Ум - мой - Сон -
из более ты ранних Божьих снов! -
на стыке перемены Сна
отечески шумишь - дитя в Господней памяти

1969 (В.С.98.)

" Мой рисунок к стихотворению Геннадия Айги: "Оттиск тополь". В своём рисунке я изобразила два мира. Я думаю, что Бог создал светлую и чёрную полосы в жизни. Лучший мир пытается изменить чёрную сторону. Молния - это черта между чёрной и белой полосой. В Божьем сне мир побеждает зло, а в жизни это почти незаметно".

(Ильшкينا Оксана, 9 кл.)

Илешкина О. Иллюстрация к произведению
Г. Айги "Отгиск тополь". Б. Тушь. 1996.

СОСНЫ-С-БЕРЕЗОЙ

сквозь Бога Сосен
тьнь- излученье:

берёза- дитя

1976 (в.с. 150.)

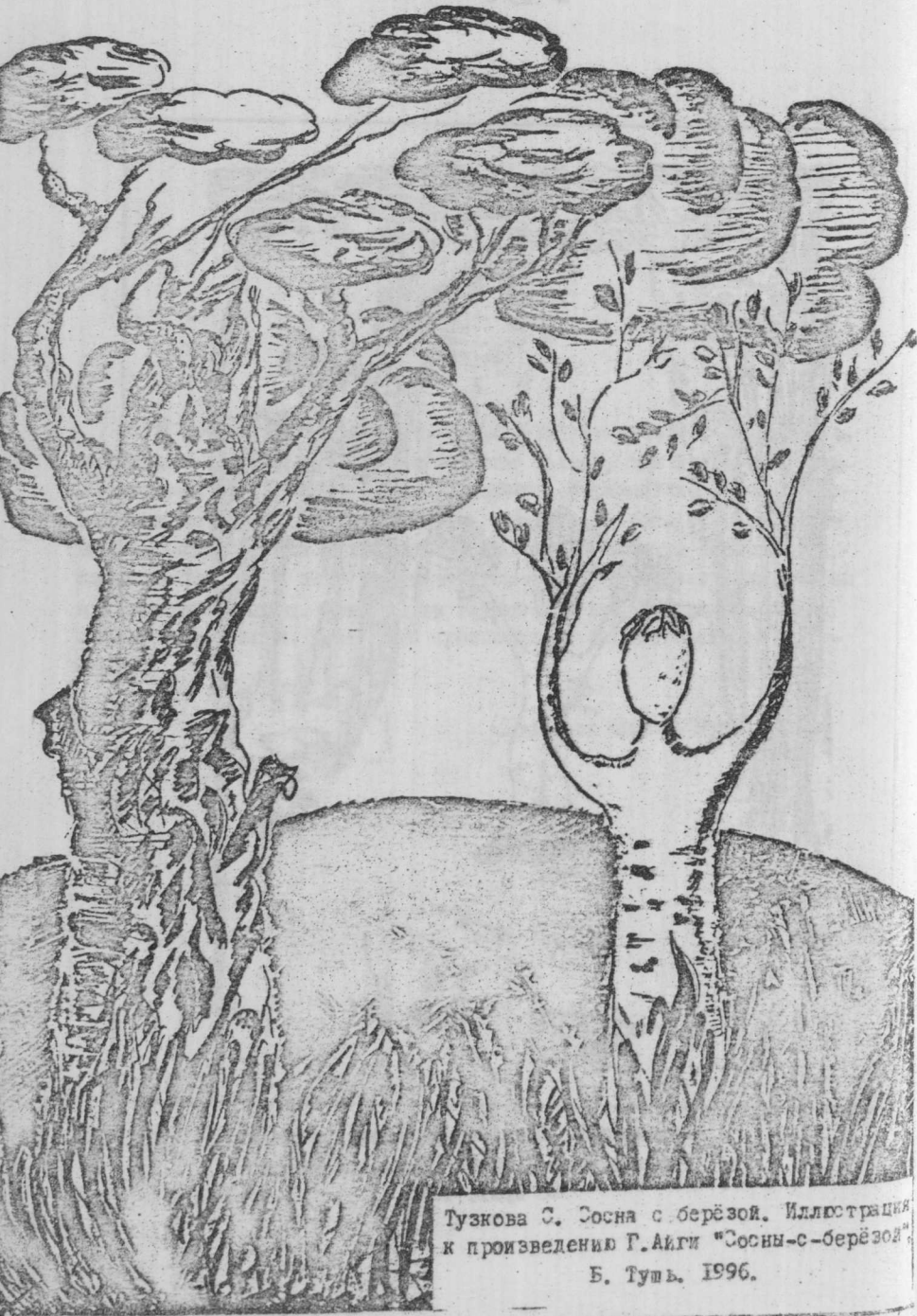

"Я прочла стихотворение Айги "Сосны-с-берёзой", задумалась, на бросала рисунок, назвала его "Дитя сосен", так как в этом стихотворении мне видится ребёнок в облике берёзоньки. Здесь сосны-матушки следят за своим ребёнком - берёзой, а бог-отец охраняет его от невзгод. Так и в жизни: мамы, тёти, бабушки водятся со своим ребёнком, а отец охраняет его. И это не только у людей, но и у животных, птиц. Стихи Айги глубоки, в них изображена наша жизнь, надо только уметь его произведения расшифровать, я попыталась..."

(Доронина Ольга, 9 кл.)

Доронина О. Дитя сосен. Иллюстрация к
произведению Г. Айги "Сосны-с-берёзой".
Б. Тушь. 1996.

Тузкова С. Сосна с берёзой. Иллюстрация
к произведению Г. Айги "Сосны-с-берёзой".
Б. Тушь. 1996.

БЕРЕЗЫ - ГДЕ-ТО В СЕРЕДИНЕ
РОДИНЫ

однажды

в колыханьи берёз (и как будто самим колыханьем)

я очень вспомнил отца - и объяла

сладость такая: свобода с каким-то теплом всепрощающим

будто всем миром опять защищённость

и беззаботность - носящаяся

воздухом - все умягчающим

в таяньи обще-согласном:

боже! как это - подобно чьему-то молению

было - кружилось

в том колыханьи берёз (и самим колыханьем):

время-не-время - а счастье

в мигах таких: никогда-не-кончатся

1984 (8, с. 278.)

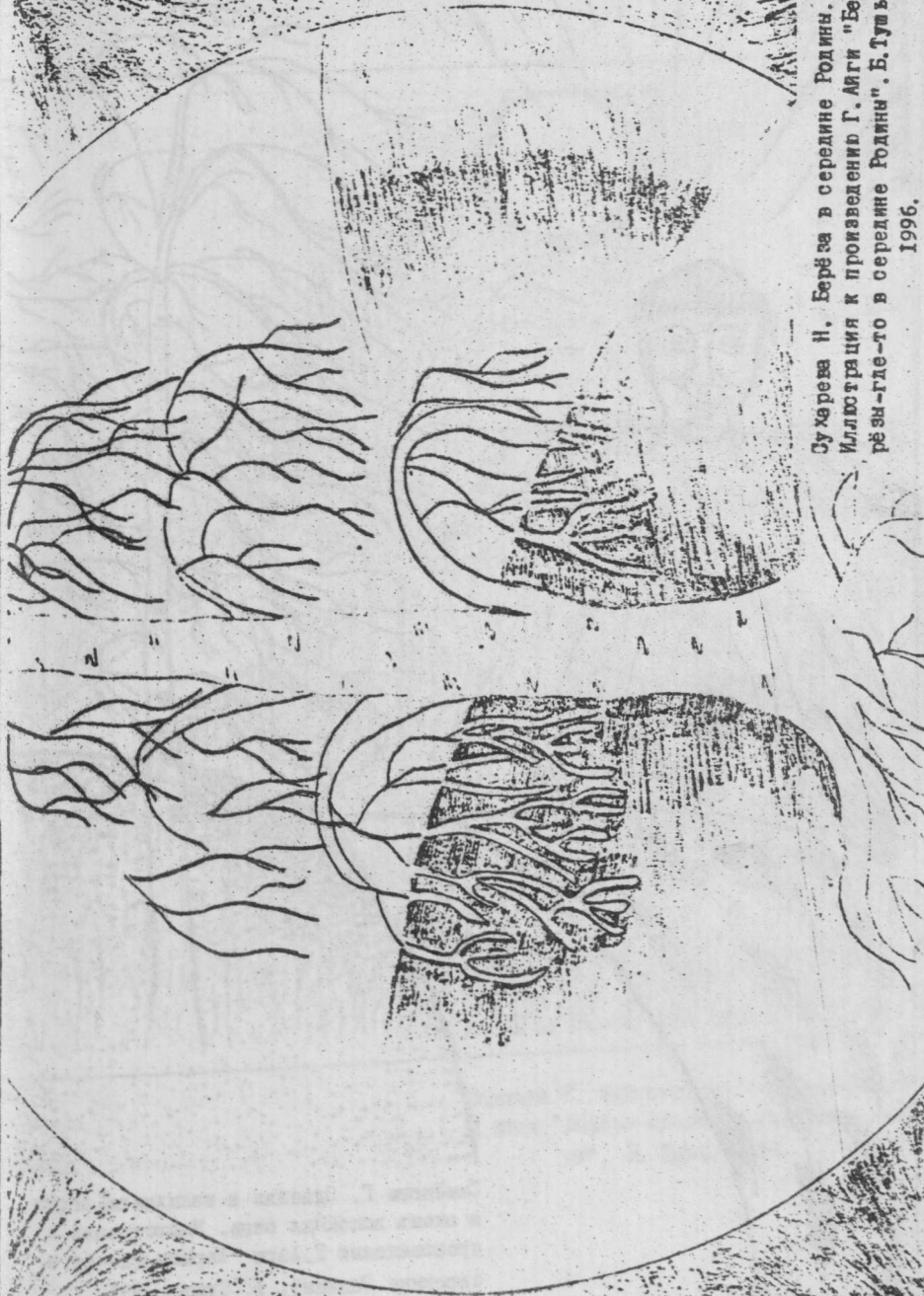
"Стихотворения Геннадия Айги я поняла не сразу, они короткие и скупы, но написаны чисто и тихо. Я советую читателям Айги лучше всматриваться в его произведения и слушать музыку колчания. Я эту музыку услышала и изобразила в виде берёзы-символа России".

(Суханова Настя, 9 кл.)

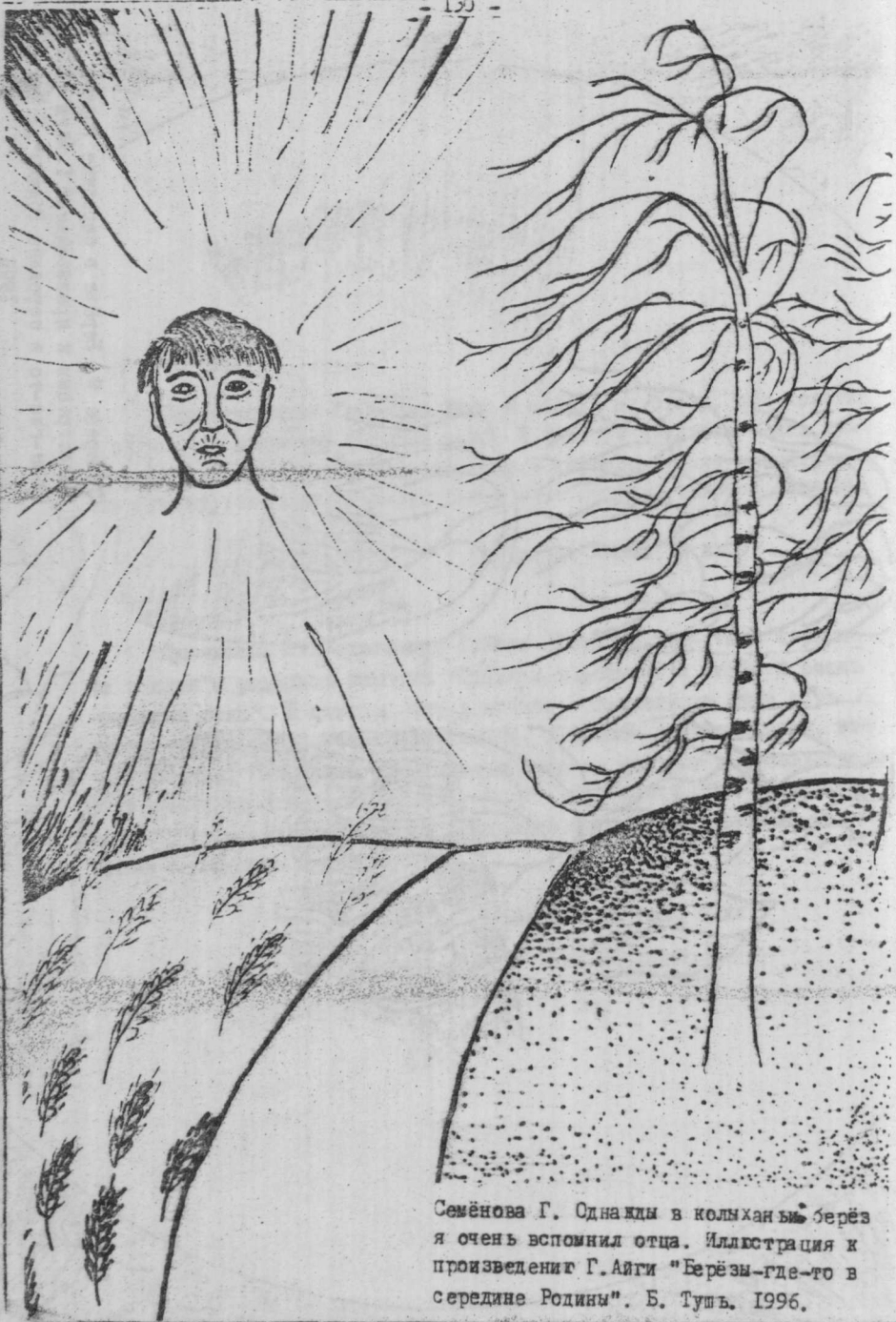
"Прочитала стихотворение Г. Айги "Берёзы- где-то в середине родины", родилась картина "Однажды в колыханьи берёз я очень вспомнил отца". Я считаю, что в каждом произведении Айги есть зрительный образ, есть слова-ключи, в данном стихотворении, мне так кажется, ключевыми словами являются те, которые я использовала в названии своего произведения. Посту вспомнился отец- "сладость такая", он почувствовал свою защищённость, ощутил счастье от общения с берёзой-отцом".

(Семёнова Татьяна, 9 кл.)

Сукачева И. Берёза в середине Родины.
Иллюстрация к произведению Г. Аиги "Бе-
рёзы-где-то в середине Родины", Б. Туль.
1996.

Семёнова Г. Однажды в колыханьи берёз
я очень вспомнил отца. Иллюстрация к
произведению Г. Айги "Берёзы-где-то в
середине Родины". Б. Тушь. 1996.

Осипова Е. Иллюстрация к произведению
Г. Айги "Герёзы-где-то в середине Родины".
Б. Тушь. 1996.

ЗАПИСЬ: АРОМНАТИС

К. Б.

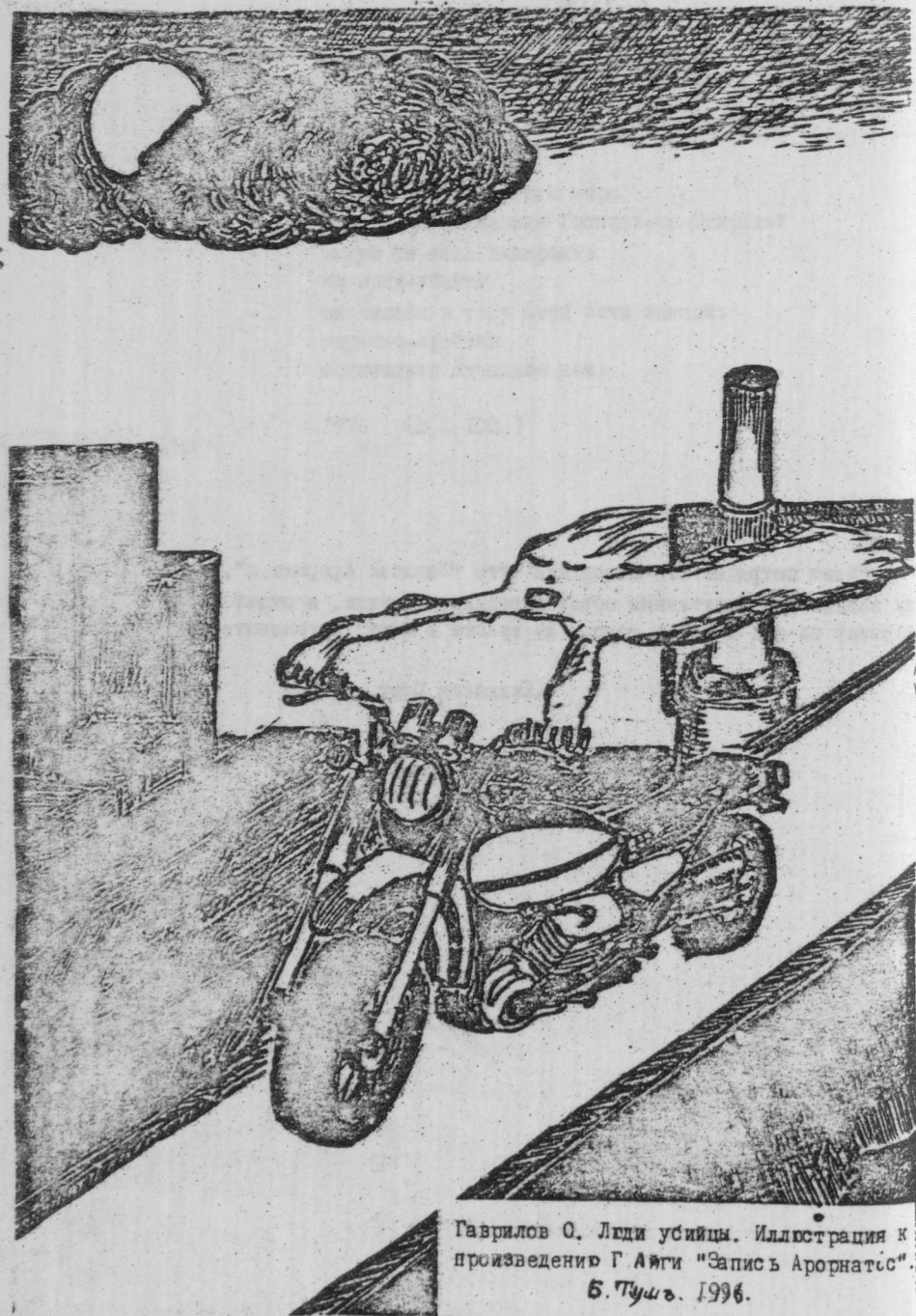
а была бы ночь этого мира
огромна страшна как Господь-не-Открытый
такую бы надо выдержать
но люди-убийцы
вкраплены в тьму этой ночи земной:
страшно-простая
московская страшная ночь

1976 (в.с. 138.)

"Меня потрясло стихотворение Айги "Бались: Арорнат:с", сразу возник художественный образ сегодняшнего мира, я отдал свою картину на суд людей и говорю им вместе с Айги: "Остановитесь!"

(Гаврилов Олег, 9 кл.)

Гаврилов О. Леди убийцы. Иллюстрация к
произведению Г. Аяги "Запись Арорнатис".
Б. Туль. 1996.

НОЧЬ : ВЗДРАГИВАЯ

А.М.

Ночь, внезапно,
вижу я, вздрагивая, - между лицом и подуш-
кой - лицо похороненного друга:
оно - как бумага оберточная (содержимое вы-
нули):

черты - как сгибы... не вынести этих следов ис-
коверканных!...-

Безжизненно горе само! - все - как будто из
вещи - все более мертвой...-

и боль отменяет - бесследно - лишь новод
боль: ее немой очередностью!...-

существование - как действие? - скомканья -
словно рассчитанного!...-

"всё" - как понятие? - есть - как обертка!..
- чтобы шуршать и коверкаться...

1971 (в.с. 113.)

"Прочитала стихотворение Айги "Ночью вздрагивая". Айги меня потряс как человек высшей духовной силы. Его стихи на первый взгляд непонятны, но за словами стоит смысл, глубокий и тяжёлый. Я не читала его книг (но очень хочу), даже одно произведение открыло мне поэта. Люди, опередившие время, гении. У Айги глубокая психология души, разум выше существования. Мой рисунок - всего лишь образ строчек".

(Меньшикова Мария, 9 кл.)

Мельникова И. Образ. Иллюстрация к про-
изведению Г. Агги "Ночь: вздрагивая".
Б. Тушь. 1996.

ПРОДОЛЖЕНИЕ-ГУЛ

все-гул бедн!

как быть - чтоб переждать? -

молись иль не молись - но так или иначе
дай Бог (или сама твоя усталость) -

хоть кто - хоть что - да хоть в какую бездну
проваливая! - дай

укрытым в промежутках быть -

притишестья твоей собственной!..-

хоть скоро вздрогнешь - более разрушенным -

(ещё сегодня ле...-не раз)

1986 (В.С.307.)

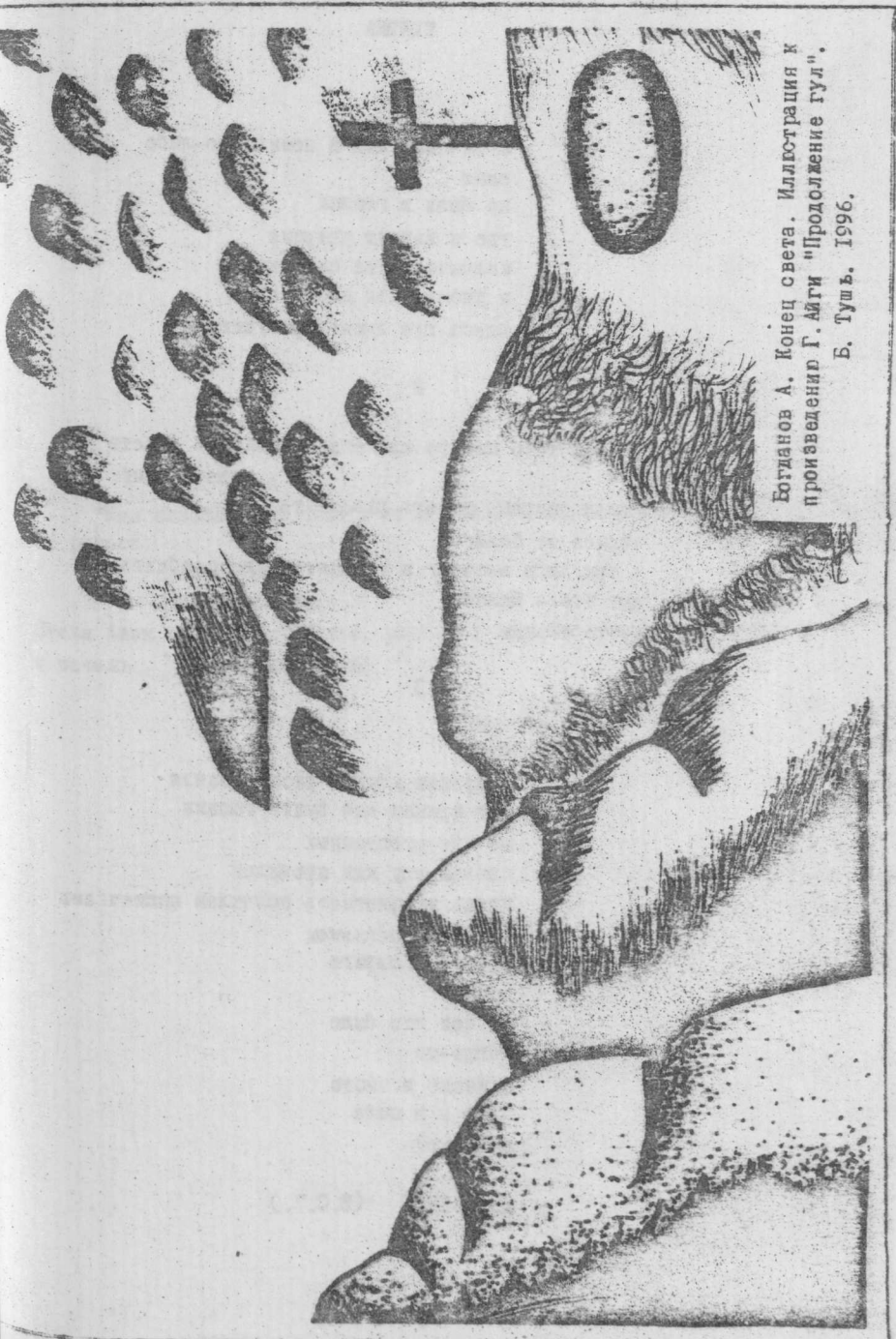

" Читаешь, вчитываешься, размышляешь... После знакомства с произведением Айги "Продолжение-гул" я задумался о жизни, о сегодняшнем дне. Да, я одураг этот "гул", он пород "вадит" даже вековое дерево. Дуб повержен, но корни его остались..."

(Васильев Александр, 9 кл.)

Васильев А. Дуб. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Продолжение-гул". Б. Тушъ, 1996.

Богданов А. Конец света. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Продолжение гул".
Б. Тушъ. 1996.

ТИШИНА

1

с тех пор как я помню что-либо
знаю
по боли в глазах
где и какими ударами
молчание наше окрашивает
и упоминанья достаточно
здесь где шумят пробужденья

2

а те с того самого времени как начали видеть
свет божий
стали впервые теперь различать
чёрное от белого
и пришли в восторг и торопятся уже сообщить
вот это - белое
а это чёрное

3

был
в зреньи другие раскалыванья
и в криках как будто годами
во мне утопанных
связей игу как прожилок
когда продвигаясь облеплен насмешками
словно репейником
где-то в овраге
один
(о как это было
когда-то
одинокое и чисто
лишь я и поле
как мир)

1955-1956 (8, с. 7.)

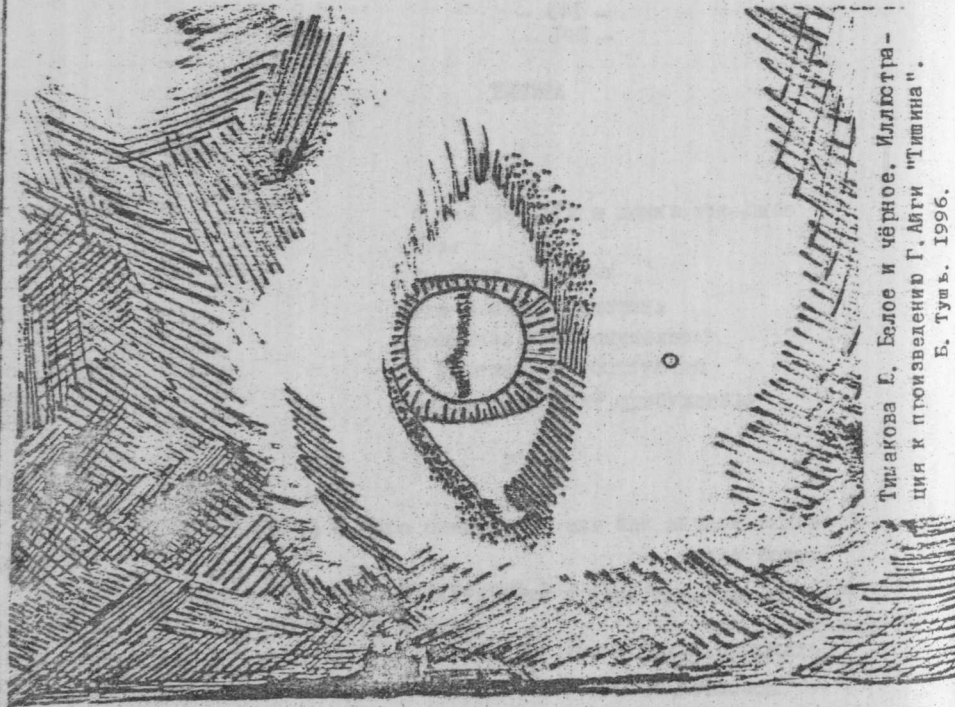
"Мне близок этот поэт и этот стих. Я поняла, что тишина бывает разной:

злой-чёрной.

Спокойной-белой.

Стихи Айги, мне кажется так, выражают смысл жизни: в них радость и печаль — правда "бытия".

(Тимакова Клия, 9 кл.)

Тилакова Л. Белое и чёрное. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Тиллина".
Е. Тумъ. 1996.

ТИПИНА

А. Хузангаб

а что он делает в лесу?
шуршит как ветка... нет бесцельнее чем ветка
и с меньшей причиной
чем от ветра...-

не знак не действие...-

и существующее в нем
лишь то - что достояние он
Страны-Преддверья... (далее - огонь)...-

и там
какой-то час
проявит предначертанность
конца...-

(а здешность - призрачна!...-

и - ощущения нет
которое
"страной" звучало)...-

он здесь - без полноты и без молчанья леса...
лишь затиханье - прошлого... и здесь его шуршанье -
его последний признак... только - отзвук... -

(все - в пустоте... безогненной... и даже -
вселенность исключая - леса)

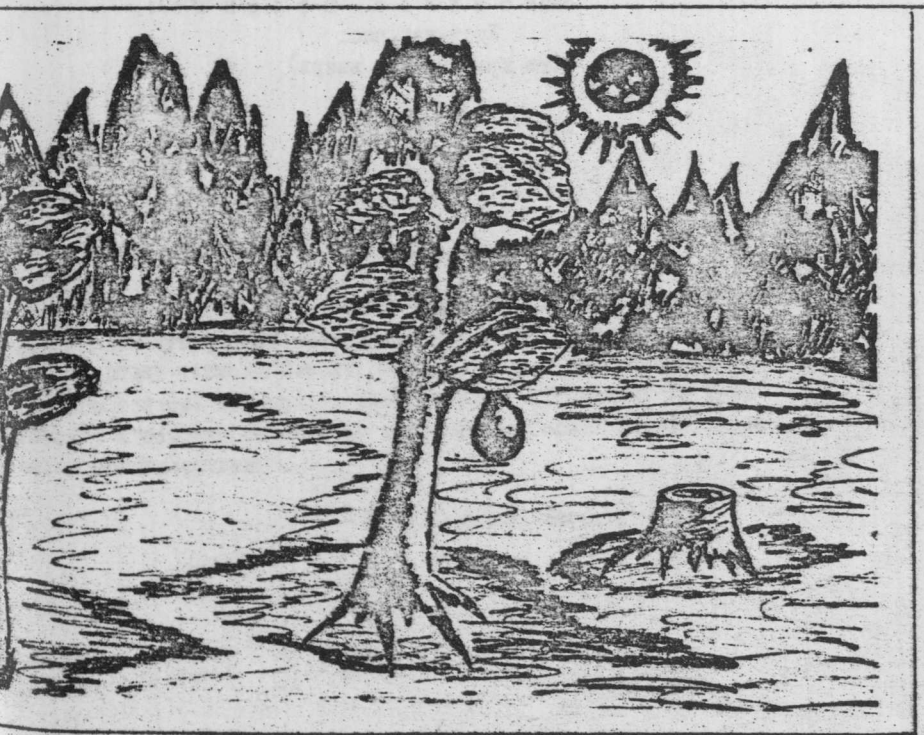
1975 (8, с. 139.)

"Я не знаю, правильно ли я расшифровал произведение Аиги, но, когда его читал, у меня возникла именно эта картина, в ней следующие образы:

- солнце, смотрящее на нашу Землю;
- лес, где спокойствие и тишина;
- пенёк, оставшийся от дерева, - символ конца, потерь;
- созревший плод на древе жизни - символ вечной жизни.

Стихотворение очень глубокое, сразу его не поймёшь, я вчитывался, думал, старался осмыслить строки поэта и выразить их в графических образах".

(Николаев Сергей, 9 кл.)

Николаев С. Иллюстрация к произведению
Г. Аяги "Тянина". Б. Туль. 1996.

ПОЛЕ: КУСТ ВЕРБЫ

и в Сиянии Золотого Часа Мира:

Куст-Один:

в том Часе золотящийся:

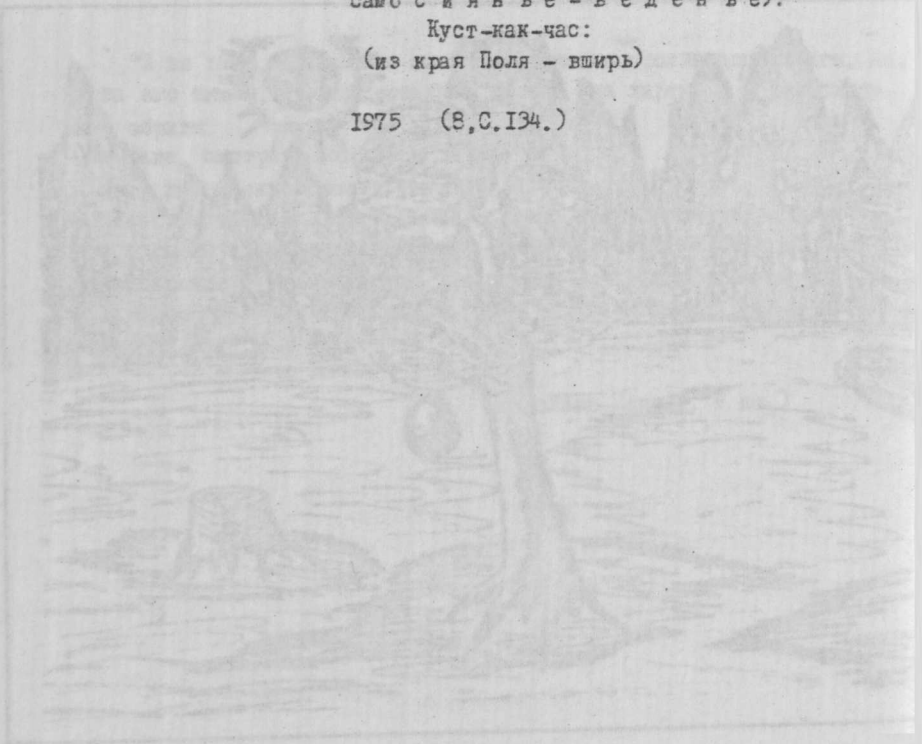
(ведает иль нет?—

сам с и я н ь е - в е д е н ь е):

Куст-как-час:

(из края Поля - вширь)

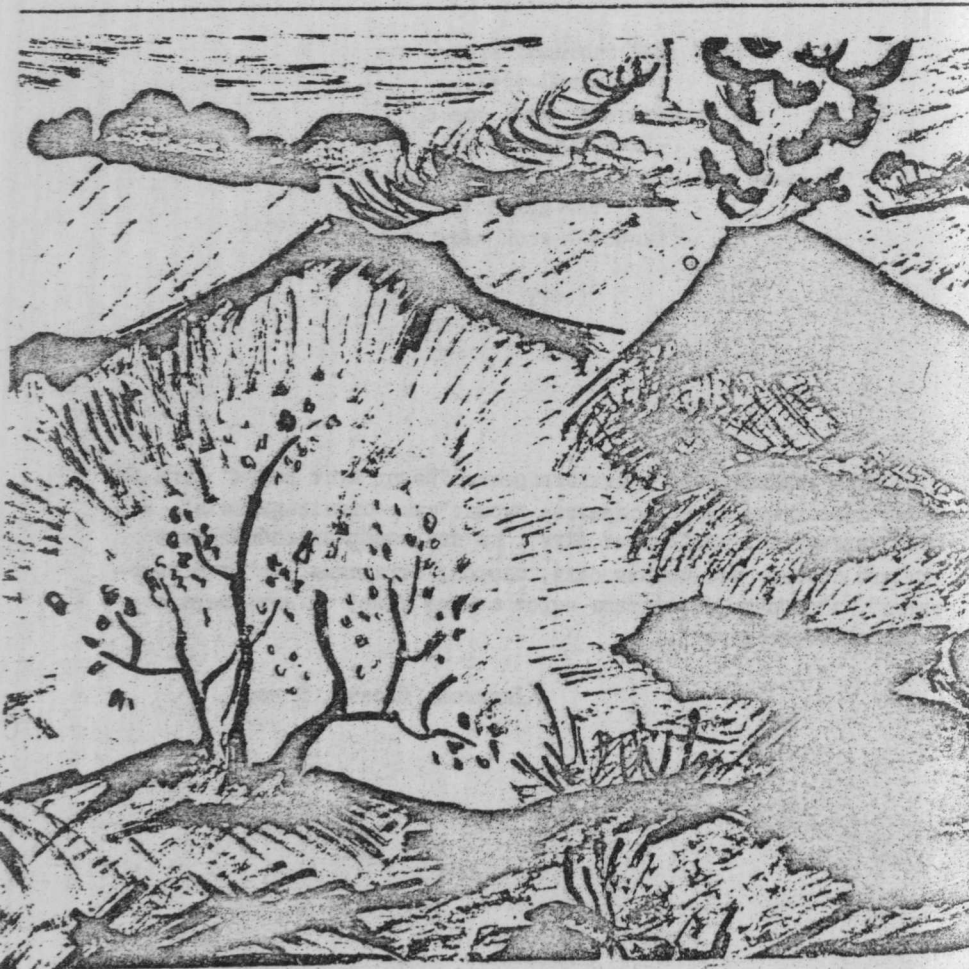
1975 (В.С.134.)

В.С.134. 1975

"Мне кажется, что в стихотворении "Поле: куст вербы" Айги выразил свою душу, своё восприятие жизни: "само сиянье-ведение". Я свою картину назвала "Поэзия Айги", на ней изобразила обобщённый лик его поэзии - это поэзия боли, скорби, страдания. Но "куст золотится", а "бабочка перелетела через слатое поле", то есть вера в жизнь восторжествует".

(Данилова Оксана, 9 кл.)

Данилова О. Поле: куст вербы. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Поле: куст вербы". Б. Тушь. 1996.

КРУТ

Агнеру Хузанга!

время — одно — лишь одно: говорить о простом
повторяясь пылающим кругом! —

и как будто восходит заря — расширяя крестьянские
празднества

и вытягивая — до садовых вершин
блегло-алую память о платьях — давно отшуршавших:

свет — все алее — из далей забвенья! —

о зори — закаты — о годы-сиянья — сиянья-века! — как
знамена-и-знаменья:

Целокудрия — Верности — Силы! —

а теперь уже — долго-далёкого плача:

по народ о — корням-человекам! — и ответно сияют
сыновье-и-стче-сиянья
во-Родине — будто на дереве-веди — на хлебе-мерца-
нии центра! — и в зареве — в заревах
почво-горенья от рук:

снова — страда пониманья: восходят — плывут по-над
полям

кони-деиенья все ярче как раны —
вещь из соломы поет на весь мир — и повозка в луну
углубляется! вечность

золото мозга пылает —

(где-то возводится сруб
и обдаётся звонкостью звона
братски-понятные брёвна — со смыслогорением
в гулких от счастья плечах) —

золото мозга пылает

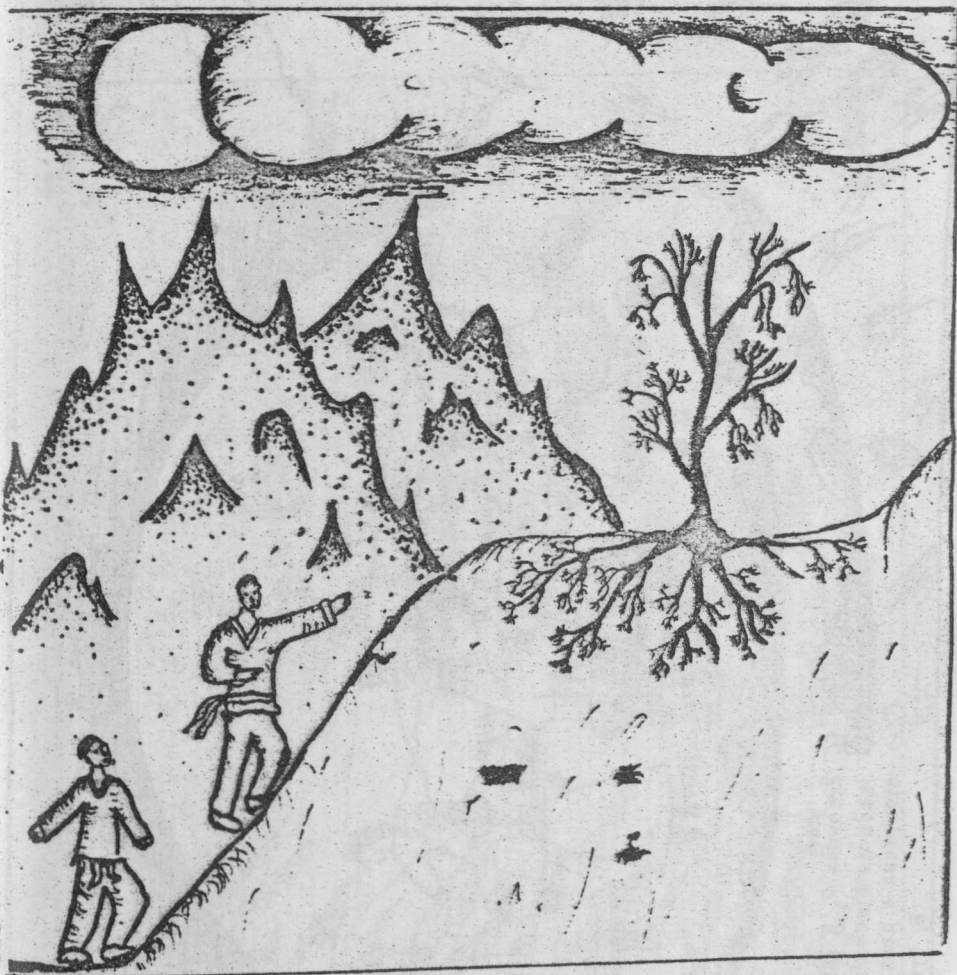
здесь — среди букв: как в волненьи дыханья —
отцовско-сыновьего: власть и трепетом свежим!

в мире - живого-меня! -

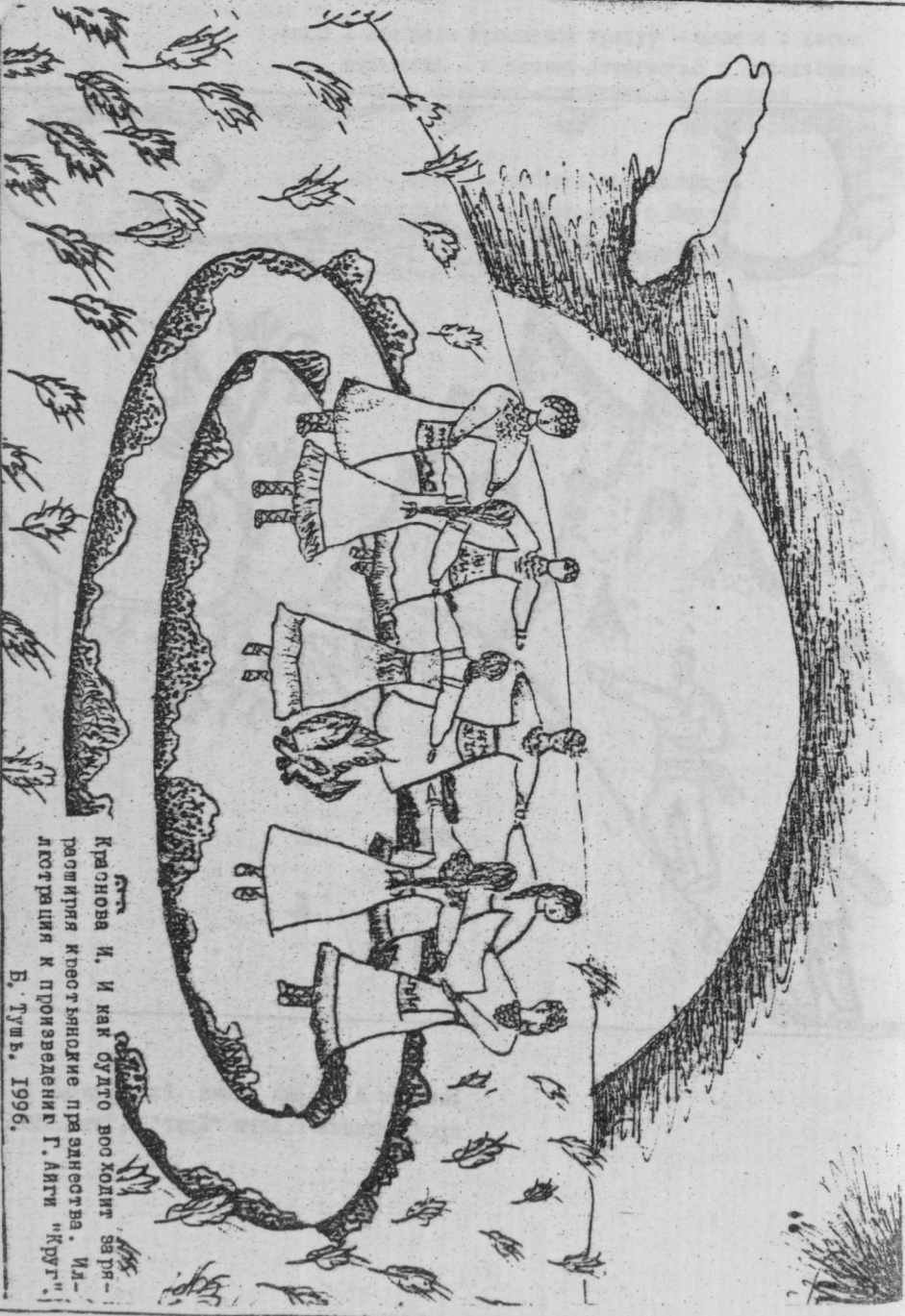
знаю - что даже проматся придут - словно с даром
последним - с вешами-строгать: с породнённым
железом священо-привычным для резанья
грустно-родного -

сразу же - здесь - отсиять заставляя
древосежду мов - до братанья: с Землёв

1989 (8,с.309.)

Бабенко А. Корни жизни. Иллюстрация к
произведению Г. Айги "Круг". Б. Тушь. 1996.

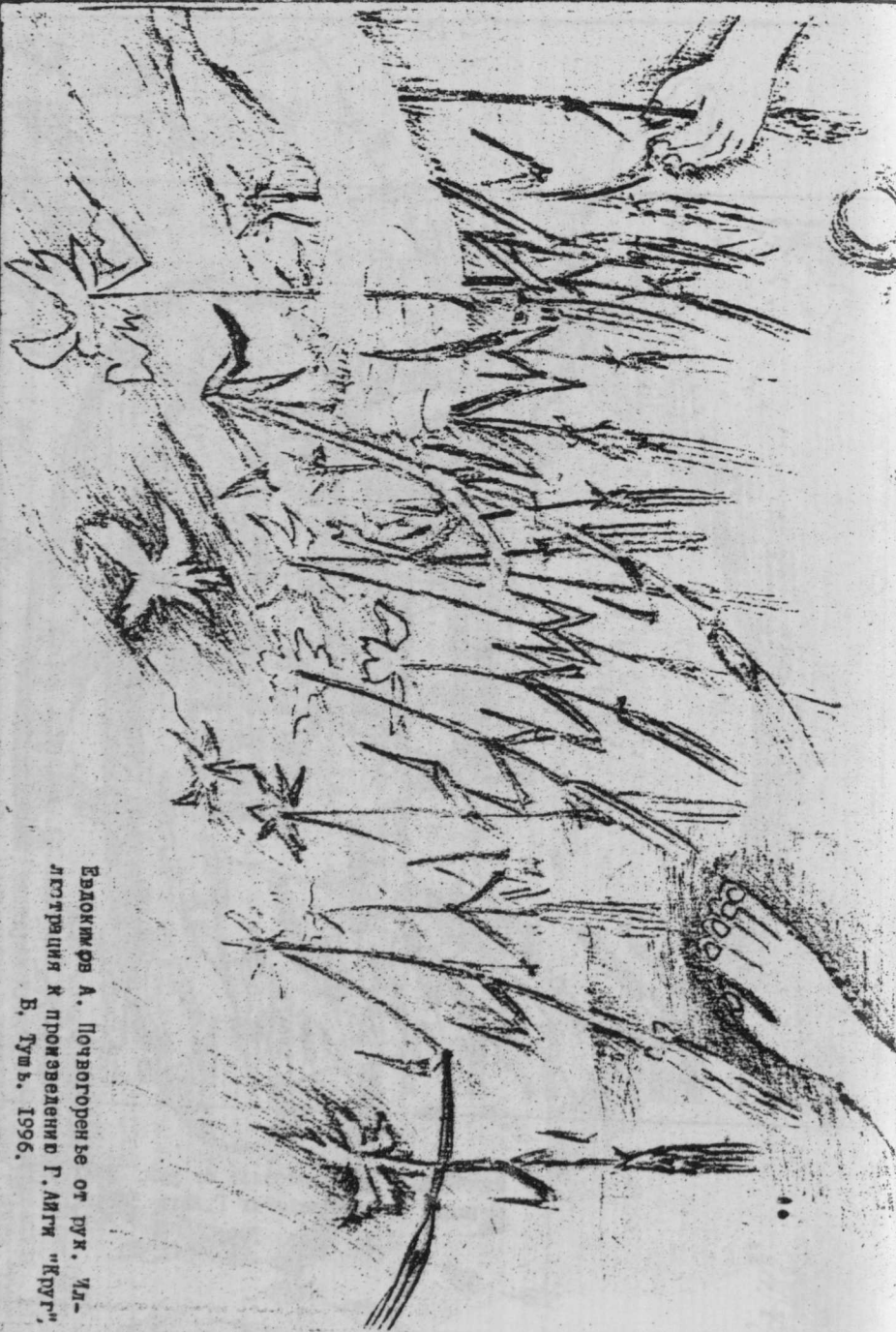
Краснова И. И как оудго водходит саря-
рашпиря к востыникоие празностиа. Иа-
лострацип к промывделенип Г. Анги "Кудг".

Б. Гусь. 1996.

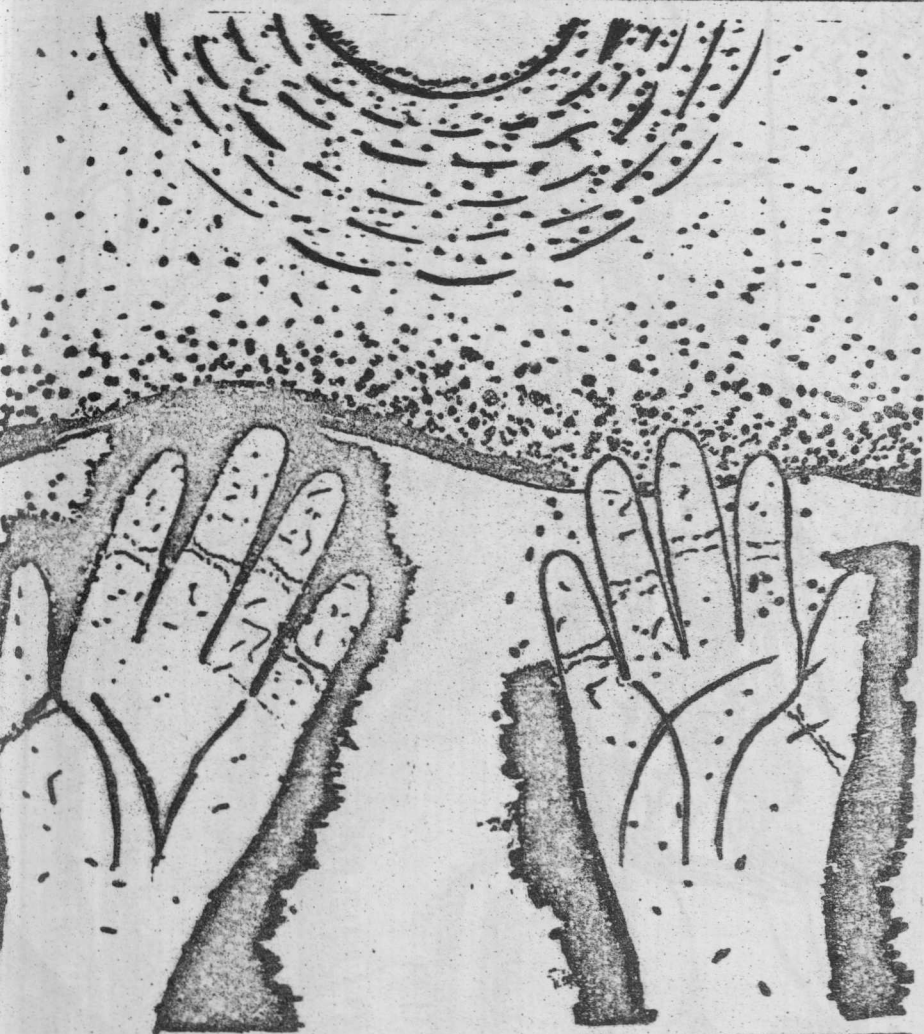

Михенко Е. Почвогоренье от рук. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Круг".
Б. Тушь. 1996.

Едакимова А. Почвогоренье от рук. Ил-
люстрации к промываленни Г. Аиги "Крути",
В. Тушь. 1996.

Дементьева ... Почваторенье от рук. Ил-
люстрация к произведению Г. Айги "Круг".
Б. Тушь. 1996.

Гилишова И, Повеока в луну утлубает-
оа. Илангтрация к промзведеиия Г. Анги
"Круг", В. Гумь, 1996.

Бедорова Н. Долгий, далёкий плач. Иллюстрация и проза Г. Ааги "Круг".
Б. Тушъ. 1996

Айги говорит нам, что всё во времени повторяется "пылающим кругом", в этом круге находится и поэт- связующая нить между прошлым и будущим, в настоящем заставляющий отснять свою "древододежду", готовящийся к "братанью с Землёй". Айги входит в Древо Жизни своим творчеством:

и в прошлом
и в будущем -
словно- в мгновеньи едином...-

(“В ветр- не называя”) 1985- 86 (8, С.299.)

Поэт себя ощущает и в прошлом и в будущем; и прошлое и будущее слились в настоящем в одно лишь мгновение. Мы здесь видим "круговую модель мира".

"Мир состоит из мгновений, но каждое мгновение принадлежит времени: прошлому (п), настоящему (н), будущему (б).

Человек движется по этому кругу, сохраняя скривалии отцов, передавая их будущим поколениям. Значит, и я- та связь- связь Времени, значит, и я- та частица, что соединяет тот круг, Айги помог мне осознать себя, своё место в этом мироздании, я тоже, стало быть, нахожусь

"и в прошлом
и в будущем -
словно- в мгновеньи едином".

Какая же ответственность лежит на мне? Айги помог мне заглянуть в тот запредельный мир, и я не испугался, не вздрогнул, я понял своё предназначение. Да, "ветр" времени коснулся и меня, я чувствую его дыхание, а как должен чувствовать его поэт? Только теперь, только после философского прочтения мне открылась ясность поэта".

(Алёна С., шк. №16, г. Новочеркасск)

Мы считаем, что в творчестве Айги содержится и языческая модель мироздания. "Языческая модель мироздания- круг". Вечный возврат. Природный круговорот всего живого: от растительного семени, выросшего колоса, сжатого и вновь умирающего, воскрешающего в земле, - до человеческого семени, вырастающего и лежащего в земле, чтобы снова воскреснуть в потомках. Двух понятий язычество не то что не знает, не приемлет. Не может принять без того, чтобы весь его: "космический лад" не рухнул.

Это понятие личности: единственной и неповторимой, не растворяющейся в разовом "Я- внутри- мы", самостоятельно проходящий свою часть общечеловеческой истории и каждой своего, тоже "личного, бессмертия". Приведём суждения читателей:

1. «"Время- одно- лишь одно". В какой- то степени оно однообразно: сегодня Ю часов, завтра будет Ю ч., вчера было Ю ч., но каждый час неповторим. То, что было вчера, не произойдёт сегодня, и никто не знает, что будет завтра. "И вытягивая... блекло- алул память о платьях- давно отшуршавших". Так и мы вытягиваем из шкатулки- памяти свои воспоминания. "О зори- закаты- о годы- сиянья- сиянья- века!" Зори- это рождение и молодость, закаты- старость и смерть, сиянья- это память. Если подставить эти слова, то получится: О рождение- смерть- о годы- памяти- память- века - всё встало в логическую цепочку. Ты родился, умер, а память о тебе живёт. "Знаю- что даже пропавшая придут- словно с даром последним".

"Сразу же- здесь- отсиять заставляя древоодежду мой- до братанья: с Землёй". Здесь же, перед "братаньем с Землёй", люди стараются вспомнить о нём всё, т.е. заставляют заного отсиять всю жизнь (жизнь- древоодежда). Лиши дерева коры- одежды, тогда оно погибнет, так и у человека: лиши его "древеодежды", и человек погибнет.

Древеодежда- это не только жизнь, но и душа, совесть, память. Иногда мы сами скидываем с себя древоодежду, что всегда ведёт к закату. Иногда кто- то лишает нас древоодежды, при этом погибнем не только мы, но и этот кто- то, потому, что лишая нас "древеодежды", в первую очередь, он лишает себя этой "одежды".

Но в круге (языческая модель мира) золото мира пылает- здесь, в "мире- живого- меня". Во мне, значит, живут все те поколения, что были до меня, как же об этом я не задумывалась раньше. Значит, я несу живую код Земли, мира, Вселенной- я частица мироздания. Это очень ответственно, и помог мне понять эту ответственность Айги, его философия".

(Дарья П., читатель Новочечоксарской школы №16, 1995)

2. «"Время- одно- лишь одно: говорить о простом повторяясь пылагцим кругом!"

Айги говорит нам в этом стихотворении о том, что все загадки, которые ставит человечество перед собой, трудны, но ответсна них мы можем найти в своём прошлом, ибо всё повторяется. Без прошлого нет будущего. Человек- это слияние прошлого, настоящего и будущего. В самом человеке находится вселенский разум, но не каждый может раскрыть это в себе. Для этого нужна добрая пылающая душа. Знания дадут человеку ум, слияние: с природой даёт человеку покой; познание прошлого даёт ключ к будущему. А что нужно знать, чтобы открыть в себе вселенский разум? Может, путь круга?"

(Света П., читатель Новочечоксарской

повторяясь пылающим кругом! —

и как будто восходит заря — расширяя
крестьянские празднества.

и вытягивая — до садовых вершин

блекло — алуя память о платях — давно отшуршавших...

Круг — вечность. Замкнутый круг — вечность, из которой никто не может вы-
йти, а если выбраться из этого круга, то дороги назад нет. Наша жизнь —
миг в вечности. Мы всегда идём по этому кругу, передавая эстафету тем,
кто идёт за нами, нам не устоять на месте, как бы нам ни хотелось, нас
захватывает течение и уносит с собой.

Каждый миг неповторим, своеобразен. Круг, по которому мы идём, невоз-
можно разомкнуть. Идя по этому кругу, мы словно заново его выстраиваем.
Круг — какая — то серость, однообразие, которому некоторые подчиняются, а
иные — сопротивляются. Те, кто хочет внести в эту серость тёплые краски, не
может вернуться в этот круг, он, словно оболочка, окутывает его и образу-
ет второй круг.

Этот второй круг, несущий непредсказуемость, индивидуальность
души, пытается влиться в "серый" круг, но не может, он просто не поме-
щается там. Второй круг пытается внести индивидуальность в каждый миг.
Но серость нашего круга так покрылась плесенью, что невозможно её полнос-
тью разрушить."

(Лена В., читатель школы №16
г. Новочебоксарска)

Суждение читателя весьма оригинально, она во времени выделяет второй
круг: в нём находятся те, которые не могут влиться в круг первый. Может
быть, читатель говорит здесь о всевременном обдении гениев?

4. "Время — одно — лишь одно: говорить о простом

повторяясь пылающим кругом "

Поговорим о простом. О древе жизни. О прошлом. О настоящем. О будущем.

Поговорим о простом. Всё в круге: прошлое → настоящее → будущее. Вечный

круг. И в круге — вечные вещи. А в круге — центре — есть дерево. Древо жизни.
А на древе — веши, Веши души. Это души каждого из нас. Каждый из нас непов-
торим. Как неповторимы вещи наших душ. Для каждой души свой Бог. Для ко-
го — то — это Вселенский разум. Для другого — разум Человека.

Бог в круге. Круг в Боге. Человек и Бог едины. Единение происходит в
круге — Круге жизни. Человек — бог уходит в Круг, в Древо. Может, там он
познает разум Вселенной. Именно в древе — в центре Круга.

И всё ярче, как рама, горит "золото мозга", пылает. Жизненный Круг.
Круг. Древо. Всё пылает, как "зори — закаты". И в нём — человек. Он думает о
будущем, вспоминая прошлое, живя в настоящем. Он живёт в Круге. Круг —
время... Поговорим о простом..."

(Надя Н., читатель школы №16
г. Новочебоксарска)

5. „Забывтое прошлое вновь повторяется из далей забвенья:

свет- всё алее- из далей забвенья!

Говорим о простом, но повторяемся пылающим, возвышающимся кругом. Куда возвышаемся?— "до садовых вершин". Древо жизни— вот куда стремится человечество, на полк индивидуальности. Ведь ни один лепесток не похож на другой. А что там?— Целомудрие— Верность— Сила души. Только "золото мозга пылет в мире— живого меня!"

Полёт таких мыслей над человечески: мозгом заставляет задуматься над вопросом о смерти. Что это? Это наказание за первородный грех? Желание узнать, достигнуть древа жизни?"

(Ярослав В., читатель школы №16
г. Новочебоксарска)

6. «Дали забвенья»— это века, бывшие до меня, Айги; их свет, по Айги, отражается в закатах и заревах. В сиянии зари Айги видит свет тысячелетий, этот свет он хочет передать нам, ибо там общечеловеческие ценности: память, совесть, человечность...

"Сияние тех. ушедших веков Айги хочет передать. Он связующее звено. Но я думаю, что свет "далей забвенья" есть в каждом из нас, надо только его в себе открыть. Айги открыл, помог и мне найти его".

(Настя М., читатель школы №16
г. Новочебоксарска)

7. «Золото мозга»— это знания. Знания пылают. Эти знания идут из глубины веков. Мне кажется, что, когда человек рождается, он уже знает, в чём смысл его жизни. Но, вырастая, некоторые забывают. Такие люди не оставляют след в жизни. Они не задают себе вопроса: "А зачем я живу?" Жизнь— это река. Рождение и смерть— её берега. Люди, не зная, в чём смысл их жизни, просто плывут от одного берега к другому. Они уходят в "Ничто". Вообще— то все люди уходят в "Ничто", но те, которые поняли смысл своей жизни, они остаются, они живут в прошлом, настоящем и будущем. Для меня понять смысл моей жизни— это значит обрести бессмертие. Каждый человек должен оставлять после себя что-нибудь. Какое-нибудь своё творение. В жизни просто так ничего не делается. Если человек родился, значит, ему надо что-то сделать. А что сделать? Может, стать древоодеждой? И отсиять!"

(Набойкова Е., читатель школы №16
г. Новочебоксарска)

8. «По зародо- корням— человекам!— и ответно сияет сыновье- и— отче сияние». Мы лишь маленький эпизод, из истории нашего рода. Наши предки—

наши корни. Здесь нет конца и нет начала - круг.

Время - одно - лишь одно: говорить о простом
повторяясь пылающим кругом! -

Круг - символ бесконечности, жизни, и мы лишь маленькие частицы этого круга. Но мы должны стараться оставить след после себя для того, чтобы будущее было светлее. Но чем мы можем оставить след? Только добром, светом. И тогда этот круг засияет, запылает! И этот круг будет как восходящая заря озарять нашу жизнь".

(Радик П., школа №16,
г. Новочебоксарск)

9. "Круг - бесконечная линия, не имеющая ни конца, ни начала. Круг - символ, включающий в себя прошлое, которое, к сожалению, забывается, настоящее, втянутое в хаос, будущее, которое нам неизвестно. Это три связанных можно сравнить с зарёй, днём и ночью. Заря, как прошлое, встретится в человеке. Кому - то оно принесёт радость, кому - то боль... Днём нам всё ясно, всё известно, мы забываем всё... Ночь углубляется в неизвестное, погружаемся в небытие. И так по кругу, по вечности...

Плате (давно отшуршавшее), словно время, окутывает круг - вечность. "Кони - движения" - это минуты, часы, они становятся всё ярче и ярче и совсем угасают, чтобы вновь засиять в веках. "Отсиять" здесь - это здесь осуществиться. А там новое сияние - мой продолжение в детях и внуках, круг вечен..."

(Алексей С., шк. №16,
г. Новочебоксарск)

Ю. "Золото мозга пылает -
Золотом мозга считается ум.
Ум - душа, она пылает.
Она поёт и кричит.
Она кричит с том ледя, чтобы
Они её поняли, не убили.

Айги пытается понять многие, но он открывается немногим. Человеку хочется чего - то нового, а не простых стккрытых стихов без подтекстов. Ему хочется думать, искать, мне тоже. Если хочешь понять Айги, стккрой - ся ему, его стихам, его душе. И ты почувствуешь силу его стихов. Она таинственна, прекрасна и сильна".

(Антон С., шк. №16,
г. Новочебоксарск)

II. "Новая философия заключается в познании себя, ^{это путь} через страдание - к

вере. Бог для Айги - Вселенский разум, Красота, Человек, Природа - мать. Не убивайте индивидуальность! Неси в мир вещи своей души! И пусть они будут непредсказуемы. Как непредсказуемы Пастернак, Цветаева, Ахматова, Айги".

(Надя Н., шк. №16,
г. Новочебоксарск.)

12. "Айги - гений, разум вознёсся над землёй и парит между слиянием неба и земли. В его произведениях скрыта великая сила, сила добра, сила ума, сила, несущая свет. Айги индивидуален.

Бог для Айги - красота, красота существует и в стихах Айги. Главное - почувствовать эту красоту, расшифровать и принять! Я понял и принял философию Айги: он помог мне понять себя".

(Алексей С., шк. №16,
г. Новочебоксарск.)

13. "Боль тождественна вере. С болью в душе обретаем знание. Знание мозга" не есть то знание, которое освещает путь индивидуальности. Знание себя - награда за тяжёлый труд открытия и осмысления человека в мире, души во вселенной. Только имея это знание, человек обретает бессмертие, т.е. познаёт абсолюты рождения и смерти, и на Земле воцаряется истинное Добро. Может быть, в этом и есть смысл бытия? Мне понятна философия Айги: будь собой! Пройди через страдание к вере".

(Катерина В., шк. №16,
г. Новочебоксарск.)

Приведённые суждения доказывают, что произведения Айги читателям понятны, они осмыслили и языческое мировосприятие поэта, поняли, приняли.

"Круговая модель мира" прослеживается и в произведении "Есмь":

Идеей
Ты нас окружаешь
как шёлком.

Слова создают образ круга, ибо мы представляем, как обволакивает шёлк что-то, в данном случае семья Айги, ибо рождаются идеи, они в кругу Вечности; родилась одна идея, её сменила другая, на смену пришла третья, рождается вихрь идей. Образ круга создаёт и 4 строфа:

во времени мы - как в составе Нокрова
Природы.

Мы в кругу времени, Айги слова "Время и Природа" пишет с заглавной буквы, ибо Они - Вечность, а мы в этой Вечности, в этом кругу, но наше мгновение для того и пришло, чтоб "собой" окружать, Айги говорит, что, чтобы хоть как-то остаться в этом "круге", надо "собой окружить" мир,

то есть дать возможность проявить себя, стать "вселенной-ребёнком", стать самим собой, как говорили философы-экзистенциалисты. Такой "вселенной-ребёнком", по мнению Айги, является чувашский народ, не растерявший в кругу жизни свои ценности. Поэтический мир поэта составлен из безошибочно национальной "материи". Это уловили и учащиеся класса ИЗО, ибо в их рисунках к стихотворению "Круг" присутствуют национальные мотивы.

Тимофеев Э. (один из учащихся класса ИЗО) назвал Айги "Тихим полем". Сказано ёмко, глубоко. Образ поля - это один из основных образов в поэзии Айги. Почему?

Воробьёва Г.И. (методист кафедры многоязычия института образования Чувашской Республики) рассуждая о творчестве поэта, заметила: "Почему у Айги часто встречается образ поля? Мне кажется, что поле - это символ чувашского народа. Почему? Потому что большая часть жизни у чуваша проходила в поле.

Поле - это место Бога, ибо поле принимало и понижало душу чуваша. Чуваш и при горе не голосил, а выходил в чисто поле, там, обнимая землю, доверял ей свои горести и беды, земля понимала, давала силу...

У Лермонтова "пустыня внемлет богу", а у Айги, мне так кажется, поле внемлет Богу".

Автор считает, что между Айги и полем можно поставить знак равенства:

АЙГИ = ПОЛЕ

Сам поэт, когда ему было невыносимо больно, выходил в поле:

лишь я и поле

как мир

("Тихина") (В.С.В.)

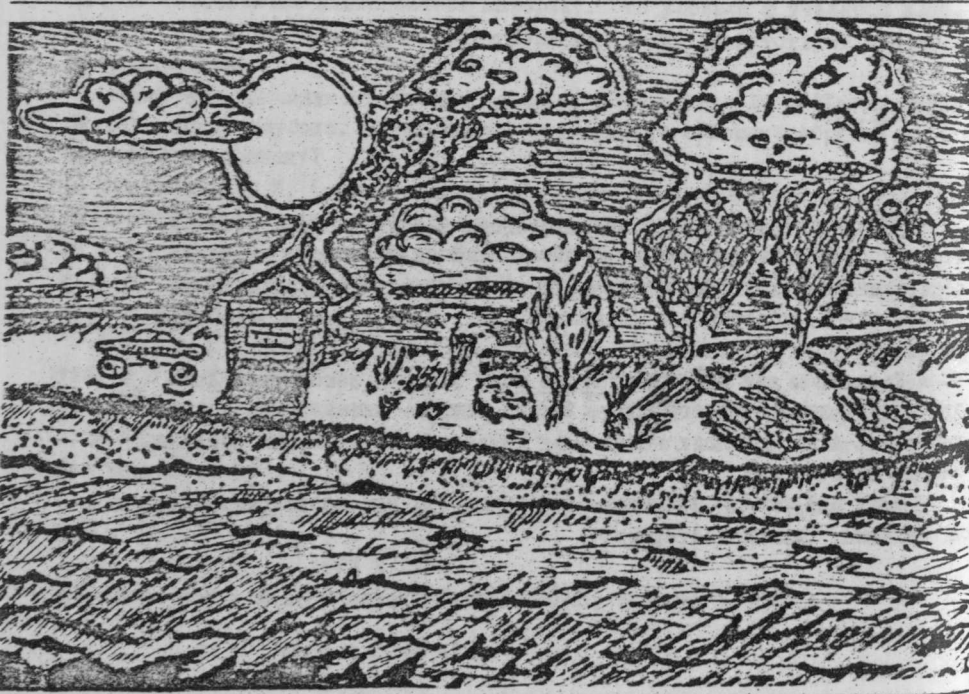

"В произведениях Айги много тревоги и боли, но мне кажется, что эту боль Айги показывает с одной лишь целью: чтобы на земле воцарились мир и любовь, поэтому я на своей картине показал как бы тот завет, который нам оставляет поэт: любите жизнь, несмотря ни на что!

Картине я дал название "Тихое поле". Что я изобразил? Дом — это символ нашего общего дома — земли; голубь — символ мира и спокойствия. А на поле лик поэта (мне кажется, что символом Айги является тихое поле).

Айги мне очень нравится, жаль, что я с ним познакомился совсем недавно. Сколько потеряно!"

(Тимовеев Эдуард. 9 кл.)

Тимофеев Э. Тихое поле. Иллюстрация к произведениям Г. Айги. Б. Тушь. 1996.

"Я изобразил обобщенный образ чувашскоязычной поэзии Г. Айги в виде мирового дерева. Корни дерева - это то вековечное, что вошло в чувашскоязычную поэзию Айги. Ствол дерева - это его поэзия. Ветви дерева - это будущее его поэзии. Ветви тянутся в небо - к космосу, вселенной. Айги мне позволил по-новому взглянуть на мир, теперь о мире я знаю больше. Айги мне очень нравится".

(Шмаров Михаил, 9 кл.)

Заключение.

Опираясь на утверждение А.И.Белецкого о "необходимости изучать вкусы читателей, их потребности, их восприятие художественной литературы /Иб,С.26/, мы подвергли исследованию восприятие читателями творчества Айги и его философских мотивов. На первом этапе эксперимента /1992-1993/ мы определили исходные позиции исследования, готовили читателей к восприятию творчества Айги, для этого знакомили их с отдельными произведениями поэта, проводили консультации, что способствовало восприятию поэта-модерниста, на этом же этапе читателей знакомили с поэтами-модернистами начала XX века: Хлебниковым, Кузминым, Маяковским и др. На первом этапе эксперимента восприятие шло на уровне "конкретности" /по Н.Д.Молдавской/, на уровне "знакомства" /по Д.Андрееву/, на уровне внимания /по В.В.Прозорову/, мы старались привлечь внимание к произведениям Айги.

Зная, что они труднодоступны, мы организовывали выставки, где знакомили читателей с биографией поэта, с публикациями о поэте. Этим самым нам удалось вызвать внимание к творчеству поэта-модерниста, чьё имя известно в мире. На первом этапе преобладало фотографическое восприятие творчества поэта, читатели не видели личность автора, подтекст, не умели делать обобщения, не понимали, что произведения Айги - это не готовый результат для потребления, а воплощенный творческий процесс, не раз всегда данный ответ, а заданный вопрос, заключающий в себе путь для самопознания и познания мира, бытия в этом мире, экзистенции. На этом этапе мы знакомили читателей с философами-экзистенциалистами: Хайдеггером, Н.Бердяевым, К.Ясперсом. После знакомства с произведениями философов-экзистенциалистов у читателей появился интерес к философии, к произведениям Айги. Мы формировали читателя, ибо он столкнулся с иным способом видеть и понимать мир, он /Айги/ знает иное, что читатель пока не знает, и это иное /бесконечно-возможное бытие/ надо было познать, понять, постичь и воспринять, ибо поэт здесь дан в "продукте уникальности".

Читатели находили в творчестве поэта мотивы философии экзистенциализма: боли, страдания, переживания своего бытия в мире. Понимали, что в мире много трагического, но его можно преодолеть творческим актом, творением, им доступны стали даже самые "трудные" произведения Айги: "Круг", "Тишина", "Отъезд", "Свет с перерывами", "Поле: куст вербы", "Лицо-тишина", "Поле-Россия", "Время Оврагов", "Прощаясь с Шаламовым", "Стланик на камне", "Дом в роде Мира" и др. Они понимали философскую основу Айги, без труда определяли подтекст, выделяя при этом ключевые слова, где Айги обычно зашифровывал смысл произведения.

На втором этапе эксперимента стали появляться признания читателей: "Я хочу общаться с Айги" /Катя В. 1994 г./.. У читателей появились желания вникнуть в творчество Айги, понять, у них появилось стремление вступить с ним в диалог, чтобы понять сущее этого мира, мироздания, Вселенной.

Общаясь с творениями Айги, читатели пришли к выводу, что произведения Айги - это область духовной жизни, которая предназначена для общения с миром, со всей Вселенной:

О прозрачность! Однажды

Войди и Расширся

стихотворением. 1982

/"Чище чем смысл"/ В, С. 234. /

"Прозрачность" входила и в читателя, расширяясь стихотворением:

От стиха до стиха-

Сон-полёт, дуновение,

Стих- ураган, смерч..,

Смещающий ограждение непонимания

Суть начала начал...!

Картины Даля или Рериха-

Вот

что ... есть для сравнения

Со стихами Его...

Айги- Его!

Его- в нём воплощались мечты поколений,

Его- в нём вся музыка наших веков.

Его- осознание сущности бытия.

Его- вот что можно поставить против

Незнания, против не- до- понимания!!!

Его- это часть мира...

/Фарид И. 1994 г /

В процессе исследования читатели сами начали творить, то есть после осмысления творчества Айги к ним пришло озарение, творчество Айги рождало творчество читателей, за счёт этого творчества шло обогащение Айги. На третьем, завершающем этапе эксперимента, читатели уже давали осознанную оценку творениям Айги, то есть восприятие шло уже на уровне творчества, озарения, оценки. Читатели определили основные мотивы его творчества /мотивы боли, страдания, осознания бытия в мире/, нашли общее в философии Н. Бердяева, К. Ясперса, В. Би-блера и Айги, мир Айги ими был принят, понят через его произведения, они вступали в диалог с Миром и собой, Айги превращался в собеседника, "излучающего новое и актуализирующего вечное" /III, С. 275/ теми мироздания. Мы были свидетелями не только познавательного на-чала, но и эстетического приобщения к бытию:

Не чувствуем, что мы творим-

Не знаем.

Не знать или не творить?

Творить!

Творить- любить!

Осознать...

Осознать Бетховена, Баха, Айги...

А вы пробовали?

Бах= Айги!

Слышите! Значит, любите!

Но не всем дано Любить!

/Фарид И. 1994 г., шк. № 16, г. Новоче-боксарск/

- 2) Сон - есть проход к мирозданию,
Проход, где есть я - шевеление.
Сон?..
Может, он - бесконечность?
Сон - мост между мной и вселенной.

(Тарид И. 1994 г.)

- 3) Сон - побольше меня!

Мольба: Я твоя...
Я в нём растворяюсь,
Я птица - лечу!

(Катя В. 1994 г.)

- 4) И лишь тихое сияние: Мечта.

И лишь тихое мерцание:
Звёзды отражаются в глазах.

(Катя В. 1994 г.)

Читатели мыслили, философствовали, ибо ещё Паскаль говорил о том, что "главное достоинство человека заключено в мысли" (Ю6,С.362).

Тарид Ибрагимов (ученик II-го класса средней школы №16 г. Ново-чебоксарска) мыслит о Слове Айги следующим образом: "Анализировать-изюотское слово. Анализировать можно химический состав, математическую формулу, но Слово- нельзя. Его нужно чувствовать, петь, жить в нём, страдать, искать, ждать и верить. Знаете, почему поэзия Айги велика? Потому что тот, кто поймёт, примет, почувствует Слово Айги, тот сам будет творить вместе с Айги. Как можно объяснить слепому с детства, что такое голубое небо. Как объяснить, что такое "солёный". Это надо чувствовать так же, как и Слово".

(14 мая 1996г.)

Я с этим суждением согласна!

"Философия всегда (когда она дотягивает до философской логики) гнездится в том промежутке, где мысль понимается как начало бытия, где бытие понимается как начало мысли" (23,С. II). Читатели на завершающем этапе эксперимента пришли к пониманию, что мысль- это начало бытия, что бытие- начало мысли. Они начали мыслить, то есть быть в бытии, в мире, пришли к пониманию, что в мире всё взаимосвязано, что жизнь трагична, но эта трагедия преодолена творчеством, и в этом им помог философский разум Айги.

Библиография

1. Айги Г.Н. Здесь. - М.: Современник, 1991. С.134.
2. Айги Г.Н. Снова лес// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С.83.
3. Айги Г.Н. Как бы громко это ни звучало// Чăваш Ем: - 1994. - №34. - С.12.
4. Айги Г.Н. Молчание. - М., 1994. - С.4-47.
5. Айги Г.Н. Предисловие к стихам// В мире книг. - 1988. - №3. - С.21.
6. Айги Г.Н. Разговор на расстоянии// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С.35.
7. Айги Г.Н. Речь при получении международной Македонской премии "Золотой венец"// Лик Чувашии. - Чебоксары. 1994. - №4. - С.51.
8. Айги Г.Н. Теперь всегда снега. - М.: Советский писатель, 1992.
9. Айги Г.Н. Флоксы после всего// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С.41.
10. Андреев Д.Л. Роза мира. - М., 1994. - С.193.
11. Андрияшин Н. Поэт и гражданин// Октябрь. - 1989. - №12. - С.196-197.
12. Балмонт К.Д. Элементарные слова о символической поэзии в кн: Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Составитель: Трифонов Н.А. - М.: Просвещение, 1987. - С.369.
13. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук// Эстетика словарного творчества. - М., 1988.
14. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. - М.: Советская Россия, 1979. - С.42.
15. Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность// Межвузовский сборник научных трудов. Ч.1. изд.: Мордовский университет, 1992.
16. Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. - М.: Просвещение, 1994. - С.26.
17. Белинский В.Г. Собр.соч.в 9томах. Том 2. - М., 1977. - С.196.
18. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Арабески. - М., 1911. - С.258.
19. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Начало века. - М., 1990. - С.536.
20. Белый А. (пс. Бугаев Б.Н.) Символизм как миропонимание. - М.: Республика, 1994. - С.4.
22. Бердяев Н.А. О назначении человека. - М., 1993. - С.7.
21. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. - Париж, 1949. - С.63.
23. Библиер В.С. От наукоучения - к логике культуры. - М.: Политическая литература, 1991. - С.375.
24. Библия, Книга пророка Иеремии I.6/ Вульгата/.
25. *Binck U. Werkstatt Gespräche mit Schriftstillen München. 1965. S.172*
26. Биряков С.Е. // Литературное обозрение. - 1989. - С.41-43.

27. Биряков С.Е. // Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 47.
28. Биряков С.Е. Самоспасавший сад поэзии // Волга. - 1988. - №12. - С. 64-66.
29. Блок А.А. Собр. Соч. в 8 томах. Т. 6. - М., 1963. - С. 32.
30. Блок А.А. Соч. в 2 томах. Том 2. - М., 1955. - С. 729.
31. БЭЭ в 30 томах. Том 29. - М.: Советская Энциклопедия, 1978. - С. 589.
32. Бонуа С.М. Черновики Пушкина. - М., 1971. - С. 204.
33. Брик О. // Леф. - 1923. - №1. - С. 213.
34. Бродский И.А. Эстетика людей // Сегодня. - 1995. - 28 января. - С. 11.
35. Боров К. Проблема художественного восприятия // Вступительная статья / В книге Наумана М.: Общество. Литература. Чтение. - М.: Прогресс, 1977. - С. 12.
36. Брессов В.Я. Ключи тайны. В книге: Русская литература XX века. Составитель Трифонов Н.А. М.: Просвещение, 1987. - С. 370.
37. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - 1940. - С. 71-72.
38. Wegner K. Studien und Aufsätze. Berlin. 1959. S. 66.
39. Wegner K. *Chunstprobleme der Literaturwissenschaft Reinbeck bei Hamburg. 1962. - S. 39.*
40. Вознесенский А.А. Геннадий Айги // Лит. газета. - 1990. - 28 февраля.
41. Волков Г.Н. Парадоксы Айги // Советская Чувашия. - 1994. - 28 августа.
42. Волков Ф.И. Литература как вид художественного творчества. - М.: Просвещение, 1989. - С. 59.
43. Ворошильский В. Белый псевдоним молчания Бога // Сегодня. 14.01.95. - С. 13.
44. Ворошильский В. Сын Гуннов, тот самый поэт // Вестник РХД. - 1976. - №18. - С. 213.
45. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968. - С. 40.
46. Галинская И.Л. Загадки известных книг. - М.: Наука, 1986. - С. 3.
47. Горнфельд А.Г. О толковании художественного произведения // Введение в литературоведение. - М.: Высшая школа, 1988. - С. 439.
48. *Cottfried Becki. Gesammelte Werke in zwei Bänden. Wiesbaden. 1955. Bd 1. S. 507.*
49. Грокс .Русский авангард по обе стороны "чёрного квадрата" // Вопросы философии. - 1990. - №11. - С. 67.
50. Гуревич П.С. Проблема другого в философской антропологии М.Бахтина. // Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. - С. 90.
51. Даекин Е. Слово надо выстрадать // В мире книг. - 1968. - №3. - С. 20.
52. Данелия С.И. О философии Грибоедова. Тифлис. 1931.
53. Докусова А.М. Восприятие учащимися литературного произведения. - М.: Просвещение, 1974. - С. 3.
54. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Том 13. - М.Л.: ГИЗ, 1930. - С. 531.
55. Егтушенко Е.А. Защита собственной души. В кн.: Айги Г. Здесь. -

М.: Современник, 1991. С. 5-8.

56. Еремеев А.Т. От события к со-бытию // Межвузовский сборник научных трудов. - Саранск, 1992. С. 22.
57. Махоян М. Вечер Геннадия Айги // Советская Чувашия. - 1995. - С. 5.
58. Зелешук В. Свет боли в глазах // Октябрь. - 1989. - № 2. - С. 202-206.
59. Иванов В. Заветы символизма. Бороздка межи. - М., 1916. - С. 130-135
60. Ильин И.А. Пошнее сердце // Наш современник. - 1991. - № 7. - С. 163-167.
61. Кант И. Сочинение в 6 томах. Том 5. М., 1965. - С. 322.
62. Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. В 3 томах - 4 - стереотипное изд. - Т. 3. - Рига: Виела, 1994. - С. 6-7.
63. Клихе Д. Восприятие литературы. - В книге: Общество. Литература. Чтение. М.: Прогресс, 1978. - С. 217.
64. Кодранская Н. Алексей Ремизов. Письма // Вопросы литературы. - 1994. - № 5. - С. 76.
65. Колобаева Л. Право на субъективность // Вопросы литературы. - М., 1994. - № 5. - С. 51.
66. Кондратьев В. Предчувствие эмоционализма // Звезда. - 1991. - С. 142.
67. Кривулин В. О простоте, свободе и почве // Эмена. - 1991. - 24 авг.
68. Крук И.Т. Русская литература XX века. Л., 1994. - С. 492.
69. Кублановский Е. Поэзия нового измерения // Новый мир. - 1991. - № 2. - С. 243.
70. Кузнецов В.
// Литературное обозрение. - № 8. - С. 125.
71. Курочкин М.А. Опрекрасной ясности. В кн. Русская литература XX века Дюктябрьский период. Составитель: Трифонов Н.А. М.: Просвещение, 1987. - С. 475.
72. Кулаков В. Бронзовый век русск. поэзии // Урал. - 1993. - № 6. - С. 222.
73. Кулакова И.С. Философия и искусство модернизма. - М.: Политическая литература, 1980. - С. 4.
74. Лавров А.В. Андрей Бельский и Григорий Эковорода. - Вр. 1975. - С. 21.
75. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. - М., 1991. - С. 256.
76. Матгаузер З. Необычный голос // Руде право. - 1967. - 3 ноября.
77. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной литературы. СПб. 1853. - С. 42.
78. Молдавская Н.Д. Опыт изучения читательского восприятия. - М.: Просвещение, 1974. - С. 28.
79. Мосоро И... и о лбви с первого взгляда // В мире книг. - 1988. - № 10. - С. 54.
80. Науман М. Литературное произведение и история литературы // Сбор-

- ник избранных работ.-М.: Радуга, 1984.- С.123.
81. Неделькова А.Д. На обе *на ножках*. Белград. 1974.- С.141.
Цит. по книге: Восприятие русской литературы рубеж.А.:
Наука, 1990.- С.25.
82. Нирёл. Значение литературного произведения и внетекстовая среда.-
В книге: Современные проблемы литературоведения и язы-
кознания.-М., 1974.- С.87.
83. Новиков В. Гренобльские грёзы//Октябрь.- 1990.-#12.-С.190.
84. Новикова М. Христос, Велес- и Пилат// Новый мир.- 1991.-
#6.- С.252.
85. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М.: Советская энциклопедия,
1973.- С.19.
86. Пайманова М. Мужественное одиночество// Народная школа.- 1993.-
#3.- С.57.
87. Пайманова М. Эстетический феномен Г. Айги// Лик чувашии.- 1994.-
#4.- С.140.
88. Панченко О. Русская литература на польском свете// Дружба на-
родов.- 1995.- #8.- С.166-167.
89. Проблема научного исследования М.М.Бахтина// Межузовский сбор-
ник научных трудов.- Заранск, 1985.- С.4.
90. Прозоров В.В. Общие вопросы художественного восприятия//Межу-
зовский тематический сборник.- Калинин, 1982.- С.9.
91. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.- С.344.
92. Сахаров В.Н. Светлый русский ум // Забелин И.Э. Домашний ~~свет~~ рус-
ских царей в XVI- XVII столетиях.-К.: Книга, 1990.-С.11.
93. Севастьянов. Единство познания и творчества в искусстве.-
М.: Изобразительное искусство, 1977.- С.222.
94. Сидоров А. Бросивший вызов толпе //Чуваш Ен.-1994.-#44.-С.8.
95. Сквогода Г. Собрание сочинений. Т.1. СПб. 1912.- С.146.
96. Смирнов В. Поэзия В.Хлебникова. Вст. статья в книге: Хлебни-
ков В. Избранное. М., 1989.- С.9.
97. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX-начала XX века.- М.:
Просвещение, 1993.- С.233.
98. Соловьёв В.С. Буддийское настроение в поэзии. Собр. соч. 2-е
издание. СПб. 1912. Т.7.- С.81-85.
99. Станитич. Игославская лит. критика о русской поэзии//Сборник
статей Акад. Ленинград.- 1990.- С.Ю.
100. Тимонова Е.П. Брюсов о русских поэтах XIX века. Бриван, 1973.-С9
101. Чулков Л.Н. Полное собрание соч. в 90 томах. Том I. М.: Полит-
издат, 1955.- С.19.
102. Тургенев И.С. Русские писатели о литературном труде.-Л.: Совет-

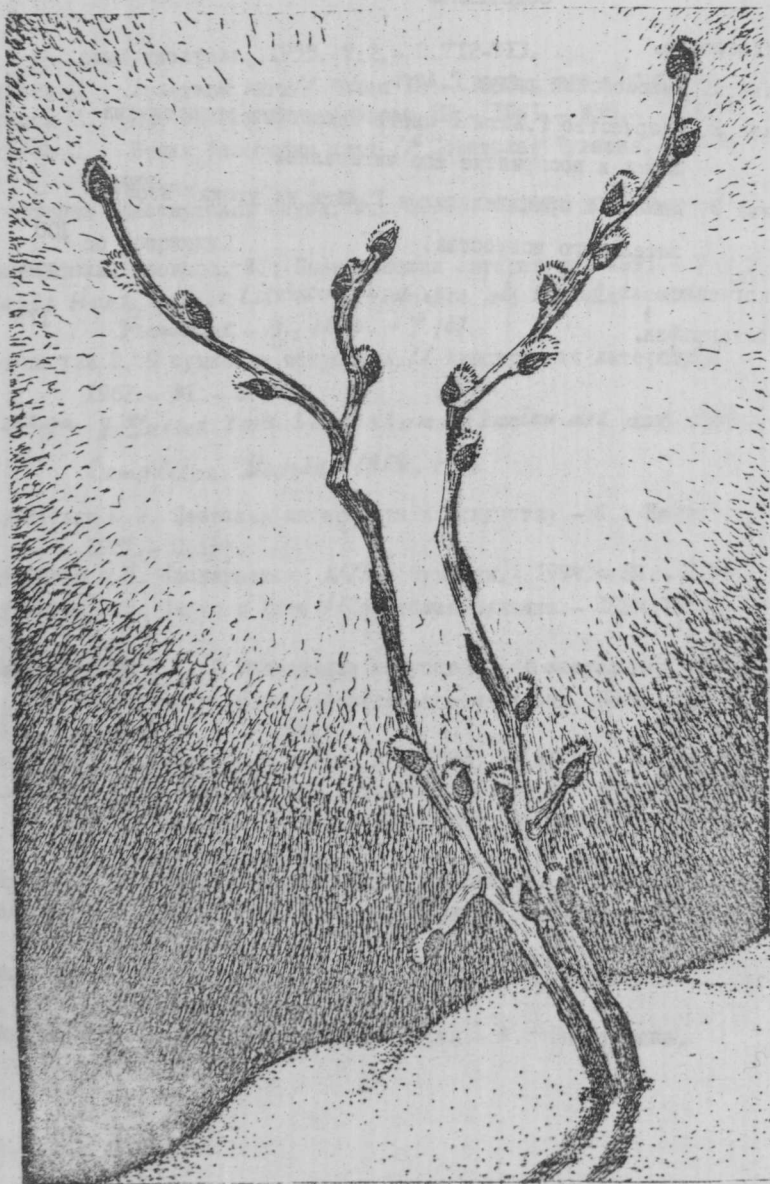
ский писатель, 1955. Т. 2. - С. 712-713.

- Ю3. Убасси С. Архетипы Айги // Чаваш Ен. - 1993. - №19. - С. 7.
- Ю4. Убасси С. Два полуса Айги // Чаваш Ен. - 1991. - №39. - С. II.
- Ю5. Убасси С. Новая философия мира // Советская Чувашия. - 1992. - I июля.
- Ю6. У истоков классической науки. - М., 1968. - С. 299-302. Цитаты по сборнику.
- Ю7. Философский словарь. - М.: Политическая литература, 1991. - С. 531.
- Ю8. *Jansz Hans. Redegt Literatuurgeschiede als Reviskation Frankfurt. - Н., 1970. - У. 147.*
- Ю9. Хемингуэй Э. О сущности искусства // Иностранная литература. - 1962. - №1. - С. 196.
- Ю10. *Ortega y Gasset Xose. La deshumanizacion del ave Obas Completae. Madrid. 1950. t. 3.*
- III. Храпченко М. Б. Познание литературы и искусства. - М.: Наука, 1987. - С. 144.
- III2. Хузангай А. П. Посвящается А// Лик Чувашии. - 1994. - №4. - С. 41.
- III3. Хузангай А. П. Слово о Айги // Советская Чувашия. - 1994. 19. Ю. - С. 3.
- III4. Чернышевский Н. Г. О назначении искусства, об актуальной стороне содержания художественного произведения. Полн. собр. соч. Т. 2. М., - С. 98.
- III5. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. - С. 82-84.
- III6. Шлегелдт. Произведение как потенциал восприятия и проблемы его усвоения. - В книге: Общество. Литература. Чтение. - М.: Прогресс, - 1978. - С. 51.
- III7. Шопенгауэр А. Афоризмы китайской мудрости. М., 1989. - С. 17.
- III8. Эманкэль П. Предисловие к книге: Г. Айги. Отмеченная зима, 1982. - С. 5-6.
- III9. Яковлев К. Сеспель, Айги, Агивер, Чиндииков. // Чаваш Ен. - 1991. - №34. - 28 сентября.
- III0. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. - С. 406.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	
Глава 1. Философский разум Г. Айги	I
Глава 2. Творчество Г. Айги в свете философии экзистенциализма и восприятие его читателями	53
Глава 3. Диалог с произведениями Г. Айги на уроках изобразительного искусства.	100
Заключение.	174
Библиография.	178

Иванова Г.А. Золотой Час Мира. Иллюстрация к произведению Г. Айги "Поле: куст вербы". 1996 г. Е. Тушь.

Заказ 470

Тираж 1000 экз.

Подразделение оперативной полиграфии Чувашского Ц Н Т И
428000, ЧР, Чебоксары, ул. Ленинградская, 33

5000